

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ИНСТИТУТ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОЙ АЗИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

ХУ Вэньсюй

**ПОЛИТИКА ЧАН КАЙШИ В ОТНОШЕНИИ СССР В 1931-1941 гг.:
ОТ КОНФРОНТАЦИИ К ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ
СОТРУДНИЧЕСТВУ**

**Специальность: 5.6.7. – История международных отношений
и внешней политики.**

**Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук**

**Научный руководитель:
доктор исторических наук
Мамаева Наталья Леонидовна**

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. Смена парадигм функционирования системы советско-китайских отношений в 1931 – начале 1940-х гг. в контексте эволюции международных отношений в Восточной Азии	43
1.1 Факторы, определявшие общие характеристики системы китайско-советских отношений и специфику её стадийных моделей.....	45
1.2 Акторы международных отношений в Восточной Азии и многовекторная система сдержек и противовесов в регионе.....	52
1.3 Постоянные интересы и переменчивость внешнеполитических стратегий Китайской Республики и Советского Союза.....	66
Глава 2. Формирование политики Чан Кайши в отношении Советского Союза в ответ на японскую экспансию(1931–1937 гг.).....	92
2.2 Подписание китайско-советского пакта о ненападении (21 августа 1937 г.) – начало нового этапа советско-китайских отношений	110
2.3 «Просоветская» фракция в окружении Чан Кайши.....	120
Глава 3. Усилия Чан Кайши по вовлечению Советского Союза в войну с Японией(1937–1939 гг.).....	129
3.1 Расчёт Чан Кайши на прямое участие Советского Союза в войне против Японии.....	130
3.2. Реакция Чан Кайши на советско-японские приграничные конфликты в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол	150

3.3. Военная помощь СССР Китайской Республике как неотъемлемая часть внешнеполитических концепций обеих сторон.....	161
Глава 4. Сворачивание военной помощи СССР Китаю и смещение дипломатического фокуса во внешней политике Чан Кайши (1939–1941 гг.)	
.....	179
4.1. Реакция Чан Кайши на советско-финляндский конфликт в контексте многосторонней дипломатии	180
4.2. Обострение противоречий между Гоминьданом и КПК и ухудшение отношений Чан Кайши с Советским Союзом	198
4.3. Прекращение военного сотрудничества Советского Союза с Чан Кайши	210
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	224
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	239
ПРИЛОЖЕНИЕ	276

ВВЕДЕНИЕ

В период, последовавший за окончанием Второй мировой войны, отношения между Советским Союзом (а впоследствии Российской Федерацией) и Китаем прошли через этапы подъемов и спадов. К настоящему времени российско-китайские отношения достигли невиданного ранее уровня прочности и стабильности. На протяжении этого долгого пути накапливался опыт взаимодействия, позитивный потенциал которого необходимо и дальше развивать и осмыслять.

Особенно существенны в этом отношении уроки тех периодов, которые были критически важными для самого выживания наших стран. К таким относится период, продолжавшийся с «инцидента 18 сентября» 1931 г., когда войска императорской Японии оккупировали северо-восточные провинции Китая, до поражения Японии во Второй мировой войне и её капитуляции перед союзниками, объявленной 15 августа 1945 г. и подписанной 2 сентября¹. При этом китайско-советские отношения во время Войны сопротивления Японии с Китаем принято разделять на два этапа: «ранний» – от «инцидента 18 сентября» до подписания японо-советского договора о нейтралитете 23 апреля 1941 г. и «поздний» – от подписания последнего договора до капитуляции агрессора².

¹ 程舒伟.关于抗日战争开端问题的几点认识\\社会科学战线, 2010, (04):111-116.[Чэн Шувэй. Несколько моментов понимания вопроса о начале Войны сопротивления против японской агрессии\\Общественные науки, 2010, №4. С.111-116.].

² 薛衔天、金东吉. 民国时期中苏关系史(中).北京: 党史出版社. 2009. С. 1-2 [Сюэ Сяньтянь, Цзинь Дунцзи. История китайско-советских отношений в республиканский период. Т. 2. Пекин: Издательство «Партийная история», 2009. С. 1-2.].

После того как Япония захватила Северо-Восточный Китай, Чан Кайши, опасаясь дальнейших провокаций с её стороны, принял политику непротивления агрессии и добивался международного дипломатического вмешательства для решения проблемы аннексированных территорий, на которых было провозглашено марионеточное маньчжурское государство. Однако США, Британское содружество наций и Лига Наций придерживались политики умиротворения агрессора, отказывая Китаю в реальной помощи. Это побудило Чан Кайши сначала к шагам по восстановлению дипломатических отношений с СССР в расчёте на его содействие. Однако, убедившись в невозможности решить проблему японской агрессии дипломатическим путём, он напрямую обратился за помощью к Советскому Союзу. Японская оккупация Северо-Восточного Китая представляла серьёзную угрозу и для стратегической безопасности СССР на Дальнем Востоке. Перед лицом общего врага Китай и Советский Союз осознали важность своей взаимозависимости, взаимную стратегическую значимость друг для друга и признали необходимым приоритетное развитие двусторонних отношений как одну из ключевых стратегических целей внешней политики. Отсюда вытекала потребность двух стран, только недавно переживших период острой конфронтации, вызванной причинами идеологического характера, в преодолении вражды и укреплении взаимного стратегического доверия, обеспечении собственной национальной безопасности, углублении сотрудничества в различных областях, объединении усилий для противодействия общим внешним угрозам и совместной работе по сохранению мира на справедливых и равноправных основаниях.

Как и все страны в мире, Китай и Россия, при всём их огромном потенциале, переживали периоды успешного развития и неудач, соответственно, менялся модус их взаимоотношений. Для извлечения взаимной пользы из межгосударственных отношений необходимо, чтобы обе стороны стремились к обучению и развитию, несмотря на существующие различия в их траекториях развития. В условиях общих внешних угроз важно избегать постановки соседнего государства в зависимое положение просителя. Более того, страны должны не только создавать благоприятные условия для мирного сосуществования и развития друг друга, но и активно способствовать поддержанию глобального мира и стабильности.

В начале китайско-японской войны правительство Китайской Республики под руководством Чан Кайши и Советский Союз находились в состоянии политического конфликта, преследовали разные стратегические цели и опирались на несхожие национальные политические идеологии, но в итоге смогли найти общий язык и отбросить свои разногласия, сформировав на довольно значительный срок стратегическое партнёрство.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что 1931–1941 гг. стали периодом глубокой трансформации международной системы накануне и в начальный этап Второй мировой войны. Одним из ключевых центров международных противоречий являлся Китай, оказавшийся в состоянии масштабного национального кризиса вследствие японской агрессии. В этих условиях анализ политики фактического руководителя Китайской Республики – Чан Кайши – в отношении СССР приобретает особую значимость для понимания динамики сил и стратегических расчётов держав на Дальнем Востоке.

В формулировке темы Чан Кайши обозначен как символический репрезентант китайского государства в силу того, что он в рассматриваемый период был фактическим лидером правящей партии и государства, и его личная позиция главным образом определяла внешнеполитическую стратегию и тактику китайской стороны. Таким образом, обращение к политике Чан Кайши в отношении СССР в 1931–1941 гг. направлено на углубление понимания механизмов внешнеполитической адаптации государства в условиях двойного вызова – внешней агрессии и внутренней политической конкуренции – и восполнение существенного пробела в исследовании истории советско-китайских отношений межвоенного периода.

Объектом исследования являются политико-дипломатические, военные и иные отношения СССР и Китайской Республики в 1931–1941 гг., **предметом исследования** – структура основных связей и отношений между двумя государствами, которая стала следствием усилий сторон по реализации их стратегических и тактических планов и задач на разных этапах взаимодействия в изучаемый период.

Степень научной разработанности темы. Российский учёный Н.П. Рябченко, в соответствии с принятой в России концепцией, разделяет китайско-советские отношения в период Войны сопротивления Японии на три этапа. Отсчёт первого он ведёт с 1937 г. до начала Великой Отечественной войны в Советском Союзе в 1941 г., вторым этапом считает весь период Великой Отечественной войны в СССР, а третий – от окончания Великой Отечественной войны до сентября 1945 г.,

когда капитулировала Япония³. В рамках того же периода рассматриваются события и в монографии российского учёного А.М. Дубинского «Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937–1945»⁴, а также в книге американского историка Дж.В. Гарвера «Китайско-советские отношения, 1937–1945: Дипломатия китайского национализма»⁵. Эти монографии дают довольно полное представление об основных событиях, происходивших в отношениях двух стран, – Китая и Советского Союза – за исключением отсутствия описания механизма формирования внешней политики Китайской Республики по отношению к СССР.

Однако в КНР, как уже отмечалось, временные рамки китайско-японской войны рассматриваются иначе – её начало принято относить к 1931 г. Соответственно, увеличивается и продолжительность цикла советско-китайских отношений, который рассматривается в контексте противостояния Японии.

В китайской историографии картина исторического развития китайско-советских отношений во время Войны сопротивления Японии описана, в частности, в книге Ван Чжэня «Альянс в состоянии турбулентности: китайско-советские отношения во время Войны Сопротивления»⁶, а также в монографиях Ли Цзягу

³ Рябченко Н.П. Советско-китайское сотрудничество в антияпонской войне: этапы и проблемы // Россия и АТР. 2015. № 3 (89). С. 61-79.

⁴ Дубинский А.М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937–1945. М.: 1980.

⁵ Garver J. W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. The Diplomacy of Chinese Nationalism. New York, Oxford: 1988.

⁶ 王真. 动荡中的同盟: 抗战时期的中苏关系. 桂林: 广西师范大学出版社, 1993. [Ван Чжэнь. Союз в смятении: китайско-советские отношения во время войны сопротивления. Гуйлинь: Изд-во Гуансийского педагогического университета, 1993].

«Сотрудничество и конфликт – китайско-советские отношения, 1931–1945»⁷, Сюэ Цзитяня и Ким Дон Гиля «Китайско-советские отношения в период Китайской Республики»⁸. По мнению Ван Чжэня, во время Войны Сопротивления между Китаем и Советским Союзом существовало два единых фронта: единый фронт китайско-советского антияпонского союза и единый национальный фронт сопротивления Японии между Гоминьданом Китая (КМТ) и Коммунистической партией Китая (КПК). Эти два единых фронта представляли собой модель объединения усилий двух стран в борьбе против японской угрозы, отражение которой и было общей целью обеих стран. Для достижения этой общей цели они, соответственно, отказывались от акцентирования внимания на идеологическом факторе, что являлось положительным аспектом китайско-советских отношений в тот период⁹. Ли Ибинь отмечает, что после инцидента 18 сентября китайско-японские отношения ухудшились, что способствовало улучшению китайско-советских отношений, особенно в 1935 г.

Чан Кайши наращивал темпы сотрудничества с Советским Союзом, пока 21 августа 1937 г. две стороны не подписали «Китайско-советский пакт о ненападении», что свидетельствует об эффективности подхода Китайской

⁷ 李嘉谷. 合作与冲突——1931-1945 年的中苏关系. 桂林: 广西师范大学出版社, 1996. [Ли Цзягу. Сотрудничество и конфликт – китайско-советские отношения 1931–1945. Гуйлинь, Изд-во Гуансийского педагогического университета, 1996].

⁸ 薛衔天、金东吉. 民国时期中苏关系 (上中下). 北京: 中共党史出版社, 2009. [Юэ Цзиньтянь, Цзинь Дунцзи. Китайско-советские отношения в период Китайской Республики. Пекин: Изд-во «История КПК», 2009. Т. 1–3].

⁹ 王真. 抗日战争时期中苏关系中的意识形态问题研究 / 徐曰彪主编. 北京: 中共党史出版社, 2010. 第 190-237 页. [Ван Чжэнь. Исследование идеологических вопросов в китайско-советских отношениях в период Войны сопротивления японской агрессии / Гл. ред.: Сюй Юэбяо. Пекин: Изд-во «История КПК», 2010. С. 190-237].

Республики к проблеме отношений с СССР согласно формуле «Объединение с Советским Союзом для контроля над японцами»¹⁰. Используя дневники Чан Кайши¹¹, Лу Сицзюнь показывает, как Чан Кайши в период 1936–1937 гг. справлялся со сложными взаимоотношениями между Японией и Советским Союзом и дилеммой «антияпонской» и «антикоммунистической» политических линий. Утверждается, что перед войной Чан Кайши не просто принял стратегию «союз с СССР для контроля над Японией», но и продвигал стратегию «использования Японии для контроля над СССР», проводя при этом политику «использования СССР для контроля над Японией». Другими словами, Япония и Советский Союз служили друг для друга противовесами, и тем самым Чан Кайши достигал двойной цели – «сдерживать Японию» и «контролировать Россию» одновременно¹².

Дэн Е, опираясь на дневники Чан Кайши в качестве основной базы исследования, изучал вопрос о двойственности внешней политики Чан Кайши в отношении Советского Союза в сложной и нестабильной международной ситуации периода 1939–1941 гг. Во время китайско-японской войны советская военная поддержка значительно помогла Китаю в противостоянии Японии, а советские войска, размещённые на Дальнем Востоке, были важной стратегической силой,

¹⁰ 李义彬. 南京国民政府的联苏抗日方针 // 历史研究. 1991. №1. С. 63-79. [Ли Ибинь. Подход национального правительства Нанкина к союзу с Советским Союзом для контроля над Японией // Исторические исследования. 1991. №1. С. 63-79].

¹¹ Диссертант использовал копию дневников Чан Кайши, хранящуюся в Институте Новой истории КАОН в Пекине.

¹² 鹿锡俊. 蒋介石的对苏纠结与抗日决断 (1936-1937) // 抗日战争研究. 2015. №3. С. 4-19. [Лу Сицзюнь. Взаимодействие Чан Кайши с Советским Союзом и разрешение антияпонского противостояния (1936–1937) // Исследование войны сопротивления против Японии. 2015. №3. С. 4-19].

сдерживавшей японскую армию. Но особые отношения между Советским Союзом и Японией, а также между Коминтерном и КПК привели Чан Кайши к мысли о том, что он был союзником, которым пожертвовал Советский Союз. Хотя Чан Кайши выступал за создание единого фронта между Китаем, США, Великобританией и Советским Союзом, он также неоднократно вёл тайные переговоры в надежде на то, что Германия и Япония нападут на Советский Союз, то есть стремился использовать эти две державы, чтобы оказать давление на Советский Союз и ослабить Коминтерн. Чан Кайши считал ослабление Советского Союза важным условием подавления КПК¹³.

Ли Цзюньшань в своей книге утверждает, что в период с 1935 по 1938 г. Чан Кайши предпринял попытку «объединиться с Коммунистической партией и Советским Союзом», попытался кооптировать КПК в систему своей власти с целью получения советской помощи. Подчёркивается стремление Чан Кайши не ограничиваться поддержкой со стороны СССР: для поддержания «равноудалённой» дипломатии между Японией, Советским Союзом, Великобританией и Соединёнными Штатами в 1937 г. Кун Сянси 孔祥熙¹⁴ был отправлен с миссией по пропаганде Тихоокеанской конвенции и китайско-британского альянса. После инцидента у моста Лугоуцяо в июле 1937 г., положившего начало широкомасштабной японской агрессии, Китайская Республика раз за разом обращалась в Лигу Наций и к участникам Договора девяти держав, а также за

¹³ 邓野. 蒋介石的战略布局: 1939-1941. 北京: 社会科学文献出版社, 2019. [Дэн Е. Стратегический план Чан Кайши: 1939–1941. Пекин: Академия социальных наук, 2019].

¹⁴ Кун Сянси (1888–1967) – политический деятель Гоминьдана, финансист, свояк Чан Кайши и Сунь Ятсена, в 1939 г. – председатель Исполнительного юаня Китайской Республики. – Прим. авт.

посредничеством к Великобритании и Германии, но безрезультатно. Чан Кайши в итоге согласился на китайско-советский пакт о ненападении, тем самым встав на путь «союза с СССР для контроля над Японией»¹⁵.

Что касается историографии на русском языке, существует множество работ по различным аспектам внешнеполитических взаимоотношений СССР и Республиканского Китая между собой и с другими странами в обозначенный исторический период.

Среди публикаций о взаимодействии СССР и Гоминьдана можно отметить несколько наиболее значимых. В монографии И. В. Волковой, посвящённой отношениям между СССР и Гоминьданом, рассматривается взаимодействие сторон в период японо-китайской войны¹⁶. Вместе с тем следует констатировать, что глубина анализа данного сюжета ограничена узостью источниковой базы: исследование выполнено практически без привлечения материалов на китайском языке. Исследование Ю.А. Дубинина представляет собой документально обоснованный анализ эволюции политики и дипломатии СССР на Дальнем Востоке в 1920-х – 1945 гг., формировавшихся под влиянием идеологических принципов и геополитических задач обеспечения безопасности в условиях японской агрессии и Второй мировой войны¹⁷. Сотрудничество СССР и Гоминьдана в период

¹⁵ 李君山. 蔣中正與中日開戰 (1935-1938): 國民政府之外交準備與策略運用. 台北: 政大出版社, 2017. [Ли Цзюньшань. Чан Кайши и начало китайско-японской войны (1935–1938): дипломатическая подготовка и использование стратегий национального правительства. Тайбэй: Изд-во Национального университета Чэнчи, 2017].

¹⁶ Волкова И.В. СССР и Гоминьдан. Военно-политическое сотрудничество. 1923–1942 гг. М., 2023.

¹⁷ Дубинин Ю. А. Политика и дипломатия СССР на Дальнем Востоке в канун и в годы Второй мировой войны // Вестник МГИМО. 2023. №6. С. 92-123.

крупномасштабного японо-китайского конфликта 1937–1945 гг. получило отражение в работах Б.А. Бородин, А.Г. Яковлева, Б.Г. Сапожникова, а также в коллективном труде «Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа»¹⁸.

Советская и российская историография также содержит большой объём материала, посвящённого контактам СССР с Японией и Китаем. Взаимодействие СССР и Китая рассмотрено в трудах З.Д. Катковой¹⁹, А.В. Лукина²⁰, Ю.В. Чудодеева²¹, И.В. Волковой²², Р.А. Мировицкой²³, И.Н. Сотниковой²⁴, Н.Л.

¹⁸ Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937–1941 гг. М., 1965; Яковлев А.Г. СССР и борьба китайского народа против японской агрессии (1931–1945 гг.) / Ленинская политика Москвы в отношении Китая. М., 1968. С. 62-78; Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа / К.П. Агеенко, П.Н. Бобылев, Т.С. Манаенков и др. М., 1975; Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). М., 1977; Астафьев Г.В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945) // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 74-82; Чудодеев Ю.В. Советские военные советники в Китае (1937–1942 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 2. С. 117-124; Чудодеев Ю.В. Советские лётчики в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 4. С. 131-139; Лю Т. Потенциальные противоречия между Китаем и СССР после конфликта у озера Хасан (с 1938 года) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2025. Т. 69. № 2. С. 14-30; Барский К.М. Полпредство СССР в Китае в 1933–1937 годах: сильные люди и сложные задачи, которые они решали // Международная жизнь. 2020. № 6. С. 128-157.

¹⁹ Каткова З. Д. Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937–1945). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

²⁰ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: «Весь Мир», 2013.

²¹ Чудодеев Ю.В. Роль СССР в отражении японской агрессии в Китае и проблема взаимодействия советского руководства с лидерами Китайской Республики // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49. № 3. С. 278-283; Чудодеев Ю.В. СССР и Китай накануне и в годы Второй мировой войны // Общество и государство в Китае. 2015. №2. С.750-772.

²² Волкова И.В. Между Китаем и Японией: внешняя политика СССР на Дальнем Востоке в контексте подготовки к заключению советско-японского пакта о нейтралитете (1939–1941) // История: факты и символы. 2020. № 4 (25). С. 111-122.

²³ Мировицкая Р.А. Советско-китайское взаимодействие накануне и на первом этапе Второй мировой войны (1937–1941 гг.). // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 102-112.

²⁴ Сотникова И. Н. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 123-133.

Мамаевой²⁵, А.Л. Верченко²⁶, А.Н. Мичурина²⁷, А.Д. Воскресенского²⁸, М.Ю. Мухина²⁹ и В. Г. Ополева³⁰.

В советской и российской исторической науке проблема оказания Советским Союзом помощи Китаю в годы антияпонской войны, а также определение роли китайского фронта во Второй мировой войне также получили достаточно широкое освещение. Значительный вклад в разработку данной тематики внесли труды Б.Н. Горбачёва³¹. В свою очередь, существенную роль в изучении международного контекста Второй мировой войны на Востоке сыграли коллективные монографии российских авторов. Так, в работе «СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны» всесторонне анализируются различные аспекты политических и военных взаимоотношений Советского Союза с государствами Восточной Азии³².

²⁵ Мамаева Н.Л. Советско-китайские отношения и Коминтерн в период обострения международной обстановки (1931–1937) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 4 (62). С. 5-15.

²⁶ Верченко А.Л. Советско-китайское взаимодействие в годы японо-китайской войны (1931–1945) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25. С. 382-399.

²⁷ Мичурин А. Н. Советско-китайские отношения накануне Второй мировой войны // Россия в глобальном мире. 2016. № 8(31). С. 92-103.

²⁸ Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; Издательский центр научных и учебных программ, 1999.

²⁹ Мухин М.Ю. Советско-китайское сотрудничество в области авиастроения в 1937-1941 гг. / 70-я годовщина победы во Второй Мировой войне в анти-японской войне. Чунцин, 2015. С. 557-573.

³⁰ Ополева В.Г. Роль Чан Кайши в Советско-Китайских отношениях (вопросы отечественной историографии) // Омский научный вестник. 2007. № 4 (58). С. 31-34.

³¹ Горбачев Б.Н. Внешняя помощь Китаю в годы войны с Японией (1937-1945 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 123-135.

³² СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны / Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2010.

Как полагал К.В. Черепанов, китайско-японская война 1937–1945 гг. остаётся важнейшим фактором истории мировой политики и международных отношений. Являясь составной частью Второй мировой войны, она стала отражением существующих противоречий в отношениях между государствами азиатско-тихоокеанской части земного шара. Чрезвычайно интересной и плодотворной в плане выяснения позиции СССР по отношению к этому крупному военному конфликту первой половины XX в. представляется обращение к взглядам и оценкам советского лидера И.В. Сталина. По мнению К.В. Черепанова, Сталин был заинтересован в том, чтобы японцы напали на Китай, увязнув в нём и обезопасив тем самым советские дальневосточные границы. Помощь, оказанная СССР Китаю в борьбе с японской агрессией, носила необходимый и далеко не бескорыстный характер. Китай сражался и за интересы Советского Союза, что советский лидер прекрасно понимал³³. Р.А. Мировицкая показывает, что главным фактором, под воздействием которого складывались советско-китайские отношения в 1937–1941 гг., была война, развязанная Японией против Китая. Принимая решение оказать широкомасштабную военно-техническую, дипломатическую и морально-политическую поддержку Китайской Республике, руководство СССР учитывало, что расширение масштабов японской агрессии на китайском пространстве ведёт к дальнейшему изменению баланса сил в регионе, создавая реальную угрозу безопасности Советского Союза³⁴.

³³ Черепанов К.В. О позиции И. В. Сталина в отношении японо-китайской войны // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 3. С. 16-24.

³⁴ Мировицкая Р.А. Советско-китайское взаимодействие накануне и на первом этапе Второй мировой войны (1937–1941 гг.). // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 102-112.

Следует отметить также монографию А.В. Панцова, посвящённую Чан Кайши. В ней лишь часть содержания отведена проблематике, перекликающейся с темой нашего исследования, а русское издание этой книги содержит сокращённый библиографический аппарат. Зато его англоязычное издание, снабжённое полноценными ссылками, имеет все признаки научной монографии³⁵. В ней подробно объясняется мотивация политических решений Чан Кайши, принимавшихся в тот период, вскрывается подоплёка важных событий и процессов, связанных с развитием советско-китайских отношений. Особого внимания заслуживает описание сложного взаимодействия Гоминьдана, КПК и Кремля, а также других китайских военно-политических сил в драматический период подготовки «второго единого фронта», в частности, Сианьского инцидента в декабре 1936 г., показавшего бесперспективность попыток Чан Кайши пойти вразрез с общественными настроениями того времени и логикой развития военно-политической ситуации в стране.

В исследованиях, обзор которых приведён выше, подробно рассматриваются различные аспекты советско-китайских отношений, подвергнуты анализу важные исторические факты по соответствующим вопросам, по каждому из которых представлено аргументированные мнения, важные для всестороннего понимания протекавших тогда процессов. Однако остается ещё много вопросов, которые требуют прояснения; в частности, недостаёт пока целостной картины внешней политики китайского правительства в отношении Советского Союза в начале

³⁵ *Pantsov V.A. Victorious in Defeat: The Life and Times of Chiang Kai-shek, China: 1887–1975. New Haven, 2023.*

китайско-японской войны, а также комплексных оценок этой политики в контексте международной ситуации того времени. На наш взгляд, также недооценивается активность и самостоятельность внешней политики Национального правительства под руководством Чан Кайши по отношению к Советскому Союзу. В связи с этим в данной работе была рассмотрена эволюцию этой политики в отношении СССР в качестве основной линии исследования, а её влияние на китайско-советские отношения и другие связанные с ними вопросы – в качестве линий дополнительных. В работе особое внимание уделяется взаимному подтверждению свидетельств, содержащихся в документах, хранящихся в китайских и российских архивах. Сопоставление исторических материалов, представленных в архивах двух стран и опубликованных в документальных сборниках, поможет лучше прояснить глубинные предпосылки процесса принятия решений руководителями Китая и Советского Союза по поводу сотрудничества двух стран и реконструировать сложную структуру их взаимоотношений.

Хронологические рамки работы обусловлены тем, что оккупация Маньчжурии, начавшаяся 18 сентября 1931 г., положила начало японской агрессии в Китае и той цепи событий, которая привела к переходу отношений двух стран (СССР и Китайской Республики) от конфликта к партнёрству, а затем, в начале 1940-х гг., особенно после начала агрессии нацистской Германии против СССР в 1941 г., перешедшее в ту фазу, когда оно ограничивалось моральной поддержкой и деятельностью военной советнической миссии СССР в Китае.

В период, который фиксируется этими рубежами, китайско-советские отношения поочерёдно прошли через стадию разрядки и установления

дипломатических отношений, затем через стадию нормализации и поиска форм сотрудничества, далее через совместное противостояние японцам и последующее охлаждение. Тем самым этот временной отрезок позволяет в полной мере рассмотреть процесс выработки режимом Чан Кайши и советским правительством внешней политики в отношении друг друга и внутреннюю логику развития китайско-советских отношений.

Цель диссертационного исследования – выявить причины и последовательность эволюции модели советско-китайских отношений, факторы, обусловившие эту эволюцию, начиная с момента восстановления Чан Кайши дипломатических связей с Советским Союзом в начале китайско-японской войны и заканчивая периодом активной фазы военного сотрудничества между двумя государствами.

Для достижения этой цели решались следующие **задачи**:

- 1) Охарактеризовать международную обстановку в Восточной Азии в 1931–1941 гг. и определить её влияние на трансформацию советско-китайских отношений;
- 2) Выявить исходные предпосылки конфронтационной модели взаимодействия между Китайской Республикой и СССР в начале 1930-х гг., включая идеологические, внутривластные и геополитические факторы;
- 3) Проследить процесс формирования политики Чан Кайши в отношении СССР в условиях нарастающей японской экспансии и определить ключевые этапы её эволюции;
- 4) Раскрыть механизмы перехода от ограниченного и противоречивого

взаимодействия к военно-политическому сотрудничеству, включая заключение межгосударственных соглашений и развитие форм военной и финансовой помощи;

5) Обозначить влияние внутренней политической ситуации в Китае, в том числе фактора отношений с Коммунистической партией Китая, на выработку и реализацию советского направления во внешней политике Чан Кайши;

6) Определить причины и последствия сворачивания советской военной помощи Китаю в 1939–1941 гг., а также оценить влияние данного процесса на изменение дипломатических приоритетов китайского руководства;

Источниковая база исследования (первоисточники). Для раскрытия динамики трансформации политики Чан Кайши в отношении СССР – от конфронтационных позиций до формирования военно-политического сотрудничества – в указанный период необходимо обозначить и уточнить ключевые исторические события и факты. Это определяет высокие требования к формированию источниковой базы и её критическому осмыслению. Обращение к первоисточникам осуществляется с учётом их аутентичности, релевантности теме исследования, объективности представления фактов и специфики их создания – принципов, полностью отвечающих методологическим стандартам исторического исследования.

Для уточнения обстоятельств дипломатической деятельности Чан Кайши и его правительства в отношении СССР, а также позиций Советского государства во взаимодействии с Гоминьданом в исследовании привлекаются неопубликованные документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) – классические дипломатические архивы, формирующиеся в процессе повседневной

работы внешнеполитического аппарата России (ранее СССР). Эти документы являются прямым отражением официальной позиции Москвы в отношении Китая и реакции советского руководства на политические шаги Чан Кайши, что делает их важнейшим источником для анализа двусторонних отношений в период 1931–1941 гг. Критически важным при их использовании является учёт официального характера этих документов: они могут содержать цензурные редакции или искажения, обусловленные политическими интересами того времени. Тем не менее, их аутентичность подтверждается архивными каталогами, установленным порядком хранения и реквизитами официальных лиц, что обеспечивает надёжность данных о дипломатических контактах между СССР и правительством Чан Кайши³⁶.

Дополнительно привлекались опубликованные сборники документов на русском языке: «Русско-китайские отношения в XX в.» (т. 3–4)³⁷, «Документы внешней политики СССР» (т. 20)³⁸, «Советско-китайские отношения. 1917–1957»³⁹. Эти фундаментальные издания, подготовленные ведущими российскими историками (С.Л. Тихвинский и другими), систематизируют материалы о советско-китайских отношениях в 1931–1941 гг. и содержат важные данные о взаимодействии Москвы с правительством Чан Кайши. Они отличаются научными комментариями, но требуют учёта редакторской позиции: например, «Документы

³⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 100. Оп. 22. П. 190. Д. 10; Ф. 100. Оп. 24. П. 7. Д. 196.

³⁷ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. Т. 3: Советско-китайские отношения, сентябрь 1931 – сентябрь 1937; Т. 4. Кн. 1: 1937–1944 гг. М.: 2010.

³⁸ Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 20: 01 января – 31 декабря 1938. М.: Политиздат, 1977.

³⁹ Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов / отв. ред. И. Ф. Курдюков и др. М., 1959.

внешней политики СССР» (т. 20), опубликованные в советское время, носят идеологический характер, что могло привести к селекции или редактированию документов, отражающих отношения с Гоминьданом, в соответствии с официальной точкой зрения.

Важным дополнением к русскоязычным источникам служат фундаментальные китайские документальные публикации, освещающие политику Чан Кайши в отношении СССР в 1931–1941 гг. Особую ценность представляет сборник под редакцией Ли Цзягу, включающий материалы из ведущих архивов и собраний, который отражает эволюцию позиции Гоминьдана от конфронтации к сотрудничеству и фиксирует официальную китайскую точку зрения⁴⁰. Однако при его использовании необходима взаимная верификация с русскоязычными материалами, поскольку национальный контекст мог предопределить отбор документов, подтверждающих позицию правительства Чан Кайши. Аналогичного критического подхода требуют и такие издания, как составленный Цинь Сяои «Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики», чей официальный характер, обусловленный ведомственной принадлежностью, предполагает идеологическую ангажированность. Его раздел по «военной дипломатии» закономерно отражает официальную точку зрения гоминьдановского режима, стремившегося представить свою роль в войне как центральную, что обязывает исследователя сопоставлять эти документы с советскими и японскими архивами. Этот же принцип применим и к архивным документам фонда 127

⁴⁰ 中苏国家关系史资料汇编 (1933-1945). 北京: 中国社会科学文献出版社, 1997. [Сборник данных по истории отношений Китая и Советского государства (1933–1945) / под ред. Ли Цзягу. Пекин: Академия социальных наук, 1997].

(«Исторические материалы о войне сопротивления против Японии») из Тайбэя: высокая аутентичность отдельных источников не исключает того, что сам процесс их комплектования и современного предоставления может быть направлен на формирование определённого нарратива, что требует тщательного анализа происхождения и контекста каждого документа⁴¹.

Материалы РГАСПИ отражают внутреннюю политику советского государства, идеологические ориентиры Коминтерна и дискуссии о взаимодействии с Гоминьданом, поэтому их анализ требует учёта идеологической предвзятости авторов, которая может проявляться в субъективной оценке политики Чан Кайши⁴².

Сведения о деталях оказания советской военной помощи Китаю, которая стала ключевым элементом военно-политического сотрудничества Чан Кайши с СССР в 1937–1941 гг., черпались из материалов Российского государственного военного архива (РГВА). Эти документы характеризуются высокой детализацией фактов (численные данные о военной технике, составе советских добровольцев, боевых операциях), что позволяет анализировать степень влияния военной помощи на трансформацию политики Чан Кайши в отношении СССР. При этом они

⁴¹ 中华民国重要史料初编--对日抗战时期第三编--战时外交（二）/ 秦孝仪主编. 台北: 国史馆, 1981. [Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики. Период сопротивления Японии. Ч. III. Дипломатия военного времени (II) / под ред. *Цинь Сяои*. Тайбэй: Национальный исторический музей, 1981]; 台北“国史馆”档案史料文物查询系统: 127 全宗. 抗战史料 [Коллекция 127. Исторические материалы о войне сопротивления против Японии / Тайбэй, Система поиска по архивам и историческим материалам Национального исторического музея]. URL: <https://ahonline.drn.gov.tw/index.php?act=Archive> (дата обращения: 29.04.2025).

⁴² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 21; ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы: в 5 т. / ред. колл. *М. Л. Титаренко, М. Лейтнер* [и др.]. Т. 5. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943. М.: 2007.

ограничены фокусом на военных аспектах – социальные и политические мотивы сотрудничества зачастую опущены. Кроме того, военные документы могли подвергаться частичной редакции в процессе деклассификации, что требует дополнительной верификации⁴³. Из источников на китайском языке к этим материалам можно добавить сборник под редакцией Цзян Сяои, содержащий документы о китайско-японских отношениях и позициях Чан Кайши в вопросах военного сотрудничества с СССР.

Помимо архивных и опубликованных документов, ключевым источником для анализа политики Чан Кайши в отношении СССР являются публикации мемуарного характера, в частности – журнал (дневник) Чан Кайши и воспоминания бывшего министра иностранных дел Китайской Республики Ван Шицзе. Среди этих источников дневник Чан Кайши заслуживает особого внимания как уникальный документ, отражающий внутренние мотивы, стратегические соображения и личную позицию Чан Кайши в отношении СССР на протяжении всего периода 1931–1941 гг. (от конфронтации до сотрудничества). Однако критическое использование дневника Чан Кайши является особенно важным, поскольку этот документ носит ярко выраженный субъективный характер и требует тщательного анализа с точки зрения его ограничений. Тем не менее, несмотря на указанные ограничения, дневник Чан Кайши остается ценным источником, поскольку он позволяет углубиться во внутренний мир лидера Гоминьдана, понять его стратегические расчёты и мотивы принятия решений в отношении СССР.

⁴³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. ОП. 3а. Д. 1303; Ф. 33987. ОП. 3а. Д. 1261.

Критическое использование этого документа в рамках исследования подразумевает не только извлечение фактов, но и тщательную оценку его объективности, выявление возможных искажений и сопоставление его данных с другими первоисточниками, что обеспечивает научную надёжность выводов о политике Чан Кайши⁴⁴.

Критическое использование всех указанных первоисточников в рамках исследования осуществлялось на основе принципов взаимной верификации материалов, анализа контекста их формирования, оценки репрезентативности и привлечения научной критики ведущих историков. Особое внимание уделялось критическому осмыслению дневника Чан Кайши: его данные тщательно сопоставлялись с архивными документами и другими источниками для выявления искажений, обусловленных личными и идеологическими позициями автора. Это обеспечило научную надёжность исследования, позволяя на основе объективных фактов раскрыть динамику трансформации политики Чан Кайши в отношении СССР – от конфронтации до военно-политического сотрудничества.

Методологическая основа исследования. В ходе выполнения диссертационного исследования применялся широкий круг методов. В частности, индуктивный, когда с целью выявления основных институтов, задействованных в реализации советско-китайских отношений с обеих сторон на тех или иных этапах, посредством анализа и обобщения определённого количества фактов выявлялись наиболее функционально значимые события с точки зрения потребностей

⁴⁴ 蒋介石日记 [Дневник Чан Кайши]; 王世杰日记 [Дневник Ван Шицзе]; Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. 2-е изд., испр. и доп. М.: 2009.

взаимодействующих сторон и роль соответствующих институтов в этих событиях. Тот же метод использовался при выявлении общих (по характеру) для всех этапов внешних и внутренних факторов, сказывавшихся на эволюции отношений двух стран в политической и военной сфере, для обобщения характера изменений, произошедших в модели советско-китайских отношений с конца определённого этапа. Дедуктивный метод – выведение частных случаев из общих положений – применялся в таких ситуациях, когда, в частности, речь шла о выявлении неявных мотивов сторон или неартикулированных целей и задач, которые представители договаривающихся сторон не озвучивали своему партнёру. Сравнительный метод находил применение при сопоставлении стратегий, политических линий и решений разных государств, а также при выявлении общих черт и различий, например, между различными историческими периодами и так далее.

Научная новизна исследования обеспечена использованием значительного объёма нового материала из фондов архивов Китая и России, заключается во введении в научный оборот ряда документов, в том числе касающихся дипломатической работы китайской стороны с советскими представителями, попыток китайских дипломатов повысить уровень партнёрских отношений с СССР, втянуть его в прямые военные действия с японской армией и пр. Детально рассматриваются причины и последствия формулирования внешней политики Чан Кайши в отношении Советского Союза в начале китайско-японской войны, показана активная роль китайской дипломатии во внешнеполитическом процессе. Предложена концепция разделения рассматриваемого цикла двусторонних отношений на этапы в соответствии с логикой эволюции общей политической

ситуации, включающей как международное положение акторов, так и коррекцию их стратегических ориентиров, появление новых характеристик в направленности и содержании связей сторон, новых функций неформальных (с точки зрения отношения к государственным органам) институтов, в первую очередь КПК, в регулировании внешнеполитических отношений. В частности, обосновано выделение в отдельный этап периода 1935–1936 гг., когда СССР перешёл к новой внешнеполитической стратегии, манифестировав её как стратегию Коминтерна, нацеленную на создание Единого рабочего фронта и «народных фронтов»; показаны место и функции КПК в реализации этой стратегии в Китае, а также активная роль правительства Китайской Республики в дипломатическом процессе. Продемонстрирована специфика восприятия Чан Кайши политического процесса на Дальнем Востоке как коммуникации с несколькими акторами, которые должны быть использованы в интересах Китая таким образом, чтобы они в максимальной степени нейтрализовывали возможные негативные последствия действий друг друга.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации подвергнуты анализу мотивы действий советского и китайского правительств под углом зрения концепции многофакторного равновесия, в аспекте деятельности преимущественно основных институциональных акторов, с учётом стратегических планов и установок политических лидеров двух государств. Результаты исследования закладывают теоретическую базу дальнейшего изучения данной проблемы.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования его материалов, выводов и обобщений в дальнейшем

изучении истории международных отношений первой половины XX в., проблем советско-китайских связей, внешней политики Китайской Республики, а также роли Дальневосточного региона в системе глобальных международных отношений рассматриваемого периода. Результаты исследования могут быть востребованы в научной и учебно-методической деятельности. Они могут использоваться при подготовке обобщающих трудов по истории международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, при разработке лекционных курсов и учебных пособий по истории дипломатии, истории Китая и российско-китайских отношений для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям «Международные отношения», «Востоковедение», «История» и «Политология». Кроме того, практическая значимость работы обусловлена возможностью применения её выводов в экспертно-аналитической деятельности научно-исследовательских центров и государственных структур, занимающихся вопросами внешней политики и международной безопасности. Выявление закономерностей и специфики трансформации внешнеполитического курса Чан Кайши в условиях системного международного кризиса, анализ механизмов принятия решений и роли личностного фактора в формировании двусторонних отношений способствуют более глубокому пониманию логики эволюции связей между СССР и Китайской Республикой. Это, в свою очередь, может быть использовано при разработке практических рекомендаций в сфере современных межгосударственных отношений.

Наконец, введение в научный оборот значительного массива архивных материалов из российских и китайских собраний, а также их сопоставление с

опубликованными источниками создают надёжную документальную базу для дальнейших исследований истории советско-китайских отношений и международной политики в Восточной Азии в 1930-е – начале 1940-х гг.

Структура и логика изложения. Диссертационное исследование «Политика Чан Кайши в отношении СССР в 1931–1941 гг.: от конфронтации к военно-политическому сотрудничеству» построено в соответствии с проблемно-хронологическим принципом, позволяющим проследить эволюцию внешнеполитического курса китайского лидера на советском направлении в контексте кардинальных изменений международной обстановки в Восточной Азии и внутривосточной ситуации в самом Китае. Логика изложения подчинена задаче последовательного раскрытия процесса трансформации двусторонних отношений – от состояния острой конфронтации, обусловленной идеологическими и политическими противоречиями конца 1920-х гг., через этап вынужденной нормализации и постепенного сближения под воздействием нарастающей японской угрозы, к формированию и развитию военно-политического сотрудничества в 1937–1939 гг., а затем к его постепенному свёртыванию и окончательному распаду на рубеже 1941–1942 гг. в связи с изменением глобальной стратегической конъюнктуры и переориентацией внешнеполитических приоритетов Чан Кайши на союз с Соединёнными Штатами Америки.

Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются его объект и предмет, хронологические рамки, цель и задачи.

Анализируется степень научной разработанности проблемы в российской, китайской и западной историографии, выявляются дискуссионные вопросы и лакуны, на восполнение которых направлена диссертация. Характеризуется источниковая база исследования, включающая как опубликованные документы (российские и китайские сборники), так и неопубликованные архивные материалы (АВПРФ, РГАСПИ, РГВА), а также мемуарную литературу и личные дневники ключевых политических деятелей (Чан Кайши, Ван Шицзе и др.). Излагаются методологические основы работы, базирующиеся на принципах историзма, системного анализа и политической теории динамических альянсов, что позволяет рассматривать советско-китайские отношения как сложную, многоуровневую систему, развивающуюся под воздействием комплекса внешних и внутренних факторов. Формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, а также положения, выносимые на защиту.

Первая глава – «Смена парадигм функционирования системы советско-китайских отношений в 1931 – начале 1940-х гг. в контексте эволюции международных отношений в Восточной Азии» – носит теоретико-методологический и историко-структурный характер. В ней закладываются концептуальные основы для анализа конкретного материала в последующих главах. Глава состоит из трёх параграфов. В параграфе 1.1 «Факторы, определявшие общие характеристики системы китайско-советских отношений и специфику её стадийных моделей» выявляются и систематизируются устойчивые (интересы сторон, институциональная структура акторов) и переменные (международная и внутривнутриполитическая конъюнктура) факторы, определявшие динамику

двусторонних отношений. Особое внимание уделяется двойственной природе этих отношений, сочетавших межгосударственное и межпартийное измерения, что предопределяло ключевую роль Коммунистической партии Китая как значимого, хотя и неформального, актора в системе связей Москвы и Нанкина (Чунцина).

Параграф 1.2 «Акторы международных отношений в Восточной Азии и многовекторная система сдержек и противовесов в регионе» посвящен анализу внешней среды, в которой функционировали советско-китайские отношения. Рассматриваются интересы и политика основных региональных и глобальных держав (Японии, США, Великобритании, Франции, Германии) в Восточной Азии, характер их взаимодействия и противоречий. Показывается, что Китай, будучи объектом империалистической эксплуатации, стремился использовать многовекторную систему сдержек и противовесов для обеспечения своих национальных интересов, балансируя между различными центрами силы. В параграфе 1.3 «Постоянные интересы и переменчивость внешнеполитических стратегий Китайской Республики и Советского Союза» анализируется эволюция стратегических установок обеих стран. Для СССР таковыми являлись обеспечение мирной передышки для завершения индустриализации и укрепления обороноспособности, а также недопущение войны на два фронта. Для Китая – защита суверенитета и территориальной целостности от японской агрессии при одновременном стремлении сохранить контроль над внутривосточной ситуацией, включая сдерживание КПК. Показано, как менялись внешнеполитические стратегии сторон в ответ на изменение международной обстановки, в частности, переход Коминтерна от политики классовой

непримиримости к тактике единого антифашистского фронта (1935 г.), что создало предпосылки для последующего сближения.

Вторая глава – «Формирование политики Чан Кайши в отношении Советского Союза в ответ на японскую экспансию(1931–1937 гг.)» – посвящена анализу процесса перехода китайского руководства от конфронтации с СССР к вынужденному, а затем и осознанному сотрудничеству. Глава включает три параграфа. Параграф 2.1 «Восстановление советско-китайских дипломатических отношений и возвращение Цзян Цзинго в Китай» посвящён начальному этапу трансформации двусторонних связей. Захват Маньчжурии Японией в 1931 г. и неэффективность апелляций правительства Нанкина к Лиге Наций и западным державам стали ключевыми факторами, подтолкнувшими её к нормализации отношений с Москвой в 1932 г. В рамках этих процессов Советский Союз разрешил — сыновце Чан Кайши, находившемуся в СССР с 1925 г. — вернуться в КитаЦзян Цзингой, что стало важным сигналом сближения двух стран. В параграфе 2.2 «Подписание китайско-советского пакта о ненападении (21 августа 1937 г.) – начало нового этапа советско-китайских отношений» детально реконструируется многоэтапный переговорный процесс 1932–1937 гг. Выявляются причины, по которым стороны не могли прийти к соглашению в предшествующий период, и факторы, сделавшие возможным подписание пакта в августе 1937 г., после начала полномасштабной японской агрессии. Анализируется значение пакта как политической основы для последующего военно-технического сотрудничества. Параграф 2.3 «“Просоветская” фракция в окружении Чан Кайши» посвящён анализу роли группировки внутри Гоминьдана, выступавшей за развитие

отношений с СССР. Рассматривается деятельность Сунь Фо, Чжан Чуна, Ян Цзе, Фэн Юйсяна и других сторонников сближения, их роль в создании Китайско-советской культурной ассоциации, в переговорах о военной помощи и в формировании общественного мнения. Делается вывод о том, что данная фракция, не обладая институциональным доминированием, играла важную роль как канал коммуникации и проводник просоветского курса в определённые периоды.

Третья глава – «Усилия Чан Кайши по вовлечению Советского Союза в войну с Японией(1937–1939 гг.)» – посвящена анализу стратегии китайского руководства, направленной на расширение участия СССР в конфликте и трансформацию де-факто союзнических отношений в полноценный военный союз. В параграфе 3.1 «Чан Кайши надеялся на прямое участие Советского Союза в войне против Японии» на основе анализа дипломатической переписки, дневников и мемуаров реконструируются попытки китайской стороны склонить Москву к вступлению в войну. Рассматриваются миссии Ян Цзе и Сунь Фо в СССР, личные обращения Чан Кайши к И.В. Сталину, аргументация китайской стороны и реакция советского руководства, неизменно отклонявшего предложения о прямом военном вмешательстве, но обещавшего помощь при определённых условиях. Параграф 3.2 «Реакция Чан Кайши на советско-японские приграничные конфликты в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол» исследует восприятие китайским руководством вооружённых столкновений между СССР и Японией в 1938–1939 гг. Показано, что Чан Кайши рассматривал эти инциденты как потенциальный катализатор полномасштабной советско-японской войны, что побуждало его активизировать усилия по заключению договора о взаимопомощи. Анализируются причины, по

которым эти ожидания не оправдались: ограниченный характер целей Москвы, стремившейся не к эскалации, а к стабилизации положения на Дальнем Востоке. Параграф 3.3 «Военная помощь СССР Китайской Республике как неотъемлемая часть внешнеполитических концепций обеих сторон» содержит анализ масштабов, характера и значения советской военно-технической и кадровой помощи Китаю в 1937–1941 гг. Рассматриваются кредитные соглашения, поставки вооружений, работа Северо-Западной автотрассы, деятельность советских военных советников и авиационных добровольцев. Показано, что эта помощь, являясь ключевым фактором выживания Китая в начальный период войны, одновременно служила инструментом реализации советской стратегии сдерживания Японии на дальневосточных рубежах.

Четвёртая глава – «Сворачивание военной помощи СССР Китаю и смещение дипломатического фокуса во внешней политике Чан Кайши (1939–1941 гг.)» – посвящена анализу завершающего этапа активного советско-китайского сотрудничества и его последствий. Параграф IV.1 «Реакция Чан Кайши на советско-финляндский конфликт в контексте многосторонней дипломатии» рассматривает сложную дипломатическую дилемму, перед которой оказалось китайское руководство в связи с «зимней войной». Анализируются позиция Китая в Лиге Наций, давление со стороны западных держав, требовавших осуждения СССР, и опасения Чан Кайши потерять советскую помощь. Показано, как воздержание китайской делегации при голосовании об исключении СССР из Лиги Наций стало компромиссным, но чреватым недовольством Москвы решением, продемонстрировавшим уязвимость и ограниченность внешнеполитического

манёвра Нанкина. Параграф 4.2 «Обострение противоречий между Гоминьданом и КПК и ухудшение отношений Чан Кайши с Советским Союзом» посвящён анализу взаимосвязи внутривнутриполитической динамики в Китае и состояния советско-китайских отношений. Показано, что эскалация конфликта между Гоминьданом и КПК (антикоммунистические кампании 1939–1940 гг., инцидент в Южном Аньхое в январе 1941 г.) объективно подрывала антияпонский единый фронт, что противоречило стратегическим интересам СССР и снижало его мотивацию к углублению сотрудничества с Чан Кайши. Подчёркивается двойственный характер советской политики, балансировавшей между поддержкой официального правительства и сохранением связей с КПК. Параграф 4.3 «Прекращение военного сотрудничества Советского Союза с Чан Кайши» подводит итог анализу процесса деградации двусторонних связей. Рассматриваются ключевые факторы, приведшие к распаду: подписание советско-японского пакта о нейтралитете (13 апреля 1941 г.), изменение глобальной стратегической ситуации после нападения Германии на СССР (22 июня 1941 г.) и последовавшее за этим фактическое прекращение советской военной помощи, а также нападение Японии на Пёрл-Харбор (7 декабря 1941 г.) и вступление США в войну, что окончательно переориентировало внешнеполитическую стратегию Чан Кайши на союз с Вашингтоном. Делается вывод о том, что распад сотрудничества стал не спонтанным событием, а закономерным итогом действия комплекса внешних и внутренних факторов, обнаживших прагматическую и конъюнктурную природу асимметричного альянса, созданного в 1937 г.

В **заключении** подводятся итоги и формулируются выводы, к которым пришёл автор в результате диссертационного исследования.

1. Формирование структуры взаимоотношений СССР и Китайской Республики в сложных условиях динамично меняющейся международной обстановки заставляет фиксироваться не столько на общих закономерностях, сколько на развёрнутой во времени единичной ситуации. Важная её специфическая черта обусловлена таким сходством акторов, как доминирование в обеих странах партийных инстанций над государственными. С этим доминированием сопряжено также существенное различие между акторами: Гоминьдан как партия с национальной идеологической доминантой была ориентирована внутрь страны, тогда как ВКП(б), проповедовавшая интернационализм, проецировала свою идеологию и преобразовательную практику за пределы одного государства. Данная интенция государственной политики обусловила роль Коммунистического Интернационала – международной коммунистической организации, штаб-квартира которой находилась в Москве – как важного внешнеполитического инструмента. Соответственно, внешняя политика СССР подкреплялась также деятельностью зарубежных коммунистических партий, исполнявших директивы Коминтерна.

2. Главными побудительными мотивами к взаимодействию для обеих сторон были те, которые представляли их постоянные интересы. Для властей Китайской Республики эта была необходимость защиты от японской агрессии и той угрозы, которую гоминьдановские власти усматривали со стороны Москвы (в том числе в поддержке, которую КПК получала от СССР). Из внутренних факторов

наибольшее значение представляли угроза со стороны КПК, а также конкурирующих гоминьдановских фракций и региональных военных клик. Общий стратегический курс Чан Кайши заключался в стремлении избежать таких шагов, которые вынудили бы Китай расстаться с надеждами на обретение полной независимости, а это могло произойти в случае окончательного военного поражения. Поэтому режим Чан Кайши сначала стремился не допустить втягивания армии в крупномасштабные боевые действия, а когда они стали фактом – делал всё, чтобы обойтись без официального объявления войны агрессору (оставляя себе свободу манёвра). В сложившихся условиях он стремился использовать СССР в качестве противовеса Японии, допуская также возможность того, что в будущем ослабленная или каким-либо иным образом выведенная из конфронтации с Китаем Япония могла бы быть обращена против Советского Союза.

У СССР ведущим мотиватором становилась потребность в достаточно длительном экономическом развитии, прежде всего индустриальном, которое обеспечило бы экономическую безопасность и обороноспособность страны. Поэтому фактором, определявшим политику Советского Союза в отношении Китая (как и вообще внешнюю политику), в 1930-е гг. была потребность в максимально длительной мирной передышке перед неизбежными в будущем военными катаклизмами. Отсюда и специфическая активность по линии Коминтерна, приведшая к возникновению Всемирного комитета против войны и фашизма в 1933 г. Соответственно, угроза со стороны Японии была общей для обеих стран и главным мотиватором их сближения.

3. Основные компоненты системы советско-китайских отношений в рассматриваемый период могут быть схематично представлены в следующем виде:

- фактические индивидуальные лидеры правящих партий и государств (не обязательно занимавшие номинально высшие должности), оказывавшие определяющее влияние на государственные решения;

- партийные инстанции и зависимые от их решений государственные органы, отвечавшие за выработку и проведение внешней политики;

- «неформальные», то есть не предусмотренные уставными партийными и государственными конституционными установлениями институциональные образования (в Китае – КПК, фракции Гоминьдана, конкурировавшие и сотрудничавшие с провластной группировкой, локальные военные группировки; в СССР – структуры Коминтерна).

- сферы деятельности и общественных отношений, на которые главным образом были ориентированы китайско-советские отношения в рассматриваемый период: дипломатия, политика, идеология, оборона и экономика.

На разных этапах эволюции системы китайско-советских отношений в её структуре преобладали разные сферы взаимодействия, в которых доминировали тенденции либо к конкуренции, либо к сотрудничеству:

- в 1931–1935 г. – задачи по восстановлению механизмов дипломатических связей, а также антагонистические тенденции в областях политики и идеологии;

- в 1935–1936 гг. тенденции к конкуренции и сотрудничеству вступили в непростое взаимодействие: директивы Коминтерна стали рекомендовать компартии сотрудничество с локальными военными группировками, а также

склонение Гоминьдана к активной вооружённой борьбе с Японией в союзе с другими патриотическими силами;

- с июля 1937 до конца 1938 г. развивалась политическая модель китайско-советских отношений, максимально адаптированная к нуждам военного сотрудничества, получение советской финансовой и военно-технической помощи фактически было обусловлено налаживанием взаимодействия Гоминьдана с КПК. Однако правительство Чан Кайши не оставляло попыток диверсифицировать источники получения помощи, обращая свои надежды в первую очередь к США, и эти усилия дали свои плоды после того, как в 1938 г. возобновились трения Гоминьдана и КПК.

4. После заключения Москвой в мае 1941 г. пакта о ненападении с Японией урегулирование отношений Гоминьдана с КПК утратило непосредственное практическое значение для Советского Союза, как и вся сложившаяся в 1937 г. политическая модель отношений с Китаем. Однако миссия связи КПК в Чунцине стала атрибутом взаимодействия Китая с Соединёнными Штатами – как доказательство готовности и способности Гоминьдана обеспечить сотрудничество политических сил страны в оказании отпора врагу. Смена моделей советско-китайских отношений отразила изменение всей структуры международных отношений в регионе – переход от модели позднеколониальной эпохи, основанной на коллективных договорах о распределении сфер влияния между державами и дополняемой двусторонними договорами и соглашениями между государствами, к модели, базировавшейся в первую очередь на многосторонних военно-политических союзах.

5. На всех этапах эволюции и смены политических моделей советско-китайских отношений гоминьдановское правительство Китая играло роль самостоятельного актора, отстаивавшего своё понимание национальных интересов. Китайская сторона выступала с собственными инициативами, стремилась к улучшению своих переговорных позиций, регулярно предпринимала попытки склонить Москву к прямому конфликту с Токио. Одной из принципиальных для Чан Кайши была линия на устранение из политической жизни страны компартии или принуждение её к признанию верховенства Гоминьдана. КПК, отстояв своё существование перед Гоминьданом в качестве самостоятельной политической силы, тем самым подкрепила переговорные позиции Москвы. Партия установила практически союзнические отношения с крупными военными группировками на Севере, не допустила их конфликта с правительством во время Сианьского инцидента 1936 г., чем внесла весомый вклад в строительство советско-китайских отношений и системы национального сопротивления Японии.

Положения, выносимые на защиту.

1. Эволюция политики Чан Кайши в отношении СССР в 1931–1941 гг. носила не линейный, а поэтапный характер и определялась совокупностью внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов, среди которых решающую роль сыграла японская экспансия в Китае и изменение международной обстановки в Восточной Азии.

2. Конфронтационная модель советско-китайских отношений начала 1930-х гг. была обусловлена не только идеологическими противоречиями между Гоминьданом и международным коммунистическим движением, но и стремлением

китайского руководства к консолидации государственной власти и ограничению влияния внутренних оппозиционных сил.

3. Переориентация Чан Кайши на развитие сотрудничества с СССР стала вынужденным, но стратегически выверенным шагом, направленным на обеспечение военной и материально-технической поддержки в условиях полномасштабной войны с Японией и международной изоляции Китая.

4. Военно-политическое сотрудничество между СССР и Китайской Республикой в 1937–1939 гг. носило прагматический характер и основывалось на совпадении краткосрочных стратегических интересов сторон, при сохранении взаимного недоверия и расхождений по вопросам внутренней политики Китая.

5. Советская помощь Китаю являлась значимым фактором стабилизации положения китайского правительства на начальном этапе войны, однако её масштабы и продолжительность определялись приоритетами внешней политики СССР и изменением международной конъюнктуры накануне Второй мировой войны.

6. Сворачивание советской военной помощи в 1939–1941 гг. и изменение внешнеполитических условий привели к смещению дипломатического фокуса Чан Кайши и диверсификации внешнеполитических связей, что стало важным этапом в трансформации стратегии национального сопротивления.

7. В целом политика Чан Кайши в отношении СССР в исследуемый период представляет собой пример прагматической адаптации идеологически обусловленного курса к условиям системного международного кризиса, что позволяет рассматривать советско-китайское взаимодействие 1930-х гг. как

важный элемент формирования новой конфигурации сил в Восточной Азии накануне глобального конфликта.

Апробация результатов работы. Основное содержание и выводы исследования были отражены в подготовленных автором выступлениях на научных конференциях ИКСа РАН, а также в статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

1. *Ху Вэньсюй.* Дипломатическая дилемма китайского национального правительства в Лиге Наций по «финляндскому вопросу» (1939–1940 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 3. С. 161–170. (0,69 а.л.).

2. *Ху Вэньсюй.* Ян Цзе и китайско-советская дипломатия (1937–1940) // Власть истории и История власти. 2026. № 3 (69). С.195–201. (0,63 а.л.).

3. *Ху Вэньсюй.* Акторы международных отношений в Восточной Азии и многовекторная система сдержек и противовесов в регионе: 1931 – начало 1940-х гг.//Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.2026. № 4. С. 66–71. (0,61 а.л.).

4. *Ху Вэньсюй.* Работа правительства Китайской Республики с советскими военными советниками в начальный период японо-китайской войны 1937-1945 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 2 (68). С. 24-29. (0,61 а.л.).

5. *Ху Вэньсюй.* Формирование стратегии Чан Кайши на сближение с СССР против японской агрессии (1931–1937) // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 4. С. 418-423. (0,61 а.л.).

6. Ху Вэнсюй. Цзян Тинфу и китайско-советская дипломатия // Закон и Власть. 2025. № 3. С. 43-48. (0,61 а.л.).

Основные положения диссертационной работы докладывались и обсуждались на научных конференциях, форуме и круглом столе:

1. 17 апреля 2023 г. принято участие в научной конференции «Исторические события в жизни Китая и современность», организованной Институтом Китая и современной Азии РАН, представлен доклад «Работа правительства Китайской Республики с советскими военными советниками в начальный период японо-китайской войны 1937–1945 гг.».

2. 24 марта 2025 г. принято участие в Ежегодной всероссийской научной конференции «Современное китайское государство», организованной Центром изучения современного Китая Института востоковедения РАН, представлен доклад «Реакция Китайской Республики на приграничные японо-советские конфликты: сражения в районах озера Хасан и у реки Халхин-Гол».

Глава 1. Смена парадигм функционирования системы советско-китайских отношений в 1931 – начале 1940-х гг. в контексте эволюции международных отношений в Восточной Азии

Первая глава посвящена анализу процессов смены парадигм функционирования системы советско-китайских отношений в период с 1931 г. по начало 1940-х гг., рассматриваемых в непосредственной связи с эволюцией международных отношений в Восточной Азии. Указанный временной интервал носил переломный характер для формирования и трансформации двусторонних связей между СССР и Китайская Республика, поскольку совпал с глубокими изменениями глобальной и региональной геополитической конфигурации – от начала японской агрессии на территории Китая до складывания новой системы региональных сдержек и противовесов накануне Второй мировой войны.

В рассматриваемый период система взаимодействия между двумя государствами не отличалась статичностью; напротив, она претерпела последовательную трансформацию. Можно выделить смену нескольких стадийных моделей: от конфронтационной, характеризовавшейся идеологическими противоречиями и отсутствием устойчивых дипломатических контактов, к модели ограниченного сотрудничества, обусловленного наличием общей внешней угрозы, и далее – к формату военно-политического взаимодействия, направленного на противодействие японской экспансии. Данная эволюция происходила в тесной взаимосвязи с изменением структуры регионального баланса

сил, в рамках которого ключевыми акторами выступали Япония, СССР, Китайская Республика, а также ведущие западные державы.

Ключевой предпосылкой смены парадигм советско-китайских отношений стал Мукденский инцидент 18 сентября 1931 г., ознаменовавший начало масштабной японской экспансии в Восточной Азии. Оккупация Маньчжурии и последующее расширение японского влияния на Северо-Восточный Китай радикально изменили региональное соотношение сил и вынудили все вовлечённые государства скорректировать свои внешнеполитические стратегии. Для СССР это означало обострение угрозы безопасности дальневосточных рубежей, для Китайской Республики – утрату значительной части территории и необходимость активизации поиска внешнеполитической поддержки. В данных условиях началось постепенное переосмысление взаимных установок Москвы и Нанкина, что и обусловило переход к новым моделям двустороннего взаимодействия⁴⁵.

Целью главы является комплексный анализ факторов, определявших общие характеристики системы советско-китайских отношений и специфику её стадийных моделей, а также выявление роли ключевых акторов восточноазиатской подсистемы международных отношений в формировании многовекторной системы сдержек и противовесов. Особое внимание уделяется соотношению постоянных национальных интересов и изменчивых внешнеполитических стратегий сторон, определявших динамику их взаимодействия.

⁴⁵ См: *Дубинский А.М.* Международные отношения и внешняя политика СССР на Дальнем Востоке: (1931 – 1939 гг.). М.: 1951. 59 с.

Исследование основано на принципах историзма и системного анализа, что позволяет рассматривать советско-китайские отношения как элемент более широкой международной структуры и проследить взаимосвязь между внешними геополитическими факторами и внутренними политическими расчётами руководства обеих стран. Анализ эволюции международной среды Восточной Азии позволяет выявить, каким образом трансформация регионального баланса сил влияла на изменение парадигм двусторонних отношений.

Выводы первой главы формируют концептуальную основу для последующего анализа политики Чан Кайши в отношении СССР, его попыток вовлечения Советского Союза в войну с Японией, а также причин постепенного сворачивания советской военной помощи Китаю и смещения внешнеполитических приоритетов Чан Кайши. Тем самым первая глава выполняет системообразующую функцию в структуре диссертационного исследования, обеспечивая теоретико-методологическую и историко-контекстуальную базу для раскрытия последующих разделов.

1.1 Факторы, определявшие общие характеристики системы китайско-советских отношений и специфику её стадийных моделей

Структура и особенности советско-китайских отношений в 1930-е гг. определялись двумя группами факторов:

1) качествами внешней по отношению к этой системе среды (международными отношениями в регионе), специфику которой определяли состав

ведущих акторов международных отношений на Дальнем Востоке, их интересы и возможности удовлетворения этих интересов, а также отношения между акторами;

2) внутренней институциональной структурой и интересами каждого из двух акторов в системе «СССР – Китай», а также отношениями между компонентами этой структуры в рамках каждого актора с обеих сторон⁴⁶.

И во внешней среде (системе более высокого уровня), и в системе отношений СССР – Китай как определяющие нами рассматриваются два типа факторов: *факторы-интересы* – устойчивые побудительные мотивы, обуславливающие интенции и направления действий акторов, и *факторы-обстоятельства* – явления и процессы, благоприятствующие или препятствующие тому или иному актору в реализации его интересов⁴⁷.

Анализ состава взаимодействующих акторов, их интересов и возможностей позволяет прояснить логику их действий, их действительные намерения, которые могли прикрываться обтекаемыми дипломатическими формулировками; определить степень достаточности имевшихся в их распоряжении ресурсов для осуществления данных намерений. Соответственно, эти данные позволят вскрыть причины их успехов или неудач, объяснить выбор в пользу каких-то действий или отказ от тех или иных шагов.

Взаимодействие двух акторов, рассматриваемое как отдельная система в рамках более широкой системы – внешней среды, в нашем случае принимаемой в

⁴⁶ См.: Дубинин.Ю. А. Политика и дипломатия СССР на Дальнем Востоке в канун и в годы Второй мировой войны // Вестник МГИМО. 2023. №6. С.92-123; Сапожников Б.Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937-1941) - М.: Наука, 1970. 226 с.

⁴⁷ 李嘉谷. 九一八事变后中苏关系的调整 [Ли Цзягу. Изменения в китайско-советских отношениях после инцидента 18 сентября]. 抗日战争研究, 1992, (02): С. 123.

ее региональном качестве, в значительной степени определяется возможностями этой среды, которые, в свою очередь, обусловлены закономерностями еще более широкой среды – глобальной. Поскольку в нашем случае большинство рассматриваемых региональных акторов одновременно являлись игроками мирового масштаба, то их интересы в глобальной системе неизбежно определяли и модус их действий в масштабах региона. И хотя Китай в то время не мог брать на себя задачи, связанные с влиянием на мировые процессы, руководство страны при решении национальных задач не могло не учитывать взаимоотношения и пересечения интересов держав на мировой арене.

В той ситуации для Китая к собственно региональной среде в полной мере относилась только связка Япония – СССР, то есть двух стран, граничащих с ним; остальные акторы всего лишь «имели интересы» в Китае, к тому же меркнувшие на фоне их интересов в других регионах. Тем не менее, наличие этих интересов делало соответствующие государства значимыми объектами приложения сил китайской дипломатии, небезразличными для двусторонних отношений Китая с каждым региональным актором по отдельности⁴⁸.

На межгосударственном уровне особое значение приобретали внутренняя институциональная структура и интересы каждого из двух акторов.

Само по себе то обстоятельство, что оба государства – Советский Союз и Китайская Республика – имели однопартийную систему правления (в Китае другие

⁴⁸ См: 高立伟.抗日战争时期中苏关系发展模式分析—基于苏联高层决策角度[Гао Ливэй. Анализ модели развития китайско-советских отношений в период войны сопротивления Японии: на основе перспективы принятия решений на высоком уровне в Советском Союзе].学术探索,2021,(01):С. 106-114.

политические партии, помимо правящей, формально не запрещались, но в условиях «политической опеки» не имели доступа к управлению государством), на содержание принимаемых внешнеполитических решений не влияло. Большее значение имели состав и соотношение реальной и номинальной значимости тех инстанций, которые принимали участие в принятии внешнеполитических решений.

И в той, и в другой стране решения партийных инстанций имели преимущество перед мнениями государственных органов, более того – определяли эти мнения. В обоих государствах преобладающее значение имели личные позиции лидеров правящих партий. Эти факторы однозначно определяли особенность системы двусторонних советско-китайских отношений в плане способа принятия и санкционирования внешнеполитических решений⁴⁹.

Друго общей для двух акторов характеристикой была высокая степень идеологизации политической жизни в обеих странах. При этом, если в Китайской Республике идеологизированной сферой «стратегического планирования» была главным образом внутренняя политика (переходы от «военной революции» к «политической опеке» и далее к «конституционному правлению»), то в СССР, взявшего на себя функции авангарда мировой революции, сложилась своеобразная система публичного внешнеполитического планирования применительно к мировой революционной перспективе. В этой системе ведущая роль отводилась Коммунистическому Интернационалу как руководящему штабу мирового коммунистического движения, выполнявшему по отношению к этому движению

⁴⁹ См: 李玉贞.抗战时期的蒋介石与斯大林[*Ли Юйчжэнь*. Чан Кайши и Сталин во время войны сопротивления Японии].社会科学研究,2010,(05): С.130-138.

также функции теоретического, аналитического и планирующего Центра. Решения его конгрессов, касающиеся общих перспектив и текущих задач коммунистического движения, широко освещались в советской и мировой коммунистической печати, рассматривались в советской системе политической учебы и до второй половины 1930-х гг. служили ориентиром как для определённых внешнеполитических установок советского государства, так и для политики национальных компартий, входивших в сферу влияния Коминтерна, в том числе для КПК⁵⁰.

Коминтерн и его структуры широко использовались во внешнеполитической практике СССР. Фактически это был инструмент международного влияния Советского Союза, функционировавший до 1943 г., пока в нем не отпала необходимость. Соответственно, во внешнеполитических расчётах и планах СССР существенную роль играли и зарубежные компартии⁵¹.

Власти Китая в рассматриваемый период тоже весьма серьёзно, но крайне негативно, относились к фактору коммунистического движения в стране, и его поддержка со стороны СССР неоднократно служила поводом для демаршей. Особые отношения СССР с КПК и высокую значимость проблемы компартии для Гоминьдана можно считать наиболее отчётливыми специфическими признаками, характеризующими отношения двух стран в рассматриваемый период⁵².

⁵⁰ Chudodeev Y V. Relations between the Soviet Union and China on the eve and during the second world war. Herald of the Russian Academy of Sciences, 2016, 86(3): С. 258-259.

⁵¹ Го Ян. Роль Советского Союза в противостоянии коммунистической партии Китая и Гоминьдана : 1920-1940-е годы : дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2018. С. 31-32.

⁵² Волкова И.В. Военно-политическое сотрудничество СССР с Гоминьданом (1923–1942гг.). Комсомольск-на-Амуре, 2020. С.46-47.

Институциональную структуру китайского актора в системе советско-китайских отношений отличала определяющая роль прочанкайшистской группы партийно-государственных фракций. В отличие от СССР, в начале 1930-х гг. правящая группа в Гоминьдане продолжала борьбу с оппозиционерами и вынуждена была временами переходить от вооружённого подавления оппозиционеров и репрессий к «воссоединению», уступкам и перераспределению с их участием руководящих постов. Особенно это было характерно для периода до 1936 г. включительно, но подобные ситуации возникали и позже. Это могло создавать сложности для оперативного решения сложных и спорных вопросов. Но во внешнеполитической сфере последнее слово Чан Кайши оставлял за собой⁵³.

Во внешнеполитической коммуникации двух стран, как и в выработке их внешней политики, участвовали главным образом партийно-государственные структуры, представлявшие правящие группировки. При этом институциональных международных структур, подобных Коминтерну функционально и равных ему влиянием, нигде, помимо СССР, не существовало, что обеспечивало Советскому Союзу определённую свободу манёвра во внешней политике. ВКП(б) и государство предпочитали подчеркивать независимость Коминтерна и зарубежных компартий. Но фактически органы Коминтерна с конца 1920-х гг. согласовывали все свои решения с государственными интересами СССР.

Общей характеристикой структуры внешнеполитических отношений СССР и Китайской Республики в рассматриваемый период следует признать причастность к этой структуре системы Коминтерна и значительную роль КПК

⁵³ Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжен, или Неизвестный Чан Кайши. М.: 2002. С.146.

как фактора, влиявшего на позиции и политические планы как Москвы, так и Нанкина⁵⁴.

Относительно общих постоянных характеристик указанной структуры целесообразно рассматривать и те её переменные характеристики, которые принципиально меняли ее состояние в определённые периоды, то есть создавали *новую модель (тип) политических отношений*. Например, относительно периода, продолжавшегося до восстановления дипломатических советско-китайских отношений, модель 1932–1935 гг. характеризуется тем, что взамен утраченных связей по каналам учреждений КВЖД и Харбинского генконсульства (поддерживавшего отношения с администрацией Маньчжурии, через которую проходила КВЖД), начала действовать более широкая система связей и контактов, предусмотренная полноценным дипломатическим протоколом. В 1935–1936 г. эта модель стала предусматривать новые, отсутствовавшие прежде виды активности сторон по отношению друг к другу, предусматривавшие целенаправленную, хотя и сложную и противоречивую подготовку как СССР и Китая, так и КПК к функционированию в рамках системы двусторонних межгосударственных отношений в принципиально иных условиях, предусматривающих сотрудничество сторон. С 1937 по 1939 гг. развивалась модель *временного военно-политического союза*, когда эти новые качества стали системно реализовываться в небывалых ранее формах и масштабах. А когда данная модель, по крайней мере для одной из сторон, функционально себя исчерпала, начался переход к модели, в которой СССР

⁵⁴ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920-1925: Документы / ред. Го Хэньюй, М.Л. Титаренко. М.: 1994. С.4.

уже не являлся главным внешним гарантом обороноспособности Китайской Республики⁵⁵.

1.2 Акторы международных отношений в Восточной Азии и многовекторная система сдержек и противовесов в регионе

Положение Китая на рубеже 1920-х – 1930-х гг. традиционно характеризуют определением «полуколониальная страна»: формально обладая государственным суверенитетом, Китай был ограничен в праве осуществлять его над своими территориями, ресурсами и даже государственными службами, например, таможнями⁵⁶.

Инструментом контроля над соблюдением этих ограничений была система неравноправных договоров Китая с западными державами и Японией, заключенных по итогам «опиумных войн» и других конфликтов с державами в XIX – начале XX в., а также Первой мировой войны, по окончании которой Китай был вправе рассчитывать на то, чтобы оказаться в стане держав-победителей. Во время Первой мировой войны Япония, уже отторгнувшая от Китая в 1895 г. территорию Тайваня, а позже, по итогам русско-японской войны, южную Маньчжурию с портами Люйшунь и Далянь, присвоила себе также германские концессии в Шаньдуне⁵⁷. Китаю не удалось отстоять свой суверенитет над этими территориями

⁵⁵ См.: *Дубинин Ю. А.* Политика и дипломатия СССР на Дальнем Востоке в канун и в годы Второй мировой войны // Вестник МГИМО. 2023. №6. С.92-123.

⁵⁶ *Каткова З.Д.* Китай и державы. 1927-1937 гг. М.: 1995. С.12.

⁵⁷ *Досовицкая В.В.* Маньчжурский вектор внешней политики Японии накануне и в период первой мировой войны // Проблемы востоковедения. 2014. №4 (66). С.30.

в ходе Вашингтонской конференции конца 1921 – начала 1922 г. На конференции, во-первых, был заключен Договор четырёх держав (13 декабря 1921 г.; «Четверной тихоокеанский трактат», «Дальневосточная Антанта»), в который вошли США, Великобритания, Франция и Япония. Договор предусматривал взаимное уважение прав сторон на Тихоокеанские острова и островные владения и ликвидацию англо-японского договора 1902 г., имевшего антиамериканскую направленность⁵⁸. Тем самым Договор закреплял сложившееся соотношение сил четырёх ведущих держав в регионе. Во-вторых, было заключено Вашингтонское морское соглашение 1922 г. (Договор пяти держав) между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией, касавшееся ограничения морских вооружений. В-третьих, итогом конференции стал Договор девяти держав от 6 февраля 1922 г., провозгласивший гарантии территориальной целостности Китая, уважение его суверенитета и принцип «открытых дверей и равных возможностей»⁵⁹. Стороны обязывались не использовать в своих интересах обстановку в Китае для получения специальных прав и привилегий, нарушающих интересы других участников.

С одной стороны, последний договор ограничивал притязания Японии. За день до него Японию заставили подписать с Китаем соглашение о выводе японских войск из Шаньдуна, о возвращении Китаю железной дороги Циндао – Цзинань и бухты Цзяочжоу. Япония отказывалась от требования о назначении своих советников при китайском правительстве, но противилась выводу войск из Южной

⁵⁸ Косов А.П. Внешняя политика США в отношении Китая в 1918–1949 гг. // Вестник Брестского технического университета. 2011. № 6. С. 28.

⁵⁹ См.: Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). М.: 1977. С.3-5.

Маньчжурии. Одновременно с Договором девяти держав был заключен трактат с Китаем о таможенном тарифе, закреплявший дискриминационные требования⁶⁰.

Можно констатировать, что подписанные в Вашингтоне документы не создавали каких-либо блоковых структур, закрепляя статус-кво в расстановке сил индивидуальных акторов. Делегация Дальневосточной Республики, буферного государства, которая фактически должна была отстаивать интересы РСФСР, на конференцию допущена не была⁶¹.

Япония, в целом сумевшая сохранить захваченное, ждала удобного момента для продолжения экспансии. Милитаристские круги империи сочли момент удобным, когда на рубеже 1920-х – 1930-х гг. начался мировой экономический кризис. В первую очередь она претендовала на районы Северо-Востока и Севера, до которых не могли «дотянуться» ни британцы, контролировавшие самые выгодные китайские концессии на Янцзы и на Юге страны, включая Гонконг, ни американцы, пытавшиеся потеснить британский капитал⁶². Как писал в 1940 г. советский китаевед А. Гальперин, «мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 г. и нанесший жесточайшие удары всем капиталистическим странам, вызвал глубокие изменения и в международных отношениях на Дальнем Востоке. Особенно тяжело пострадало от кризиса народное хозяйство Японии... Кризис также сильно отразился и на промышленности, стоимость продукции которой

⁶⁰ См: 石源华. 中华民国外交史 [Ши Юаньхуа. Дипломатическая история Китайской Республики. Шанхай: Шанхайское народное издательство] 上海:上海人民出版社. 1984. С. 233-235.

⁶¹ Безруков Д. А. Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений как фактор зарождения потенциальных узлов противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Д. А. Безруков // Вестник ВятГУ. 2015. № 5. С. 33.

⁶² См: Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). М.: 1977. С.15..

упала с 7,4 млрд. в 1929 г. до 5 млрд. иен в 1931 г. Япония раньше других капиталистических стран дошла до низшей точки кризиса (1931 г.) ...Японский правящий блок, всегда пытавшийся разрешать внутренние осложнения при помощи какой-нибудь внешнеполитической авантюры, когда под предлогом чрезвычайного времени значительно легче усилить полицейский террор, начинает и теперь искать удобного случая для новой военной агрессии»⁶³.

А. Гальперин, следуя в русле тогдашней советской публицистической традиции, несколько сгущал краски. Как известно, захватническую акцию в Маньчжурии провели японские военные по своей инициативе, вразрез с позицией гражданской администрации и вопреки, якобы, не доведенному до них приказу военного министра⁶⁴. Но остается фактом, что участники акции были награждены японским правительством – как победители, которых не судят⁶⁵.

Советский востоковед отмечает также факт «поддержки» Великобританией японской оккупации Маньчжурии в 1931–1933 гг. в Лиге Наций. Он считал, что отказ Великобритании от осуждения действий Японии отражал американо-британские противоречия, вызванные попытками Америки проникнуть в прежние зоны влияния колониальной империи⁶⁶. Но в 1931 г. кризис вызвал рост

⁶³ Гальперин А. Обзор международных отношений на Дальнем Востоке (1930–1939) // Историк-марксист. 1940. № 4–5. С. 85–99.

⁶⁴ Панцов А.В. Непобежденный: подлинная история Чан Кайши. Москва : Молодая гвардия, 2019. С. 86

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 86. А. Гальперин вполне мог быть прав: в 1929 г. решением Центрального банка Англии Великобритания была закрыта от иностранных капиталов, в чём можно увидеть прежде всего защиту от экспансии доллара (см.: Фурсов А. Главной причиной Второй мировой войны стали британско-американские противоречия. Завтра. Ру. 03.08.2015. <https://zavtra.ru/blogs/glavnoj-prichinoj-vtoroj-mirovoj-vojni-stali-britansko-amerikanskie-protivorechiya>). Симптоматично, что в ходе Чакской войны за нефтяные месторождения в Южной

изоляционистских настроений в США, они сосредоточились на возможностях, которые предоставляли тогда ресурсы Латинской Америки, и не склонны были углубляться в азиатские проблемы⁶⁷.

Благоприятствовала планам японских военных и ситуация в Китае, где в начале 1930-х гг. войска Нанкинского правительства противостояли южнокитайским милитаристам, на которых опирались античанкайшистские фракции Гоминьдана⁶⁸. Поэтому японские соединения даже теоретически вряд ли могли столкнуться с ситуацией, когда им пришлось бы преодолевать сопротивление какие-либо других частей, кроме местных маньчжурских.

Таким образом, основными акторами международных отношений в Восточной Азии в начальный период японской агрессии, помимо Японии и Китая были: Великобритания, все еще уверенно чувствовавшая себя в Чжэцзян-Шанхайском регионе и, особенно, на Юге; США, после войны активизировавшиеся и в Европе и Азии; Франция, имевшая концессии в Шанхае, в Гуаньчжоу и Гуанчжоу, и поддерживаемая своими колониями в Индокитае. Германия в начале 1930-х только начинала участвовать в военно-техническом сотрудничестве с Китаем (этот процесс широко развернулся с 1934 г.)⁶⁹. На севере активным игроком

Америке в 1932–1935 гг. Британия помогала Парагваю, а США – Боливии. Есть сведения, что к 1930 г. США планировали ликвидацию военных сил Великобритании на территории Канады и в Северной Атлантике. См.: В 1930 г. США планировали войну с Британией // Военное обозрение. 09.10. 2011. <https://topwar.ru/7492-v-1930-godu-ssha-planirovali-voynu-s-britaniye.html> Российские военные эксперты признают, что подобные планы у Соединённых Штатов существовали для всех регионов мира, но в данном случае существенно, что такая версия событий признавалась в принципе возможной.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ См.: Новейшая история Китая. 1928-1949. М.: С.136.

⁶⁹ Каткова З.Д. Чан Кайши и его немецкие советники // Общество и государство в Китае. 2012. №3.С.183.

был Советский Союз: его представители до известной степени свободно действовали в полосе отчуждения КВЖД в Маньчжурии и координировали свою активность с КПК, имевшую войска в «советских» районах и представительства практически по всей стране. Восстановление дипломатических отношений с Китаем в 1932 г. расширило возможности СССР по проведению своей политики в этой стране⁷⁰.

Иностранные державы объединяло в Китае главным образом желание обеспечить защиту общих имущественных интересов и прав. Примечательно, например, что после захвата КВЖД администрацией Северо-Восточного Китая в 1929 г. её имущественные претензии из представителей держав почти никто не поддержал (исключение составили определённые круги Германии). Хотя никто из них Советскому Союзу отнюдь не симпатизировал, их не устраивал способ действий дунбэйских властей в принципе⁷¹. А японская аннексия Маньчжурии в 1931 г. долго не находила отклика у ведущих держав в Лиге Наций. Так, против вмешательства этой международной организации возражал У. Черчилль, утверждавший, что «у Лиги много работы в Европе». Он настаивал, что отношение Лиги к Японии «должно быть хорошо взвешенным, поскольку проблемы Китая необходимо оценивать сквозь призму его соседства с СССР». Аналогичные мысли высказал парламентарий-лейборист Дж. Лансбери, заявивший, что «было бы хорошо, если Россия и Япония займутся друг другом на Дальнем Востоке, и тогда

⁷⁰ Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости 1898-1949 гг. / С. Тихвинский. М.: 1996. С. 264.

⁷¹ См.: Крюков В.М., Крюков М.В. КВЖД в 1929: Взрыв и эхо. М.: ИВ РАН, 2017. 624 с., илл. (Ученые записки ИВ РАН Отдела Китая. Вып. 24). С. 357-416.

будет легче иметь дело с коммунистами в Европе»⁷². Равнодушно к японской агрессии отнеслось и британское правительство. Полемика возникла лишь в парламенте в апреле 1934 г. как реакция оппозиции на правительственную позицию. Причиной стало заявление Информационного бюро МИД Японии, которое заявило о том, что императорское правительство намерено препятствовать международной помощи Китаю и любому стороннему вмешательству в конфликт, а Министерство иностранных дел Великобритании не выразило возражений. Влиятельный политик лорд Р. Сессиль, авторитетный деятель Лиги, отметил, что «если Великобритания не займет более решительную позицию, то это приведет к тому, что Япония станет доминирующей силой в Китае, а затем и в Азии», с печальными последствиями «для Англии, Лиги Наций и всего мира»⁷³.

Противоречия между Великобританией и США существовали всегда. После Первой мировой войны наиболее существенные территории были переданы под управление Британии, Франции и Японии; США не получили ни одной подмандатной территории. Не прошли американские предложения о статусе Германии, в Лиге Наций правили бал Англия и Франция. Однако впоследствии США стали постепенно брать реванш. Сначала на Вашингтонской конференции (ноябрь 1921 – февраль 1922 г.) они добились отмены невыгодного им англо-японского договора 1902 г., пять держав (Великобритания, США, Япония, Италия и Франция) заключили договор о военно-морских базах и ограничениях морских

⁷² Цит. по: Дудка А.И., Антонов Е.А. (БГУ). К вопросу о политической борьбе в Великобритании в 30-е годы XX века по проблемам внешней политики // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7 (78). Вып. 14 ...С. 82.

⁷³ Там же. С. 83.

вооружений, при этом США добились паритета в тоннаже военных флотов с Англией и Японией, обойдя Францию и Италию. Впервые Великобритания признала право на такое равновесие с другой державой. Соединённые Штаты укрепили свои позиции в Китае и Европе посредством принятия плана Дауэса на лондонской конференции в 1924 г., который установил порядок выплаты германских репараций на условиях соответствия этих выплат возможностям страны, а также через предоставление американских займов Германии и так далее.

Но по итогам Великой депрессии Великобритания вернула себе перевес в Канаде и Латинской Америке. В 1933 г. США вынужденно отказались от золотого стандарта, в итоге обесценились валюты более 50 стран, развернулось соперничество между фунтом и долларом⁷⁴.

В 20-30-е гг. XX в. Соединённые Штаты ратовали за принцип «равенства» всех держав в Китае, боролись против торговых барьеров, запретительных тарифов, преференций на международных рынках. Призывая все страны брать с них пример, США в 1934 г. приняли «Программу взаимных торговых соглашений», предусматривавшую снижение тарифов, отмену ограничений во внешней торговле других стран, добиваясь свободного доступа к рынкам сбыта и источникам сырья «для всех». На таких условиях они к 1941 г. заключили соглашения о торговле с 26 странами⁷⁵.

В 1930 г. инвестиции США в Китае исчислялись примерно в 250 млн долл., что было намного меньше, чем у британцев, с которыми тогда они конкурировать

⁷⁴ *Согрин В.В.* Экономический кризис 1929-1933 гг. в США и современность // Вестник МГИМО. 2009. №3-4. С.8.

⁷⁵ *Mitchell B.* Depression Decade. From New Era to New Deal. New York: Rinehart, 1947. P. 359.

и не помышляли. Работали семь американских банков, одна авиационная компания (на авиалиниях Шанхай – Ханькоу, Нанкин – Бэйпин (Пекин) и Шанхай – Гуанчжоу (Кантон). С 1929 г. в Маньчжурии начал создавать филиалы «Нэшнл сити бэнк». Старые связи бизнес-кругов, с которыми был близок Чан Кайши, с Соединёнными Штатами помогли американскому капиталу к середине 1930-х гг. занять прочное положение в экономике Китая. В 1935 г. США были уже главным торговым партнёром Китая с оборотом 247 млн долл.; оборот с Японией составлял 182 млн долл., с Англией – только 125 млн, с Германией – около 120 млн долл.⁷⁶

По мере роста американских капиталовложений США начали в 1930-е гг. проявлять большую заинтересованность по поводу Дальнего Востока, откуда они получали 3/4 импортируемого олова, 9/10 каучука, 2/5 марганца⁷⁷. Торговля США с дальневосточными странами вдвое превышала объём всей их латиноамериканской торговли, инвестиции составляли 1 163 млн долл. В 1935 г. уровень дипломатического представительства США в Китае был повышен до уровня посольства⁷⁸.

Но львиная часть прибыли от региона не имела отношения к Китаю. В 1937 г. его доля в американском экспорте на Дальнем Востоке составляла всего 10 %, а доля Японии – более 53 %. Поэтому в Японии как торговом контрагенте американский бизнес был заинтересован больше⁷⁹. И хотя за действиями японцев в

⁷⁶ 陶文钊. 中美关系史 (1911-1949) 上卷[Тао Вэньчжао. История китайско-американских отношений (1911-1949) (том 1)].上海: 上海人民出版社. 2004. С.135.

⁷⁷ Кузнец Ю.Л. Вступление США во Вторую мировую войну. М.: 1962. С. 59-60.

⁷⁸ Там же. С.61.

⁷⁹ Sinha R. Sino-American Relations. Mutual Paranoia. Hampshire, N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003. P. 255.

1931 г. в США наблюдали с тревогой, пресекать японскую агрессию в самом ее начале им было и нечем, и незачем. Поэтому они старательно соблюдали нейтралитет, избегая всего, что японцы могли счесть угрозой в свою сторону. Даже после того, как японские войска продолжили движение на юг, Вашингтон ограничился принятием 7 января 1932 г. «доктрины непризнания» японских территориальных приобретений («доктрины Стимсона»)⁸⁰. Тем самым американцы предупреждали, что от своих прав в Китае, включая Маньчжурию, они не откажутся – и только. Правда, приказом президента Г. Гувера американский флот был направлен к Шанхаю для защиты граждан США, если в этом возникнет необходимость, но остается под вопросом, осмелились бы Соединённые Штаты в условиях кризиса вступить в войну. После прихода к власти в 1933 г. демократов новый госсекретарь К. Халл призвал правительство не вмешиваться в конфликт в Китае, и это стало принципом кабинета Ф. Рузвельта на долгие годы⁸¹.

Профессор Университета Глазго Р. Синх объяснял индифферентность Соединённых Штатов целым рядом причин. «Во-первых, США чувствовали, что, как и любая другая мировая держава, Япония, доказавшая свой статус ранее одержанными победами над Китаем и Россией, имеет право на сферы своего влияния. Во-вторых, подчинение более слабых стран не считалось чем-то безнравственным. В-третьих, многие американцы и европейцы полагали, что Китай слишком отсталый и раздробленный для того, чтобы иметь самоуправление. В-

⁸⁰ Кризис и война: международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30-40-х годах / отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: 1998. С. 123.

⁸¹ Зиновьева О.О. Изменения в китайской политике США после начала Второй мировой войны // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки 3 (203) 2014. С. 87.

четвёртых, у США не было значительных экономических интересов в Китае. И, наконец, в-пятых, американские политики плохо знали политическую ситуацию в Китае»⁸².

Даже в 1937 г. сотрудничать с Японией Соединённым Штатам было выгоднее, нежели с Китаем. Тем не менее, Вашингтон стал проявлять большую дипломатическую активность, в частности, направил представителя на Брюссельскую конференцию (ноябрь 1937 г.) для обсуждения вопроса о мире на Дальнем Востоке. Однако, когда японцами в декабре 1937 г. на Янцзы была потоплена американская канонерка, США не предприняли серьёзного демарша. Но общественный климат в США по отношению к Китаю значительно улучшился: был экранизирован роман П. Бак «Добрая земля» о борьбе китайского народа, большую популярность приобрела книга Э. Сноу «Красная звезда», а журнал «Тайм» назвал Чан Кайши и Сун Мэйлин супружеской парой 1937 г.⁸³ Однако только в феврале 1939 г., после захвата о. Хайнань, то есть практически вступления Японии в Юго-Восточную Азию, в июле 1939 г. США объявили о денонсации торгового договора от 1911 г., которая вступила в силу спустя шесть месяцев⁸⁴.

Изменения в позиции США были подстегнуты материальным интересом. Доля США в китайском импорте с 25,3% в 1932 г. к 1939 г. упала до 16,9%, а доля Японии выросла за то же время с 14,2 до 23,7%. К тому времени отмечено более 600 случаев дискриминации американских товаров на оккупированных японцами

⁸² Цит. по: Там же. С. 86.

⁸³ См.: Косов А.П. Внешняя политика США в отношении Китая в 1918–1949 гг. // Вестник Брестского государственного технического университета. 2011. № 6. С. 27–28.

⁸⁴ 陶文钊.中美关系史(1911-1949)上卷[Тао Вэньчжао. История китайско-американских отношений (1911-1949) (том 1)].上海: 上海人民出版社. 2004. С. 145.

территориях Китая⁸⁵. Часто прибегали японские торговцы и к демпингу, что вызывало протесты со стороны американского и европейского бизнеса и, вкуче с другими случаями «неуважения Японией прав США в Китае», приводило к дипломатическим демаршам и заявлениям о готовности до конца отстаивать «принцип открытых дверей». В основном такие шаги приходится на 1939 г. и последующие годы до Пёрл-Харбора. В указанном году из 700 американских газет, высказавшихся об американо-японских отношениях, 690 поддержали идею экономических санкций против империи⁸⁶.

По мнению О.О. Зиновьевой, длительное бездействие США объясняется также их геополитическим положением в регионе. До 1941 г. они не рассматривали Китай как важного стратегического партнёра, поскольку расценивали обстановку в регионе как благоприятную для себя: у них не было конфликта с Японией, «на севере Советская Россия и Япония контролировали друг друга, а на юге Великобритания, Франция и Нидерланды поддерживали устойчивый порядок в своих колониях»⁸⁷. Она отмечает также, что на неофициальном уровне «между США и Китаем были близкие и дружественные отношения, которые развивались в рамках американских миссионерских, гуманитарных и экономических проектов в этой стране»⁸⁸. Но для вступления в конфликт с Японией державе были нужны более веские экономические и геополитические причины.

⁸⁵ Там же. С. 61.

⁸⁶ Там же. С. 62.

⁸⁷ *Зиновьева О.О.* Изменения в китайской политике США после начала Второй мировой войны // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки 3 (203) 2014. С. 87.

⁸⁸ Там же. С. 88.

При отсутствии полноценно сформированных военно-политических блоков, а также межгосударственных и политически значимых негосударственных (неправительственных) организаций государства региона (включая колониальные империи) выступали преимущественно как автономные акторы, взаимодействующие друг с другом напрямую, хотя и с использованием механизмов многосторонних договоров. Соответственно, система международных отношений реализовывалась в многовекторной структуре, находившейся в состоянии относительного динамического равновесия, но со спорадически смещающимся центром тяжести. Дипломатические усилия большинства акторов были нацелены на поддержание устойчивости этой системы, в чем особенно были заинтересованы Великобритания и в значительной степени Франция, чьему колониальному владычеству резкие изменения ситуации несли потенциальную угрозу⁸⁹.

Но существовали и акторы, которые ждали именно перемен и целенаправленно их готовили.

Во-первых, это Япония, развернувшая экспансию в регионе вскоре после реставрации Мэйдзи и с тех пор продолжавшая разрабатывать концепцию паназиатизма, вылившуюся в 1940 г. в доктрину «Великой восточноазиатской сферы сопроцветания» под своим патронажем.

Во-вторых, на коренные преобразования не только в регионе, но и во всем мире была нацелена деятельность Коммунистического Интернационала, ставившего своей целью победу всемирной социалистической революции. За ним

⁸⁹ 陶文钊.中美关系史(1911-1949)上卷[*Tao Wenzhao. История китайско-американских отношений (1911-1949) (том 1)*].上海: 上海人民出版社. 2004. С.145.

стоял Советский Союз, а членом Коминтерна была Коммунистическая партия Китая, в начале 1930-х гг. контролировавшая немалые «советские» территории в Южном Китае, выведенные из юрисдикции Китайской Республики.

В-третьих, на преобразование системы международных отношений в регионе был нацелен сам гоминьдановский Китай, о чем недвусмысленно заявило провозгласившее в 1928 г. свою власть над страной Национальное правительство в Нанкине.

Руководство Китайской Республики рассматривало свою страну как объект дискриминации и эксплуатации со стороны других акторов. Оно пыталось, как будет показано ниже, уравновесить «перекос» давления со стороны одной из держав за счет противоположной силы (например, подключая Советский Союз в противовес Японии), действующей по тому же вектору, или используя «противовесы» по другим векторам (обращаясь за помощью к Лиге Наций, США и так далее). Отсутствие до второй половины 1930-х гг. в регионе коллективных игроков создавало определённые возможности для использования противоречий и соперничества между отдельными державами.

При этом руководители Китая вполне «зряче» и сознательно оперировали на дипломатической арене, часто беря на себя активную роль в дипломатической коммуникации. Так, они с самого начала пытались использовать противоречия между СССР и Японией, трения последней с другими державами, настороженность держав по отношению к СССР и так далее. В частности, помимо установления дипломатических отношений с СССР, Китай после 1931 г. также интенсифицировал военно-технические связи с Германией и экономические – с

США⁹⁰. Для того, чтобы подготовить будущего партнёра к взаимодействию и возможности для собственного полноценного сотрудничества с ним, в условия крайней идеологизированности политической жизни в каждой из стран необходимо было создать политические предпосылки, мотивирующие к переменам в характере (политической модели) межгосударственных отношений. И такие предварительные политические шаги были предприняты.

1.3 Постоянные интересы и переменчивость внешнеполитических стратегий Китайской Республики и Советского Союза

Начало 30-х гг. XX в. застало СССР и Китайскую Республику на пике враждебных отношений, обоснование которых закреплялось в соответствующих стратегических установках. Из этой ситуации страны выходили постепенно, доведя двусторонние связи до высшего уровня в 1937–1938 гг.

Главные стратегические установки Гоминьдана конца 1920-х – начала 1930-х гг. и попытки их реализации. После разрыва отношений Гоминьдана и КПК, произошедшего летом 1927 г., Гоминьдан, благодаря единому фронту получивший жизнеспособные организационные формы и опыт политической работы, сумел выработать механизмы достижения компромисса между своими фракциями и региональными группировками. Формально пришедшее к власти в Китае в 1928 г. гоминьдановское Национальное правительство в Нанкине 3 октября опубликовало

⁹⁰ 邓野. “蒋介石的战略布局：1939-1941” [Дэн е. Стратегический план Чан Кайши: 1939-1941]// 北京：社会科学文献出版社，2019 年，С.120.

«Программу политической опеки», которая легла в основу «Органического закона об организации Национального правительства». Согласно этим документам, как предусматривалось программой основателя Гоминьдана Сунь Ятсена, в стране должен был завершиться «военный» этап Национальной революции и начаться следующий этап – «политической опеки», то есть правления одной партии. «Опеку» предполагалось завершить за шесть лет, чтобы перейти к «конституционному правлению» на основе постоянного Основного закона. До истечения этого срока высшим органом государственной власти в Китайской Республике должен был быть Национальный съезд Гоминьдана⁹¹.

Основную роль в руководстве центральной властью стала играть группировка, возглавляемая Чан Кайши, благодаря контролю над наиболее боеспособной частью армии и тесным связям с бизнес-кругами богатых провинций нижнего течения Янцзы⁹².

Политическое воссоединение Китая, по замыслу Чана и его единомышленников, должно было ознаменоваться прежде всего успехами в деятельности по отмене неравноправных договоров с державами и побуждению их к отказу от концессий и септльментов. В 1928–1929 гг. правительство получило официальное признание со стороны основных западных держав и Японии и надеялось на их уступчивость. В определённой степени его вдохновляли достижения Национально-революционной армии в ходе Северного похода 1926–

⁹¹ Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985. С. 38.

⁹² Мировицкая Р.А. Отношения СССР с Китаем в годы кризиса Версальско-Вашингтонской системы международных отношений (1931-1937 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. Т. 14, вып. 14. С. 242.

1927 г., когда Гомиьндану удалось добиться отказа Великобритании от концессий в Ханькоу и Цзюцзяне на р. Янцзы, которые фактически были захвачены войсками Национально-революционной армии в начале января 1927 г.⁹³ В последующем гомиьндановской администрации удалось вернуть 20 концессий из 33... 25 июля 1928 г. Нанкин добился от США возвращения Китаю таможенной независимости, в том же году это сделали еще 11 стран Европы, а в 1930 г. – Япония. К отказавшимся ранее от права экстерриториальности и консульской юрисдикции США, СССР и Испании, помимо Германии и Австро-Венгрии, утративших право вследствие поражения в мировой войне, присоединились Португалия, Бельгия, Дания, Италия (1928 г.) и Мексика (1929 г.). После 1929 г. от двух концессий отказалась Великобритания, от одной – Бельгия. США не отказывались вообще ни от чего, дополнительными правами и преимуществами пользовались также Франция, Япония и ряд других стран⁹⁴.

В 1929 г. Национальное правительство сумело убедить власти Северо-Востока в том, что попытка силовыми методами вернуть государству Китайско-Восточную железную дорогу, находившуюся под совместным управлением советских и китайских властей, непременно окончится удачей. Но в конце года в результате военной операции, проведенной Отдельной дальневосточной армией с проникновением на китайскую территорию в октябре-декабре 1929 г.,

⁹³ Петрунина Ж.В. Чан Кайши и Чжан Цзолинь: выбор Китая в 1920-х гг // Общество: философия, история, культура. 2018. №12 (56). С. 108.

⁹⁴ 李恩涵. 北伐期间收回汉口、九江英国租界的交涉 – 国民政府「革命外交」的研究之一 [Li Энхань. Переговоры о возвращении британских концессий в Ханькоу и Цзюцзяне во время Северного похода: исследование «революционной дипломатии» националистического правительства.]. 历史学. 1982 年第 10 期. С.415.

маньчжурская администрация, не получившая обещанной военной поддержки от Нанкина, занятого внутренними военными кампаниями, вынуждена была пойти на восстановление статус-кво в плане функционирования дороги и совместного управления ею. Впоследствии дорога, проходившая по трем северо-восточным провинциям, была передана Советским Союзом марионеточному Маньчжоу-го. Китайские историки полагают, что произошло это без соблюдения необходимых правовых процедур⁹⁵.

Возможность такой сделки возникла вследствие того, что в результате произошедшего 18 сентября 1931 г. вторжения императорских войск в Маньчжурию администрация Трёх провинций вынуждена была покинуть подведомственную территорию. Поводом для оккупации, предпринятой расквартированными в Южной Маньчжурии японскими частями, послужили события, произошедшие в Китае. Среди них выделялись следующие меры китайского правительства: бойкоты японских товаров; повышение налогов на ввозимые товары и на продукцию иностранных предприятий, работавших в Китае (в основном они были японскими); объявление о введении с 1 января 1932 г. в одностороннем порядке отмены права экстерриториальности и консульской юрисдикции иностранцев; планирование возвращения всех селтльментов (поселения на арендованных территориях), самих территорий и железных дорог, принадлежащих иностранным гражданам Китаю; запрет им осуществлять

⁹⁵ 李恩涵. 北伐期间收回汉口、九江英国租界的交涉 – 国民政府「革命外交」的研究之一[*Ли Энхань*. Переговоры о возвращении британских концессий в Ханькоу и Цзюцзяне во время Северного похода: исследование «революционной дипломатии» националистического правительства.]. *历史学*. 1982 年第 10 期. С. 416.

перевозки грузов и пассажиров в прибрежных и внутренних водах Китая⁹⁶. Действия и намерения китайского правительства, соответствовавшие национальным интересам, вступили в противоречие с колониалистскими устремлениями императорской Японии.

Китайская дипломатия стала принимать меры к тому, чтобы власти СССР объявили о введении войск на КВЖД. Но Москва заняла выжидательную позицию. Чан Кайши, в это время боровшийся с соперничавшими фракциями в Гоминьдане, в том числе с применением оружия, вынужден был пойти на уступки фракционерам, проведя в конце декабря в Нанкине 1-й объединительный пленум ЦИК Гоминьдана, а в январе 1932 г. перераспределил со своими соперниками руководящие посты в партии и правительстве⁹⁷. Консолидация политических сил ему была нужна для того, чтобы успокоить общество, возмущенное отсутствием у правительства намерения оказывать отпор агрессору. Но в том же месяце последовал новый вызов Китаю – проведенная японцами жестокая вооружённая акция в Шанхае, приведшая к участию китайских войск и последующей вынужденной демилитаризации города китайской стороной. А в феврале был захвачен Харбин, за чем последовало провозглашение «независимого государства» Маньчжоу-го. С тех пор началась систематическая аннексия китайских территорий – реальная война, хотя и без

⁹⁶ 李恩涵.九一八事变前(1931)中英撤废领事裁判权的交涉—国民政府「革命外交」的研究之四 [Ли Энхань. К Переговоры между Китаем и Великобританией об отмене консульской юрисдикции до инцидента 18 сентября (1931 г.): Часть IV исследования «Революционная дипломатия» националистического правительства].中央研究院近代史所研究集刊 1988 年第 17 期上册.С.188.

⁹⁷ 鹿锡俊.1932 年中国对苏复交的决策过程 [Лу Сицзюнь. Процесс принятия решения о восстановлении дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом в 1932 году].近代史研究,2001,(01):С.27.

формального ее объявления, в которой сражения происходили время от времени, но потери Китай и его народ несли постоянно.

В этих условиях китайское правительство не могло принять меры к тому, чтобы не притушить другой очаг напряженности – на границе с СССР, установив с ним дипломатические отношения. Более того, Нанкин начал проявлять заинтересованность в подписании договора о ненападении, чтобы поставить Советский Союз перед необходимостью признать Маньчжурию неотъемлемой частью Китая. Но советские государственные деятели не желали обострения отношений с Японией, которая стояла за спиной «независимого маньчжурского государства», и от заключения договора СССР тогда уклонился, ограничившись заключением дипломатических отношений 12 декабря 1932 г.⁹⁸

Немедленного положительного результата Китаю это, казалось бы, не принесло. В январе 1933 г. агрессор захватил Шанхайгуань – укрепления, запиравшие проход на Великую равнину, а затем и целиком провинцию Жэхэ, отделявшую Маньчжурию от внутренних провинций. В 1935–1936 гг. захватчики спровоцировали уже сепаратистское движение во Внутренней Монголии, начиналась борьба за Северный Китай. Но в течение всего этого периода Китайская Республика и СССР вели работу, в целом подготавливавшую возможности для их грядущего стратегического компромисса.

Базовые интересы, лежащие в основании стратегии государственного развития Советского Союза, постоянно действующие в рассматриваемый период

⁹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 14 (1931 г.). М.: Политическая литература, 1968. С.625-626.

и во многом определявшие политику СССР, в том числе внешнюю, так или иначе определялись соображениями его безопасности – и экономической, и военной.

С конца 1920-х гг. они оставались неизменными. И позволительно констатировать, что эти реальные государственные интересы СССР в 1930-е гг. стали вступать в определённое противоречие со стратегическими политико-идеологическими установками, которые Советский Союз озвучивал по каналам Коминтерна применительно к перспективам мировой социалистической революции.

Собственно, военный аспект политики безопасности главным образом обуславливал и приоритеты страны в области экономического строительства. Как известно, в конце 1920-х гг. в стране возобладали не «бухаринская» модель промышленной модернизации, предполагавшая опору на первоочередное развитие легкой промышленности, постепенную кооперацию сельского хозяйства и использование («нормализацию») рынка, а сталинская, предписывавшая упор на тяжелую индустрию, капитальное строительство и государственную собственность⁹⁹.

XIV съезд ВКП(б), состоявшийся в 1925 г., стали называть «съездом индустриализации», так как на нем были сформулированы ее общие цели и задачи. Она была намечена как государственная программа, нацеленная на преодоление экономической отсталости. Но историки стали называть «периодом социалистической индустриализации» временной отрезок с 1928/1929 г. по 1949 г.,

⁹⁹ Муравьева Л.А. Курс на «социалистическую индустриализацию» // Финансы и кредит. 2003. № 7(171). С. 69-78.

когда был взят курс на превращение страны в индустриальную державу, а период 1925–1928 гг. – «подготовкой к индустриализации». Таким образом, рассматриваемый в диссертации период целиком укладывается в этап «социалистической индустриализации».

В резолюции XIV съезда ВКП(б) «По отчету Центрального Комитета» ее проведение обосновывалось необходимостью «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования»¹⁰⁰.

Для обеспечения этой самостоятельности предполагалось введение плановой экономики – пятилетних планов, начиная с первого (1928–1932 гг.), когда считалось необходимым максимально быстро создать тяжелую промышленность, залогом чего должна была стать коллективизация сельского хозяйства – объединение индивидуальных крестьянских хозяйств в колхозы. Предполагалось, что это должно было повысить производительность сельского хозяйства, в том числе за счет его механизации. Высвобожденные рабочие руки должны были уйти в промышленность. Ее технологический подъем намечался за счет закупки иностранных технологий, привлечения иностранных специалистов, ускоренной подготовки собственных технических кадров. Всего планировалось ввести 1200 новых крупных объектов, в основном тяжелой промышленности, прежде всего

¹⁰⁰ Цит. по: № 1. Из резолюции XIV съезда ВКП(б) «По отчету Центрального Комитета». 31 декабря 1925 г. // Курс Коммунистической партии на социалистическую индустриализацию. <https://istmat.org/node/6162>

производственные объекты, на эти цели направлялись более $\frac{3}{4}$ бюджетных расходов.

Развернулось также строительство инфраструктуры – железных дорог, каналов, электростанций, создавались новые промышленные центры быстро росло население городов.

Во время первой пятилетки были созданы такие мощные предприятия, как Магнитогорский металлургический комбинат, Уралмаш, ДнепроГЭС, всего пущено в строй 14 крупных заводов и фабрик, заложены новые индустриальные центры, например, Комсомольск-на-Амуре. Введена система плановой экономики, количество производимой в стране продукции за пятилетку выросло на 136%.

В ходе второй пятилетки (1933–1937 гг.) выросли темпы роста производства, стало уделяться значительное внимание повышению качества продукции. Сохранялся курс на первоочередное развитие тяжелой промышленности, акцент теперь делался на машиностроение, продолжилось, улучшение транспортной инфраструктуры. Были построены крупные по тем времена автомобильные заводы (ГАЗ и ЗИС), авиационные предприятия, расширялась сеть железных и автомобильных дорог. В тот период одной из главных целей стало увеличение оборонного потенциала страны, развитие авиационных, танковых и других специализированных предприятий. В этом контексте поставки оружия сначала в Испанию, потом Китаю стали проверкой созданной системы оборонной промышленности. К 1936–1937 гг. Советский Союз уже нельзя было назвать аграрной и технически отсталой страной.

Третья пятилетка (1938–1941 гг.), прерванная Великой Отечественной войной, в полной мере продемонстрировала акцент на решение оборонных задач.

Таким образом, основными целями индустриализации в СССР в 1930-е гг. и до начала 1940-х были создание машиностроения, металлургии, энергетики и инфраструктуры – тех отраслей, которые должны были обеспечить и повышение обороноспособности страны, и ее экономическую независимость. Помимо этого, по замыслу советских руководителей, сопровождавшие социалистическую индустриализацию социальные преобразования должны бы содействовать изменению социально-классовой структуры общества, созданию многочисленного пролетариата и изменению классовой природы крестьянства, приобщенного к коллективному труду¹⁰¹.

Примечательно, что в декабре 1927 г., когда только разрабатывалась программа «социалистической индустриализации», в резолюции XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства» подчеркивалось, что «в области международных отношений необходимо исходить... не из свертывания экономических отношений с капиталистическим миром... Здесь необходимо исходить из максимально широких связей, поскольку эти связи (расширение внешней торговли, иностранного кредита, концессий, привлечение иностранных технических сил и т. д.) увеличивают хозяйственную мощь Союза, делают его более независимым от капиталистического мира,

¹⁰¹ См.: Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы / Под ред. С. С. Хромова. В 2-х частях. М.: Ин-т российской истории РАН, 1997 и 1999.

расширяют социалистическую базу дальнейшего индустриального развития Союза...»¹⁰².

Таким образом, главные задачи индустриализации – поставить СССР по уровню развития экономики, в том числе технологий, наравне с передовыми странами мира, достичь модернизации военно-промышленного комплекса и его независимости от зарубежья – предполагалось решать при самом тесном технико-экономическом взаимодействии с развитыми (и идеологически недружественными) странами.

А для этого было необходимо мирное развитие, что делало крайне нежелательным втягивание страны в крупные военные конфликты¹⁰³. Но идеологическая установка на классовую борьбу как движитель общественного развития, неизбежно приводящий к социальной революции, как раз и служила камнем преткновения для поддержания мирных и доверительных отношений с капиталистическими странами, тем более что установки такого рода в сознании среднего и высших классов этих стран ассоциировались с массовыми действиями

¹⁰² № 5 Из резолюции XV съезда ВКП(б) «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства». 19 декабря 1927 г. // Курс Коммунистической партии на социалистическую индустриализацию. <https://istmat.org/node/6162>(дата обращения: 2.0.2026).

¹⁰³ В частности, по этой причине Советский Союз резко отреагировал на попытку проведения так называемой линии Ли Лисаня – военно-политического курса, который осуществлялся по инициативе видного деятеля КПК, члена ПК ЦК КПК, фактического лидера партии в 1928–1930 гг. Руководствуясь прогнозами Коминтерна по поводу нарастания революционной ситуации, он взял курс на захват Красной Армией Китая крупных городов, с тем чтобы в ответ на это последовало вмешательство крупных держав, и СССР был вынужден вступить в ними в конфликт, дабы последующие революционные события привели к победе мирового пролетариата. Из Советского Союза в Китай прибыла делегация Коминтерна во главе с П.А. Мифом, которая вмешалась в прерогативы ЦК КПК, добила изменения персонального состава руководства партии и осуждения ею линии Ли Лисаня. Тот был отправлен в Москву, где находился до 1946 г. (в 1938–1940 гг. в заключении). См.: Панцов А.А. Мао Цзэдун. М.: С. 192.

эксцессивного характера, поскольку и на самом деле приводили к организации таких действий, нарушавших планы ведущих держав. И хотя напряженная экономическая ситуация в послевоенном мире и, особенно, в период Великой депрессии обуславливала склонность бизнес-кругов смотреть сквозь пальцы на выгодное экономическое сотрудничество даже с политически неудобным режимом, подозрения по поводу Советского Союза не облегчали налаживания его хозяйственного и технологического сотрудничества с развитыми странами. При этом в идеологии СССР стремление не допускать участия государства в крупных военных конфликтах уживалось с убежденностью в том, что такие конфликты в будущем непременно произойдут, то есть выливалось в концепцию максимального оттягивания военной угрозы, а не ее ликвидации.

Видение Москвой возможного военного конфликта в 1930-е гг. Тогда в СССР грядущая война считалась неизбежной – вследствие агрессии коалиции капиталистических государств против Советского Союза либо против другой группировки держав в целях передела мира. Предполагалось, что в эту войну будут пытаться «втянуть» Советский Союз. В начале 1930-х гг. как вполне вероятное рассматривалось, в частности, столкновение между Великобританией и США, на стороне которых выступят те или иные европейские государства. Те, кто вошёл в число победителей в Первой мировой войне (Франция, Польша, Югославия, Чехословакия и Румыния) рассматривались как возможные сторонники Британии, а понесшие поражение Германия, Турция, Болгария, Австрия, Венгрия, Албания, а также Италия, недовольная Версальским договором – как союзники США (поскольку, как считалось, Соединённые Штаты получили по итогам войны

меньше, чем рассчитывали)¹⁰⁴. В советской печати война объявлялась неизбежной по причине того, что капиталистический строй может развиваться только за счёт поиска внешних рынков сбыта и вывоза капитала, из-за чего возникает борьба за сферы влияния, которая усилится из-за мирового экономического кризиса. А поскольку СССР представляет собой богатейший рынок такого рода, то будут стремиться захватить и его¹⁰⁵. Когда кризис заканчивался, вероятность войны считалась большой, потому что капиталисты «уже сами не верят в возможность значительного своего роста на основе развития своих внутренних сил»¹⁰⁶ или не могут найти другого способа уничтожить СССР; в 1939 г. считалось, что на острие удара будут использованы Германия, Италия и Япония¹⁰⁷.

В том же году В.М. Молотов высказал предположение, что попытки Запада заключить договор с СССР с целью сдерживания Германии могут преследовать цель столкнуть СССР с Рейхом в других районах¹⁰⁸ и утверждал, что советскому правительству удалось сорвать «кое-какие планы по расширению войны, например, путем втягивания в войну и Советского Союза»¹⁰⁹.

Как можно видеть, нацеленность на возможно более длительную мирную передышку, способную обеспечить условия для усиленного экономического развития и повышения обороноспособности государства, входила в систему

¹⁰⁴ Молотов В. М. В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М.: 1935. С. 20–21.

¹⁰⁵ Сталин И.В. Международное положение и оборона СССР // Соч. М.: 1949. Т. 10. С. 49–50; Молотов В. М. Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 11–12.

¹⁰⁶ Молотов В. М. Статьи и речи, 1935–1936. М.: 1937. С. 177.

¹⁰⁷ Минц М.М. «Если завтра война». Представления военно-политического руководства СССР о политическом характере будущей войны (конец 1920-х – 1941 гг.) // Клио. СПб., 2008. № 1. С. 99–105.

¹⁰⁸ См.: Там же. С.103.

¹⁰⁹ Цит. по: Там же. С. 103-104.

постоянных приоритетов СССР в рассматриваемый период. И на определённом этапе достижению этих целей перестала соответствовать стратегия Коминтерна, соответственно, и СССР в отношении мировой революции.

В начале 1930-х гг. руководитель СССР и ВКП(б) И.В. Сталин рассчитывал на развитие революционного движения в мире, исходя из принятой еще VI конгрессом (1928 г.) Программы Коминтерна, в разработке которой он тогда играл ключевую роль. Программа отмечала приближение периода резкого обострения противоречий капитализма и подъёма революционного движения, осуждала одновременно и троцкизм как контрреволюционное течение, и правый уклон в международном коммунистическом движении, заявляя о решительном отмежевании коммунистов от сотрудничества с буржуазными (некоммунистическими) движениями. В рамках этой линии в Китае в 1928–1934 гг. создавались «советские районы», служившим административной альтернативой территориям, контролируемым Гоминьданом.

Отход от этой, «советской» политической стратегии наметился еще в 1933 г., на 13-м пленуме ИККИ, проходившем тоже под контролем И.В. Сталина. Но лозунги этот пленум предложил совершенно иные. Вместо провозглашенной в 1928 г. классовой непримиримости был выдвинут лозунг объединения всех демократических сил, подчеркивалась важность единства рабочего класса без акцента на идеологии. В июне 1933 г. в Париже прошёл Европейский антифашистский рабочий конгресс, создавший Антифашистский центральный комитет (в августе преобразован во Всемирный комитет против войны и фашизма). Но инерционность крупных политических движений не позволяла изменять их

курс мгновенно, тем более, что внутренние условия борьбы коммунистов в разных странах были неодинаковы. Так, в Китае лозунг «советизации» жизнь снимала постепенно, по мере того, как в 1933–1934 гг. в Шанхае охранка уничтожала дальневосточные руководящие органы Коминтерна, руководство ЦК КПК эвакуировалось в «советские районы», а те подвергались ударам гоминьдановских карателей. В 1934–1935 гг. руководящие органы партии и ее войска оставили Центральный советский район, совершив Великий поход на Север, в пограничный район Шэньси – Ганьсу – Нинся. В новых местах дислокации руководство КПК отныне приобретало намного большую независимость от инстанций Коминтерна, нежели в те времена, когда ЦК КПК и Дальневосточное бюро ИККИ находились в Шанхае.

Сталинское руководство Коминтерна окончательно провозгласило новый зарубежный курс лишь на VII Конгрессе (июль-август 1935 г.). Конгресс дал определение классовой сущности фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹¹⁰ и объявил, что политический кризис начала 1930-х гг. предлагает несоциалистическому миру единственный выбор – между фашизмом и буржуазной демократией. Конгресс Коминтерна сосредоточил внимание коммунистов мира на главной задаче – создании единого народного фронта как широкой классовой коалиции, которая должна быть направлена против фашизма и войны и в то же время составить основу

¹¹⁰ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сборник документов . М.:1975. С.3.

для формирования демократических правительств. Главными «поджигателями войны» были объявлены германский нацизм («фашизм германского типа»), итальянский фашизм и японский милитаризм, подверглась жёсткой критике политика умиротворения агрессоров, проводившаяся правительствами держав Запада.

Тем самым военно-политические интересы Советского Союза получили достаточно убедительное теоретическое подкрепление и новый стратегический канал реализации. Для более надежного его функционирования структура руководящих органов Коминтерна была перестроена таким образом, что его территориальные подразделения возглавлялись теперь не коллегиальными органами – ландерсекретариатами, а специальными уполномоченными индивидуально. Это повысило функциональность соответствующих подразделений как структур, реализующих внешнеполитические установки Центра¹¹¹. В некотором смысле в тот период Коминтерн выполнял в СССР специфическую функцию внешнеполитического органа, действующего в международном коммунистическом движении.

В том же году произошло важное событие, вынудившее к изменению стратегических установок или, по крайней мере, к поиску новых тактических ходов уже китайскую сторону.

Коррекция акцентов в стратегии Китая с 1935 г. Для властей Китайской Республики главными внутренними факторами оставались угрозы со стороны КПК,

¹¹¹ Там же. С.79.

враждебных гоминьдановских фракций и милитаристских клик, а внешними – японская агрессия и поддержка, получаемая КПК от СССР.

8 октября 1935 г. японский министр иностранных дел Хирота Коки выдвинул Китаю ультиматум, получивший известность как «три принципа Хироты». Империя требовала от Китая пресечь антияпонские акции в стране, признать марионеточное государство Маньчжоу-го, а также создать с японцами общий фронт для предотвращения распространения коммунизма¹¹². Одним из последствий принятия этих условий неизбежно стало бы превращение Национального правительства Китая в вассальный Японии режим, а Маньчжурии и Северного Китая – в плацдарм для будущей войны против СССР¹¹³. По признанию Чан Кайши, зафиксированному в его мемуарах, уже тогда он решил, что начнет активные переговоры с СССР¹¹⁴. И оперативно приступил к претворению этой мысли в жизнь: 18 октября 1935 г. встретился с советским послом Д.В. Богомоловым для беседы, в ходе которой впервые предложил идею заключения с Советским Союзом военного соглашения. При этом он дал понять, что эта инициатива носит не политический, а чисто военный характер – заявил, что выдвигает ее не как представитель правительства, а в качестве главнокомандующего вооружённых сил¹¹⁵.

Таким образом для того, чтобы будущий союз мог состояться, обе стороны должны были предварительно внести коррективы в свои фундаментальные на тот

¹¹² Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости, 1898-1949 гг. М.: 1996. С. 374.

¹¹³ Там же. С. 378.

¹¹⁴ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). М.: 1977. С. 92–94

¹¹⁵ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.3. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг.

момент стратегические установки. Китайский историк Я Тин в этой связи подчеркивает активную роль Чан Кайши в формировании внешней политики страны и советско-китайского взаимодействия в том числе. Он указывает, что в 1930-х гг. главная задача внешней политики страны заключалась в том, чтобы «преодолеть международную изоляцию в условиях расширения японской агрессии» и «найти себе союзников в национально-освободительной борьбе»¹¹⁶. Отмечая, что «дипломатические идеи самого Чан Кайши... фактически лежали в основе всех внешнеполитических актов гоминьдановского правительства», Я Тин подчеркивает, что еще в молодости Чан Кайши пришёл к мысли о главном источнике многих бед Китая в Новое время. Они, по мнению последователя Сунь Ятсена, проистекали из того, «что страна долгое время была скована “дальневосточным треугольником (Китай – Япония – Россия)”», а потому необходимо вырваться за пределы этого «треугольника» и развивать отношения с третьими странами ¹¹⁷. «Именно поэтому изначально Китай возлагал большие надежды на посредничество Лиги Наций в японо-китайском конфликте, а советское направление в общем дипломатическом курсе страны представлялось лишь делом второстепенной важности, не больше, чем древняя философия Поднебесной “И и чжи и” (以夷治夷) – “использование одних варваров против других”... Даже после восстановления дипломатических отношений с СССР в 1932 г. китайское правительство затягивало дальнейшие переговоры с Советским

¹¹⁶ Ян Итин. Внешнеполитическая стратегия Китая в отношении СССР (1931–1937 гг.) // Россия и АТР. 2021. № 3. С. 87.

¹¹⁷ Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М.: 2009. С. 94.

Союзом до тех пор, пока отношения с Японией не были полностью разорваны»¹¹⁸. Именно провозглашение «трёх принципов Хироты» в 1935 г. и заключение Антикоминтерновского пакта между Японией и Германией (с военными кругами и бизнесом которой Чан Кайши тесно сотрудничал и на которую возлагал большие надежды¹¹⁹) в 1936 г. По утверждению Ян Итина эти обстоятельства побудили власти Китайской Республики к пересмотру своей внешнеполитической линии: «Окончание гражданской войны и примирение с КПК по сути дела являлись частью внешней политики Китая в отношении СССР, что устранило последнюю преграду на пути дальнейшего развития двусторонних отношений»¹²⁰.

С этими утверждениями в целом можно было бы согласиться, но надо отметить, что Чан Кайши в рассматриваемый период как раз *прекращение гражданской войны* никоим образом не планировал. Во всяком случае, планировал ее окончание исключительно на условиях полного подчинения КПК. Еще в декабре 1936 г., всего за восемь месяцев до японской провокации у Лугоуцяо, после которой развернулось наступление императорской армии, лидер Гоминьдана и Китайской Республики намеревался в Сиани провести смотр войск, которые должны были участвовать в окружении пограничного района Шэньси – Ганьсу – Нинся и ликвидировать «коммунистическую угрозу» как серьёзный военно-политический фактор в Китае¹²¹. Чан Кайши не ожидал удара от японцев,

¹¹⁸ Ян Итин. Внешнеполитическая стратегия Китая в отношении СССР (1931–1937 гг.) // Россия и АТР. 2021. № 3. С. 89.

¹¹⁹ Каткова З.Д. Чан Кайши и его немецкие советники // Общество и государство в Китае. 2012. №3. С.183-189.

¹²⁰ Я Итин. Внешнеполитическая стратегия Китая в отношении СССР (1931–1937 гг.). С. 91.

¹²¹ Примак П. В. Укрепление Советско-китайских отношений в 30-х годах XX века // Заметки ученого. 2022. № 3-2. С. 47.

поскольку те сами были заинтересованы в ослаблении баз КПК на Севере (о чём свидетельствовали, например, «принципы Хирота» с предложением японского участия в их разгроме). Поэтому японцы вряд ли стали бы препятствовать проведению Чан Кайши военной операции против КПК.

А вот с Советским Союзом ему договариваться, как он полагал, стало бы намного проще, если бы он наголову разгромил коммунистов или загнал их в блокаду, подобную той, что в 1934 г. организовал на Юге. В последнем случае он мог бы рассчитывать, например, сделать предметом торга с СССР жизни коммунистических руководителей и судьбу компартии.

Но Чан Кайши просчитался. Руководители коммунистов его опередили, фактически лишив его тех самых войск, которые он намеревался направить против них.

В операции против коммунистического пограничного района Шэньси – Ганьсу – Нинся должны были участвовать 17-я армия генерала Ян Хучэна (杨虎城) ¹²² и Северо-Восточная армия маршала Чжан Сюэляна (张学良) ¹²³. Но еще в

¹²² Ян Хучэн (杨虎城) (1893–1949) – китайский генерал во время Эры милитаристов в Китае и гоминьдановский генерал во время Гражданской войны в Китае. Стал известен как один из лидеров Сианьского инцидента. Как только Чан Кайши отказался от предложения коммунистов действовать совместно в войне против Японии, Чжан Сюэлян и Ян Хучэн арестовали Чан Кайши и держали его под арестом до тех пор, пока он не согласился учредить альянс между Гоминьданом и КПК. Прилетев обратно в Нанкин, столицу гоминьданского Китая, Чан Кайши отдаёт приказ на арест Яна Хучэна. Ян Хучэн пребывал в тюрьме тринадцать лет, пока не был казнён в 1949 г. вместе с супругой, детьми и несколькими близким к нему офицерами. Некоторые члены семьи Яна Хучэна присоединились к коммунистам.

¹²³ Чжан Сюэлян (张学良) (1901–2001) – Сын Чжан Цзолия (张作霖). После гибели Чжан Цзолия в июне 1928 г. унаследовал пост верховного правителя Трёх восточных провинций и вскоре, несмотря на протест Японии, начал переговоры с Национальным правительством Чан Кайши. 29.12.1928 г. формально признал власть Нанкина, сохраняя фактическую власть над северо-востоком страны. После начала вторжения японской армии в Маньчжурию 18.9.1931 г. Чжан Сюэлян, осознавая слабость своей армии, значительно уступавшей японской в выучке и

феврале 1936 г. коммунисты заключили с Ян Хучэном, а в марте – с Чжан Сюэляном тайные соглашения о ненападении и сотрудничестве. Войска обоих генералов были готовы совместно с коммунистами бороться против японцев; особенно решительно были настроены соединения Чжан Сюэляна, бывшего хозяина Маньчжурии, изгнанные оттуда японской армией. По прибытии в Сиань военачальники просили Чан Кайши амнистировать патриотов, отказаться от подавления коммунистов и организовать сопротивление японцам, он отказался, был арестован и получил ультиматум соответствующего содержания. Во время его пребывания под арестом советская пресса и руководство Коминтерна выступили за мирное разрешение конфликта, назвав насильственные действия против Чана выгодными прояпонским силам. В итоге переговоров мятежных генералов и представлявшего КПК Чжоу Энляя с Чан Кайши, а также прибывшей в Сиань гоминьдановской делегацией, Чан высказал принципиальное согласие на будущие

вооружении (хотя и превосходившей её численно), приказал избегать столкновений и отступить в Китай. К февралю 1932 г. последние очаги сопротивления его войск были подавлены, в марте создано государство Маньчжоу-го. Под контролем Чжан Сюэляна осталась пограничная провинция Жэхэ, которая в феврале – марте 1933 г. была занята японскими войсками. Чжан Сюэлян подал в отставку и уехал в Европу. В начале 1934 г. по просьбе Чан Кайши вернулся в Китай, был восстановлен на посту командующего Северо-восточной армией и направлен на борьбу с вооружёнными силами Коммунистической партии Китая (КПК) в Хунани, Хубэе и Аньхое, а с осени 1935 г. – в Шэньси, где после Великого похода стала формироваться новая опорная база коммунистов. В отличие от Чан Кайши, считавшего главной угрозой для страны КПК, Чжан Сюэлян полагал приоритетным направлением борьбу с Японией. Весной 1936 г. он начал тайные переговоры с КПК, обсуждая перспективы создания единого антияпонского фронта, поддерживаемого СССР, подал заявление о вступлении в партию. В декабре 1936 г. инициировал нападение на резиденцию Чан Кайши, ему под угрозой смерти было предложено заключить мир с КПК и начать совместную борьбу с Японией. После того как между председателем КПК Чжоу Энляем и Чан Кайши было достигнуто соглашение о прекращении войны, Чжан Сюэлян сдался на милость последнего и вылетел в Нанкин. В Нанкине военным трибуналом был лишён чинов и званий, его армия была расформирована, сам он помещён под домашний арест. Во время войны с Японией 1937–1945 г. местонахождение Чжан Сюэляна было известно лишь узкому кругу лиц; делалось всё возможное, чтобы он не попал в руки японцев или коммунистов.

совместные действия против японцев¹²⁴. Чжоу Энлай во время личных переговоров заверил Чан Кайши, что если тот прекратит гражданскую войну и начнет борьбу с Японией, то войска Компартии будут готовы ему подчиниться¹²⁵. Таким образом, от Чана требовался отказ от принципа «до того, как мы начнем сражаться с внешним врагом, надо установить мир внутри страны», что подразумевало безоговорочное подчинение номинальному национальному лидеру всех политических сил.

Примечательно, что уже после отлета Чан Кайши в Нанкин, куда его сопровождал маршал Чжан Сюэлян (впоследствии арестованный по приказу Чана), среди оставшихся недовольных офицеров возникла попытка сопротивления. Группа офицеров, не желавшая отпускать генералиссимуса, организовала беспорядки, в результате которых были убиты двое генералов, обвиненных в потакании Чан Кайши и коммунистам. Представители КПК в Сиани, Чжоу Энлай и Е Цзяньин (叶剑英)¹²⁶, рискуя жизнью, долго уговаривали подчиненных Чжан Сюэляна отказаться от попыток отбить маршала и карательного похода против Нанкина, убеждая их, что Чан Кайши примет условия сотрудничества¹²⁷. Тем самым Компартия Китая предотвратила эскалацию военного мятежа в условиях

¹²⁴ 薛衔天、金东吉.民国时期中苏关系(中)[*юэ Цзиньтянь, Цзинь Дунцзи. китайско-советские отношения в период Китайской Республики.*] 北京: 中共党史出版社, 2009. С. 37.

¹²⁵ Там же. С. 38.

¹²⁶ Е Цзяньин (叶剑英) (1896–1986) – видный китайский революционер, военачальник и государственный деятель, один из Десяти маршалов КНР. Он играл ключевую роль в китайской революции, Войне сопротивления Японии и гражданской войне, а после образования КНР занимал высшие посты в партии, правительстве и армии. Его карьера, охватившая несколько десятилетий, отличалась политической гибкостью и верностью коммунистическим идеалам, что позволило ему пережить многочисленные политические бури, включая Культурную революцию.

¹²⁷ 罗瑞卿.吕正操.王炳南.西安事变与周恩来同志[*Ло Жэйцин, Лю Чжэнцао, Ван Биннань: Сианьский инцидент и товарищ Чжоу Энлай.*]北京: 人民出版社. 1978. С. 89-90.

войны, не допустила срыва будущего сотрудничества патриотических сил. КПК проявила себя не как некий пассивный проводник линии Москвы, а как сознательный, самостоятельный и творческий участник процесса формирования единого фронта национального Сопротивления.

Однако в следующем году Чан Кайши заморозил процесс сближения с патриотическими политическими силами. Изменить свой курс коренным образом его вынудило только начало японского наступления в июле 1937 г.¹²⁸

Особенности двусторонних отношений в Восточной Азии в 1930-е гг. во многом определялись спецификой системы коллективных международных отношений в субрегионе.

Эти отношения были сформированы четырьмя ключевыми факторами. Во-первых, существовали международные соглашения, заключенные после Первой мировой войны, такие как Договор девяти держав, регулировавшие ситуацию в Восточной Азии. Во-вторых, Китай занимал в этой системе уязвимое положение, будучи объектом эксплуатации со стороны большинства других стран региона. В-третьих, в 1930-х гг. отсутствовали мощные блоки и международные организации, способные играть роль политических акторов; эту функцию выполняли исключительно национальные государства. Наконец, в-четвёртых, система включала в себя механизмы сдержек и противовесов, которые державы создавали друг для друга, но которые мог использовать и Китай в своих целях.

¹²⁸ Мичурин А. Н. Советско-китайские отношения накануне Второй мировой войны // Россия в глобальном мире. 2016. № 8(31). С. 97.

К основным акторам этой системы отношений, помимо Китая, относились также группа европейских держав (Великобритания, Франция, Германия и др.), США, Япония и СССР. Лишь на них по отдельности мог рассчитывать Китай в попытках противопоставить Японии каких-то субрегиональных акторов. Но при этом для большинства из них в рассматриваемый период Китай не был настолько значимой экономической и политической величиной, чтобы из-за него рисковать отношениями с Японией и другими акторами, а также своими интересами в других регионах.

Наиболее активно, с большим отрывом от других держав наращивали своё экономическое присутствие Соединённые Штаты, но и они не проявляли большой заинтересованности в военных и политических делах субрегиона до конца 1930-х гг., пока Япония не выказала намерений вторгнуться в Юго-Восточную Азию. Наметившиеся с середины 1930-х гг. особые отношения Германии с Японией (Антикоминтерновский пакт 1936 г.) вывели Германию из числа стран, которые Китай мог пытаться использовать в качестве противовеса агрессору (примечательно, что при откровенно антисоветском характере пакта он так никогда и не стал поводом ни для Германии поддержать Японию, ни для последней вступить в войну с СССР).

Основой методологического инструментария, позволяющего вычленил постоянные и переменные компоненты структуры китайско-советских отношений в рассматриваемый период, являются два кластера факторов, обуславливающих эту структуру. Первый кластер включает неизменные интересы Китайской Республики и Советского Союза, а также стабильные институциональные и

политические условия, формирующие эти интересы и способы их реализации. Второй кластер охватывает те же интересы и условия, но рассматривает их динамику и изменения на разных этапах отношений. Так, для правительства Китайской Республики главными долгосрочными целями были восстановление и защита суверенитета и территориальной целостности государства. Внешними факторами, вынуждавшими его предпринять срочные шаги, выступали агрессивные действия Японии и поддержка КПК со стороны СССР. К внутренним относились угрозы его власти со стороны КПК, враждебных гоминьдановских фракций и военно-политических групп. Для правительства СССР предметами постоянного интереса оставались экономическое (индустриальное прежде всего) строительство и как можно более длительная мирная передышка. Эти цели постоянно находились под угрозой внутренних и внешних препятствий. Неизменным в рассматриваемый период институциональным фактором оставалось существование и деятельность Коминтерна в системе его отношений с ВКП(б). Эта деятельность давала немалые внешнеполитические возможности, но и предполагала определённые обязательства, в том числе в отношении способов и форм манифестирования и осуществления внешнеполитических стратегий, которые так или иначе должны были соотноситься с перспективами международного коммунистического движения и отдельных его отрядов.

Эти постоянные факторы так или иначе обуславливали характер и способы проявления тех интересов сторон и вновь возникающих для них обстоятельств, которые приводили к существенным изменениям существовавшей политической модели двусторонних отношений и переходу ее в новое качество. И каждая из

сторон стремилась трансформировать данную модель в соответствии с собственными представлениями о перспективах процесса.

Глава 2. Формирование политики Чан Кайши в отношении Советского Союза в ответ на японскую экспансию(1931–1937 гг.)

Вторая глава посвящена анализу процесса формирования политики Чан Кайши в отношении СССР в условиях нарастающей японской экспансии в Восточной Азии. Усиление агрессивного курса Японии после 1931 г., последующее расширение военных действий и перерастание локального конфликта в полномасштабную войну поставили китайское руководство перед необходимостью стратегического пересмотра внешнеполитических ориентиров. В этих условиях советское направление постепенно приобрело для Чан Кайши особое значение. Если в предшествующий период отношения с СССР характеризовались сочетанием идеологической конфронтации, взаимного недоверия и прагматического взаимодействия, то японская угроза обусловила трансформацию прежних установок. Формирование новой линии поведения не являлось одномоментным актом: оно представляло собой сложный процесс, в котором переплетались военно-стратегические расчёты, внутривластные соображения и оценка перспектив международной поддержки.

В рамках данной главы предполагается раскрыть логику принятия решений Чан Кайши в условиях углубляющегося кризиса, определить факторы, повлиявшие на переоценку роли СССР в системе внешнеполитических приоритетов Китайской Республики, а также проследить институционализацию двусторонних контактов – от дипломатических консультаций до заключения соглашений о сотрудничестве. Особое внимание будет уделено анализу соотношения идеологических установок

и прагматических интересов в политике китайского лидера, а также взаимодействию внешнеполитических и внутривнутриполитических задач в его стратегии противодействия японской агрессии.

2.1 Восстановление советско-китайских дипломатических отношений и возвращение Цзян Цзинго в Китай

Исследование перехода Чан Кайши с платформы «защиты нации» на позицию взаимного дипломатического признания СССР и Китайской Республики в 1931–1932 гг. позволяет заключить, что этот процесс стал логическим ответом на сложившуюся внутри и вне страны ситуацию, а также результатом переосмысления стратегических приоритетов правительства Гоминьдана. Прежде будучи сосредоточенным на идеологическом противоборстве с коммунизмом и отвержении диалога с СССР, Чан Кайши был вынужден скорректировать свою внешнюю политику под влиянием агрессивных действий Японии и отсутствия эффективной международной поддержки в защите национальной целостности Китая.

Ключевым толчком к переходу стал нападение Японии на Маньчжурию в сентябре 1931 г. (события «Сентябрьского инцидента»), которое фактически лишило Китая возможности полагаться на традиционную поддержку западных держав и заставило Чан Кайши искать новые внешние союзники. В этих условиях взаимное дипломатическое признание СССР и Китайской Республики стало не просто тактическим шагом, а необходимой мерой для укрепления позиций Китая

в условиях растущей внешней угрозы. При этом важно отметить, что переход Чан Кайши не был связан с отказом от принципов «защиты нации», а наоборот – рассматривался им как эффективный инструмент для достижения этой цели, так как признание и нормализация отношений с СССР открывало перспективы получения внешней поддержки в борьбе с японской агрессией.

Нормализация советско-китайских отношений в 1931–1932 гг. и постепенное сближение сторон имело важное историческое значение, несмотря на сохранение идеологических противоречий между Гоминьданом и советским руководством. С одной стороны, это событие положило начало восстановлению дипломатических связей между двумя странами, прерванных в 1927 г. после контрреволюционного переворота Чан Кайши. С другой стороны, оно стало предпосылкой для дальнейшего развития взаимодействия в политическом и экономическом сферах, а в перспективе – для формирования военного сотрудничества в период японо-китайской войны. При этом Чан Кайши тщательно различал «дипломатическое признание» от «полного союза», сохраняя свою позицию в отношении внутренней политики СССР и коммунистического движения в Китае.

Переход Чан Кайши на позицию взаимного признания СССР и Китайской Республики в 1931–1932 гг. продемонстрировал гибкость его внешней политики, основанной на национальных интересах, а не на идеологической догматике. Этот шаг не только помог Китаю частично преодолеть международную изоляцию в условиях японской агрессии, но и повлиял на баланс сил в азиатско-тихоокеанском регионе, ограничив возможности Японии в дальнейшем экспансии. Кроме того, нормализация отношений стала важной вехой в истории советско-китайских

взаимодействий, показав, что даже при наличии глубоких идеологических различий государства могут найти точки соприкосновения в защите общих национальных интересов.

Исследование данного периода позволяет глубже понять логику формирования внешней политики Чан Кайши и механизмы нормализации отношений между странами с разными социально-политическими системами. Особенно важным остаётся анализ того, как практические потребности в защите национальной целостности превзошли идеологические противоречия, повлияв на решение Чан Кайши о взаимном признании с СССР. Этот опыт также дополняет представления о роли геополитических факторов в формировании дипломатических отношений в эпоху глобальных и региональных конфликтов, а также о возможностях сближения стран при наличии общих внешних угроз.

После Октябрьской революции одной из стратегических целей советской внешней политики на Дальнем Востоке стало создание дружественного СССР правительства в Китае. Для достижения этой цели Москва содействовала формированию единого фронта между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая (КПК) в январе 1924 г. С этого момента две партии совместно боролись за осуществление Национальной революции, при этом Москва рассчитывала на политическую радикализацию Гоминьдана «изнутри» под влиянием вступивших в него коммунистов.

Именно в этот период начала восходить военная и политическая звезда Чан Кайши, который с 1926 г. стал претендовать на роль ключевого лидера Гоминьдана.

Важным этапом стало его назначение в 1924 г. начальником Офицерской школы Вампу, что заложило основу его будущего влияния в армии.

Однако в ходе Северного похода Национально-революционной армии (НРА) 1926–1927 гг. в Гоминьдане оформились два центра власти: в Ухани, где находилось сотрудничавшее с коммунистами Национальное правительство, и в Наньчане (с марта 1927 г. – в Нанкине), где ведущую роль играл главнокомандующий НРА Чан Кайши. Между этими центрами возникли серьёзные политические разногласия, прежде всего по вопросу о взаимодействии с КПК. Кульминацией противостояния стали кровавые антикоммунистические перевороты, организованные 12 апреля 1927 г. в Шанхае силами Чан Кайши и его сторонников в других контролируемых НРА городах. Летом того же года и уханьское правительство предприняло враждебные действия в отношении КПК, потребовав от коммунистов, работавших в структурах Гоминьдана, осудить политику своей партии. 8 июля 1927 г. Исполком Коминтерна рекомендовал членам КПК выйти из состава Национального правительства, обвинив его в контрреволюционной политике, а 15 июля уханьское правительство окончательно разорвало отношения с КПК, что положило начало полномасштабной гражданской войне в Китае.

Несмотря на временную отставку в августе 1927 г., в декабре того же года Чан Кайши был вновь призван на пост главкома НРА, а в апреле 1928 г. было объявлено о продолжении Северного похода под его командованием. К концу 1928 г. провозглашённое в Нанкине Национальное правительство консолидировало власть. Внешнеполитический курс Чан Кайши был

последовательно антикоммунистическим и антисоветским, что привело к разрыву дипломатических отношений между Китаем и СССР и означало провал первоначальной стратегии Москвы в Китае.

После Мукденского инцидента 18 сентября 1931 г. определение внешнеполитической линии в отношении Японии и Советского Союза стало сложнейшей дилеммой для руководства Китайской Республики. Чан Кайши исходил из того, что и СССР, и Япония стремятся к экспансии в Китае, и считал, что «прояпонские и пророссийские фракции готовы жертвовать собой ради других до самой смерти»¹²⁹. Он полагал, что «если красные бандиты не будут уничтожены, то не будет возможности контролировать Россию и отбрасывать японцев. Если японцы не будут побеждены, не будет возможности объединиться с японцами для борьбы против Советского Союза»¹³⁰. При этом он оценивал угрозы следующим образом: «Японская беда – срочная, а русская – медленная, но русская беда – большая, а японская – маленькая»¹³¹. Таким образом, первоначальная внешняя политика Чан Кайши была нацелена на противодействие как СССР, так и Японии, однако по мере усиления японского давления и возникновения общей угрозы со стороны Японии для Китая и СССР, открылась возможность для улучшения китайско-советских отношений.

¹²⁹ 鹿锡俊. 蒋介石的中日苏关系与“制俄攘日”构想—兼论蒋汪分歧的一个重要侧面（1933-1934）[Лу Сицзюнь. Китайско-японско-советские отношения Чан Кайши и идея "контролировать России и преследования Японии" - эссе о важной стороне разногласий между Чан Кайши и Ван Цзинвэем (1933-1934)]//近代史研究, 2003 年第 4 期.

¹³⁰ 蒋介石日记[Дневник Чан Кайши, 6 июля 1933 г].

¹³¹ 蒋介石日记[Дневник Чан Кайши, 4 сентября 1939 г].

После оккупации Маньчжурии 18 сентября 1931 г., пока Чан Кайши придерживался политики «умиротворения внешней агрессии прежде внутренней безопасности» и искал дипломатического решения, западные державы и Лига Наций проводили политику умиротворения Японии, рассчитывая, что главной целью японской агрессии является СССР¹³². Не найдя поддержки на Западе, Нанкин начал зондировать почву для улучшения отношений с Москвой. Уже на первом заседании Специального комитета по иностранным делам 30 сентября 1931 г. обсуждался вопрос о «сближении с Советским Союзом против Японии». В начале 1932 г. Сунь Фо (孙科)¹³³ и Чэнь Южэнь (陈友仁)¹³⁴ выдвинули идею сочетания стратегий «союза с США» и «союза с Россией». 6 июня 1932 г. ЦК Гоминьдана принял решение о начале переговоров с СССР о возобновлении дипломатических отношений и заключении пакта о ненападении. Однако позиция Чан Кайши была двойственной: он хотел использовать договор для сдерживания Японии, но одновременно стремился предотвратить поддержку КПК со стороны Коминтерна. Были выдвинуты два условия: отделить возобновление дипломатических отношений от вопроса о терпимости к КПК и подписать пакт о ненападении до формального восстановления отношений. Эти условия

¹³² 李君山.对日备战与中苏谈判(1931-1937)[*Ли Цзюньшань*. подготовка к войне с Японией и китайско-советские переговоры (1931-1937 гг.)] //台大历史学报第 43 期. 2009 年 6 月. С. 89.

¹³³ Сунь Фо (孙科) или Сунь Кэ (1891–1973) – политик Китайской Республики. Возглавлял ряд министерств. В 1932 и 1948–1949 гг. занимал пост премьер-министра. Известен тем, что был сыном Сунь Ятсена и его первой жены Лу Мучжэнь, что позволяло ему демонстрировать несогласие с Чан Кайши по ряду принципиальных вопросов (в частности, поддерживать союз с Коммунистической партией Китая).

¹³⁴ Чэнь Южэнь (陈友仁) (1878–1944) – китайский дипломат и юрист, министр иностранных дел Китайской Республики с 30 декабря 1931 г. по 29 января 1932 г. Был известен своими успехами в продвижении антиимпериалистической внешней политики Сунь Ятсена.

противоречили дипломатической практике и затрудняли достижение соглашения¹³⁵.

Советский Союз, столкнувшись с вытеснением своих интересов из Маньчжурии и проникновением Японии во Внутреннюю Монголию, тем не менее, проводил в начале 1930-х гг. осторожную политику в отношении Японии, стремясь избежать прямого конфликта. Это объяснялось желанием завершить индустриализацию и укрепить обороноспособность на Дальнем Востоке, а также общей сменой внешнеполитического курса, выразившейся в отходе от лозунга «мировой революции» в пользу «коллективной безопасности» и нормализации отношений с капиталистическими странами¹³⁶. После неудачной попытки заключить с Японией пакт о ненападении, СССР стал более активно стремиться к улучшению отношений с Китаем.

Переговоры о нормализации отношений проходили в сложной внутривосточной обстановке в Китае, где консервативные круги Гоминьдана сохраняли жёсткую антикоммунистическую и антисоветскую позицию. Чан Кайши, раздраженный затягиванием переговоров и внутривосточными проблемами, записал в дневнике: «В последнее время я обижаюсь на Советы даже больше, чем на японцев»¹³⁷. Опасаясь срыва переговоров из-за возможного вмешательства Японии, китайская сторона поручила своему представителю Янь Хуэйцину (顏惠

¹³⁵ 高华. 孙科与国民政府对苏外交 1932-1945[高 华. Сунь Фо и дипломатия национального правительства с Советским Союзом 1932-1945]//南京大学学报.1998 年.第 2 期. С. 77-84.

¹³⁶ 石源华. 中华民国外交史 [Ши Юаньхуа. Дипломатическая история Китайской Республики.Шанхай: Шанхайское народное издательство]上海: 上海人民出版社, 1984. С. 424.

¹³⁷ 蔡维藩. 苏俄如何防日[Цай Вэйфан. Как Советская Россия защищалась от Японии] //外交评论, 1936 年第 7 卷第 6 期.

庆)¹³⁸ ускорить процесс. 12 декабря 1932 г. состоялся краткий обмен нотами между Янь Хуэйцином и наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым о возобновлении дипломатических отношений¹³⁹. Ведущая китайская газета «Шэньбао»(申报) назвала это событие «новой эрой в истории дипломатии»¹⁴⁰.

После восстановления дипломатических отношений между двумя странами встал вопрос о дальнейшем развитии сотрудничества. Один из китайских экспертов по СССР, Чжан Чун (张冲)¹⁴¹, в своей статье выделил пять ключевых проблем: понимание двойственной природы советской внешней политики, вопросы советской государственной торговли, невмешательство партийных органов во внешнеполитические дела, уважение СССР суверенитета Китая над Внешней Монголией и скорейшее решение проблемы КВЖД¹⁴². Эти вопросы отражали

¹³⁸ Янь Хуэйцин (颜惠庆) (1877–1950) – китайский писатель, дипломат и политик первой половины XX в. Когда осенью 1931 г. Япония организовала Маньчжурский инцидент, то министр иностранных дел Нанкинского правительства Ван Чжэнтин пригласил Янь Хуэйцина для помощи в получении международной поддержки. В 1932 г. Янь Хуэйцин стал главой китайской делегации в Лиге Наций, где обвинил Японию в агрессии и обратился за международной помощью. В том же году он провёл в Женеве секретные переговоры с СССР о восстановлении дипломатических отношений, завершившиеся успехом. С января 1933 г. Янь Хуэйцин стал послом Китайской республики в СССР. В 1936 г. Янь Хуэйцин вернулся в Китай, после начала в 1937 г. войны с Японией возглавил Китайское общество Красного Креста. В 1939 г. он дважды командировался в США в попытках получить помощь у президента Рузвельта. В декабре 1940 г. через Сан-Франциско выехал в Гонконг.

¹³⁹ 颜惠庆. 颜惠庆日记第二卷[Янь Хуэйцин. Дневник Янь Хуэйцина. Т.2.]北京: 中国档案出版社 1996. С. 706.

¹⁴⁰ 申报[Шэньбао. 14 декабря].

¹⁴¹ Чжан Чун (张冲) (1903–1941) – политический деятель Китайской Республики и функционер Китайской националистической партии (Гоминьдана). Осенью 1938 г. он был переведён в аппарат Военной комиссии Гоминьдана в качестве директора Отдела консультативных дел, отвечавшего за приём военных советников из дружественных стран (большинство из которых были советскими советниками). В 1939 г. когда возникли трения между Гоминьданом и Коммунистической партией, Чжан Чун выступал за единство Гоминьдана и Коммунистической партии против японцев, а в марте 1941 г. он также исполнял обязанности заместителя начальника Организационного отдела Центрального комитета Гоминьдана.

¹⁴² 张冲. 中苏复交后的几个问题 [Чжан Чун. Несколько вопросов после возобновления

озабоченность Нанкина поддержкой СССР китайских коммунистов и его уважением территориальной целостности Китая¹⁴³.

В 1933 г., с усилением в китайском правительстве промирных сил (министр иностранных дел Ло Вэньган (罗文干)¹⁴⁴ и министр финансов Сун Цзывэнь (宋子文)¹⁴⁵, выступавшие за жёсткую линию в отношении Японии, ушли в отставку, а их посты заняли Ван Цзинвэй и другие), внешнеполитический курс стал смещаться в сторону поиска компромисса с Японией. Ван Цзинвэй (汪精卫)¹⁴⁶ в

дипломатических отношений между Китаем и СССР] 《时事月刊》第8卷第2期, 1933年2月号

¹⁴³ Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 30-ые годы XX века. М.: 2007. С.359.

¹⁴⁴ Ло Вэньган (罗文干) (1888–1941) – китайский государственный и дипломатический деятель, активный политик Китайской Республики в период правления Гоминьдана. В 1931–1933 гг. занимал пост министра иностранных дел Китайской Республики. Ло Вэньган отличался твёрдой антияпонской позицией и выступал за жёсткое противодействие японской агрессии в Китае, в частности, после захвата Японией северо-восточных провинций страны в 1931 г. В период его руководства внешней политикой Китай активно искал международную поддержку для противостояния Японии и пытался укрепить связи с западными державами, включая США, Великобританию и Францию. После ухода Ло Вэньгана с поста министра иностранных дел на смену ему пришли политики, более склонные к компромиссам с Японией, что повлияло на внешнеполитический курс правительства Гоминьдана в середине 1930-х гг. Ло Вэньган также принимал участие в дипломатических переговорах по вопросам китайско-советских отношений, однако его твёрдая позиция по отношению к Японии и стремление к самостоятельной и активной внешней политике нередко вступали в противоречие с более осторожной стратегией Чан Кайши.

¹⁴⁵ Сун Цзывэнь (宋子文) (1894–1911) – китайский государственный и политический деятель, дипломат и предприниматель. Сун Цзывэнь родился в семье методистского миссионера и бизнесмена Чарли Суна. Три его сестры, известные как сёстры Сун, в дальнейшем вышли замуж за крупных китайских политиков: Сун Мэйлин стала женой Чан Кайши, Сун Цинлин – Сунь Ятсена, Сун Айлин – Кун Сянси.

¹⁴⁶ Ван Цзинвэй (汪精卫), настоящее имя Ван Чжаоин (1883–1944), – видный политический деятель, ветеран революционного движения во главе с Сунь Ятсеном, один из лидеров левого крыла партии Гоминьдан, соратник и соперник Чан Кайши в борьбе за власть в партии и государстве. В 1925–1926 гг. – председатель национального правительства в Гуанчжоу, в результате военного переворота в 1927 г. непродолжительное время стоял во главе правительства в Ухане. В 1932–1935 гг. – председатель Исполнительного юаня (правительства) Китайской Республики. Будучи прояпонски настроенным политиком, в разгар войны сопротивления Японии в конце 1930-х гг. Ван Цзинвэй встал на сторону агрессора, с 1940 по 1944 г. являлся «первым Президентом Китайской Республики», возглавляя коллаборационистское правительство в оккупированном японцами Нанкине. Умер в Японии. Считается в Китае изменником родины.

письме Ху Ши (胡适) ¹⁴⁷ утверждал, что Китай неизбежно проиграет войну, и единственным выходом является дипломатическое урегулирование и выигрыш времени для внутреннего развития ¹⁴⁸. Чан Кайши также размышлял о необходимости «воспользоваться возможностью взаимопонимания с японцами, чтобы продвинуть японо-русский конфликт» ¹⁴⁹. Таким образом, китайская политика в отношении СССР часто была подчинена тактике в отношении Японии.

СССР, в свою очередь, стремясь избежать войны на два фронта, продолжал идти на уступки Японии. Ярким примером стала продажа в 1935 г. прав на Китайско-Восточную железную дорогу марионеточному государству Маньчжоу-го, что было серьёзным ударом по суверенным правам Китая и нанесло ущерб китайско-советским отношениям ¹⁵⁰.

¹⁴⁷ Ху Ши (胡适) (1891–1962) – выдающийся китайский мыслитель, философ, литературный критик и политический деятель первой половины XX в. Один из ведущих учеников и последователей Джона Дьюи, Ху Ши сыграл ключевую роль в модернизации китайской литературы и языка. Он активно выступал за реформу письменного китайского языка, продвигая упрощённый разговорный язык (байхуа) в качестве основного средства письменного выражения, что способствовало переходу Китая от классической традиции к современной литературе и науке. Ху Ши также занимался исследованиями в области философии, истории и педагогики, являясь сторонником прагматизма. В политической сфере Ху Ши принимал участие в национальном движении за модернизацию Китая, занимал дипломатические посты: с 1938 по 1942 гг. был послом Китайской Республики в США. Его деятельность способствовала укреплению связей Китая с западными странами, особенно в период Второй мировой войны. Ху Ши считается одним из ключевых представителей культурного и интеллектуального возрождения Китая XX в., его идеи оказали значительное влияние на формирование современной китайской философии, литературы и образовательной системы.

¹⁴⁸ 胡适来往书信选 (第二册) [Избранная переписка Ху Ши. Т.2.]. 北京: 中国社会科学文献出版社. 2013. С. 561.

¹⁴⁹ 蒋介石日记 [Дневник Чан Кайши, 27 ноября 1933 г].

¹⁵⁰ Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. III. Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931 г.-сентябрь 1937 г. // ред. С.Л. Тихвинский. М.: 2010. С.410.

После Сианьского инцидента в декабре 1936 г. и начала второго объединенного фронта между Гоминьданом и КПК в 1937 г.¹⁵¹, ситуация изменилась. СССР, увидев в Китае реальную силу для сопротивления Японии¹⁵², решил активизировать поддержку китайского сопротивления. Политика союза с СССР против Японии стала для Нанкина необходимостью¹⁵³. Однако, как точно отметил советский дипломат А.М. Ледовский, между сторонами существовало принципиальное противоречие: «Китайская сторона всячески добивалась того, чтобы вовлечь СССР в войну с Японией. СССР же, помогая Китаю, избегал прямого столкновения с Японией, более всего опасаясь войны на два фронта»¹⁵⁴.

Улучшение отношений между Чан Кайши и СССР наглядно проявилось в разрешении советской стороны на возвращение в Китай его старшего сына – Цзян Цзинго(蒋经国). 25 октября 1925 г. Цзян Цзинго, старший сын Чан Кайши, отправился из Шанхая на советском грузовом судне в Москву для обучения в Университете имени Сунь Ятсена¹⁵⁵. Это происходило в период «Великой революции», когда существовало сотрудничество между Гоминьданом и КПК, а отношения Чан Кайши с Советским Союзом оставались относительно дружественными. Однако после того, как в 1927 г. Чан Кайши совершил «переворот 12 апреля», развернув открытую антикоммунистическую кампанию и

¹⁵¹ АВПРФ. Ф. 100. Оп. 21. Д. 11. П. 187. Л. 1-14.

¹⁵² *Мамаева Н.Л.* советско-китайские отношения и коминтерн в период обострения международной обстановки (1931-1937)//Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. №4 (62).С. 5.

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 115.

¹⁵⁴ *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая: документы и свидетельства участника событий: 1937- 1952. М., 1999. С. 248.

¹⁵⁵ *Ларин.А.Г, Лукин.А.В.,* Жизнь Цзян Цзинго в СССР и становление его мировоззрения // Общество и государство в Китае. 2023. №43.С.298.

«чистку партии», его отношения с СССР резко ухудшились, а личное положение Цзян Цзинго стало крайне сложным и опасным.

Вскоре после этих событий Цзян Цзинго на студенческом собрании в Университете имени Сунь Ятсена публично осудил своего отца Чан Кайши, заявив: «Он встал на путь контрреволюции, а контрреволюционеры – наши враги!» Вслед за этим Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС) опубликовало «Суровое заявление»¹⁵⁶ Цзян Цзинго, в котором он открыто отмежевался от отца. Этот шаг был не только актом самосохранения в условиях политического давления в СССР, но и отражением стремительного ухудшения советско-китайских отношений после раскола между Гоминьданом и КПК. В последующие почти десять лет Цзян Цзинго в СССР прошёл через политические проверки, работу на заводах и низовые должности; его личная судьба оказалась тесно переплетена с колебаниями в отношениях между Чан Кайши и Советским Союзом.

12 декабря 1932 г. Китай и СССР объявили в Женеве о восстановлении дипломатических отношений¹⁵⁷. Казалось, в двусторонних отношениях забрезжил рассвет оттепели, однако на практике в последующие годы различные препятствия удерживали их в состоянии застоя. Длительное пребывание Цзян Цзинго в СССР оставалось для Чан Кайши постоянным источником тревоги. В октябре 1934 г. известный учёный, профессор Университета Цинхуа Цзян Тинфу отправился в СССР с ознакомительной поездкой. Перед отъездом Чан Кайши поручил ему

¹⁵⁶ *Шэн Юэ*. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания / Пер. с англ. Л. И. Головачёвой и В. Ц. Головачёва. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2009. С.139.

¹⁵⁷ *Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В.* История внешней политики Японии 1868-2018 гг. М.: 2019. С.109.

«изучить ситуацию в СССР» и «прощупать возможность сотрудничества между Китаем и СССР»¹⁵⁸. Супруга Чан Кайши, Сун Мэйлин, специально передала Цзян Тинфу пожелание Чан Кайши о возвращении его старшего сына Цзян Цзинго на родину. Прибыв в СССР, Цзян Тинфу незамедлительно поставил перед советской стороной вопрос о репатриации Цзян Цзинго. Советская сторона сочла это дело сложным, но пообещала попытаться содействовать¹⁵⁹. Эти зондирующие контакты отражали тонкое состояние двусторонних отношений того времени: хотя под влиянием японской агрессии против Китая наметилось некоторое потепление, обе стороны по-прежнему испытывали дефицит взаимного доверия.

Согласно автобиографии Цзян Цзинго, советские власти всячески препятствовали его возвращению, требуя от него даже написать письмо, подтверждающее его нежелание покидать СССР. Впоследствии, когда дипломаты посольства Китая в СССР запросили встречу с Цзян Цзинго, советская сторона установила за ходом беседы жёсткий контроль, не позволявший ему даже намекнуть о желании вернуться¹⁶⁰. Эта попытка Чан Кайши добиться возвращения сына окончилась безрезультатно. В своём дневнике Чан Кайши оставил запись, в которой отметил: «Получил известие, что Цзинго не желает возвращаться. Понял, что коварство и притворство русских все еще не иссякли. Должен оставаться спокойным и невозмутимым, не поддаваясь сомнениям. В этом

¹⁵⁸ 蒋廷黻回忆录[Мемуары Цзян Тинфу]. 台北：传记文学出版社. 1979. С.152.

¹⁵⁹ 蒋廷黻回忆录[Мемуары Цзян Тинфу]台北：传记文学出版社. 1979. С. 153.

¹⁶⁰ 蒋经国回忆录[Мемуары Чан Цзинго]上海：东方出版社. 2011. С. 48.

семейном горе могу лишь улыбнуться – это, пожалуй, можно считать моим прогрессом»¹⁶¹.

В январе 1936 г., под давлением главы делегации КПК в Коминтерне Ван Мина, Цзян Цзинго опубликовал в газете «Правда» «Письмо к матери». В этом письме он подверг Чан Кайши уничтожающей критике, называя его «тупицей», «милитаристом», «палачом китайской революции», «лакеем империализма», «лидером предательского правительства, позорящего страну», «врагом китайского народа»¹⁶². Подобная беспрецедентная по резкости риторика отражала не только враждебное отношение делегации КПК в Коминтерне к Чан Кайши, но и со всей остротой высвечивала тяжелое положение Цзян Цзинго, вынужденного существовать в политическом противостоянии.

Однако всего через год международная и внутривосточная ситуация кардинально изменилась. Мирное разрешение Сианьского инцидента в конце 1936 г. привело к формированию второго единого фронта Гоминьдана и КПК, ознаменовав переход Китая от гражданской войны к объединению против японской агрессии. Одновременно Советский Союз, столкнувшись с растущей угрозой японской агрессии на Дальнем Востоке, скорректировал свою политику: от поддержки исключительно коммунистической революции в Китае он перешёл к курсу на создание единого антияпонского фронта с правительством Гоминьдана. В этих условиях И.В. Сталин лично принял решение разрешить Цзян Цзинго вернуться на родину, используя этот жест доброй воли для улучшения отношений

¹⁶¹ 蒋介石日记.1934年12月14日 [Дневник Чан Кайши, 14 декабря 1934 г.].

¹⁶² *Denny H. Son Repudiates Chiang Kai-Shek* // *The New York Times*. February 12, 1936. p. 12.

с Чан Кайши и перехода от конфронтации к сотрудничеству¹⁶³. В феврале 1937 г. И.В. Сталин принял Цзян Цзинго и четко сформулировал его задачу по возвращении: поступить на службу в правительство Национального правительства и способствовать «повороту влево» своего отца Чан Кайши, его сотрудничеству с КПК и СССР¹⁶⁴. Этот шаг наглядно продемонстрировал, что личная судьба Цзян Цзинго была включена в стратегическую канву советской дипломатии в Китае и стала важным инструментом улучшения отношений между Чан Кайши и Советским Союзом.

В марте 1937 г. Цзян Цзинго вместе с семьей в сопровождении представителя КПК в Коминтерне Кан Шэна отправился поездом через Владивосток на родину¹⁶⁵. В ответ Чан Кайши также предпринял практические шаги, подтвердив свою приверженность сотрудничеству с КПК и освободив арестованного ранее в Шанхае руководителя советской резидентуры. Этот обмен действиями свидетельствует о том, что возвращение Цзян Цзинго было не просто семейным воссоединением, а символическим событием, знаменовавшим политический обмен между Китаем и СССР в контексте антияпонской борьбы.

Чан Кайши с нетерпением ждал возвращения старшего сына. 17 марта 1937 г., узнав, что Цзян Цзинго может вернуться на родину, он, не скрывая радости, записал в дневнике: «Известие о возвращении Цзинго принесло утешение. После десяти лет тяжелой борьбы наконец забрезжил свет и для государства, и для семьи»¹⁶⁶. В этих

¹⁶³ АПРФ. Ф. 3, ОП. 68, Д. 146. Л. 15.

¹⁶⁴ 蒋经国回忆录[Мемуары Чан Цзинго]上海: 东方出版. 2011.С. 65.

¹⁶⁵ Ларин.А.Г, Лукин.А.В., Жизнь Цзян Цзинго в СССР и становление его мировоззрения // Общество и государство в Китае. 2023. №43. С.329.

¹⁶⁶ 蒋介石日记.1937年3月17日 [Дневник Чан Кайши, 17 марта 1937 г.]

немногих словах проявились и надежда на скорую встречу с сыном, и чаяния, связанные с будущим страны. 6 апреля Чан Кайши получил первую телеграмму от Цзян Цзинго, отправленную во время пути из Владивостока, и с радостью отметил в дневнике: «Это первая телеграмма от Цзинго, отправленная из Владивостока. В душе моей тайная радость». Четыре дня спустя, 12 апреля, узнав, что сын уже отплыл на пароходе, Чан Кайши вновь выразил радость в дневнике: «Сегодня Цзинго отплыл из Владивостока на родину – в душе моей тайное утешение»¹⁶⁷.

Разрешение на возвращение Цзян Цзинго из СССР стало важным рубежом, ознаменовавшим переход советско-китайских отношений от длительной конфронтации к ограниченному сотрудничеству. Оно было одновременно и жестом доброй воли со стороны Советского Союза по отношению к Чан Кайши, и символическим ответом Чан Кайши, корректировавшего свою политику в сторону сближения с СССР для совместной борьбы с Японией. Данное событие, будучи значимым в личной, семейной жизни Чан Кайши, представляет собой ключевой узел, позволяющий призматически рассмотреть тонкие нюансы взаимоотношений Чан Кайши с Советским Союзом в 1930-е гг.

Таким образом, переход Чан Кайши с платформы «защиты нации» на позиции взаимного дипломатического признания с Советским Союзом представлял собой сложный и противоречивый процесс, обусловленный как эволюцией международной обстановки, так и трансформацией внутривластных приоритетов китайского руководства. Первоначальная

¹⁶⁷ 蒋介石日记.1937年4月12日 [Дневник Чан Кайши, 2 апреля 1937 г.]

стратегия Чан Кайши, основанная на антикоммунизме и антисоветизме, а также на концепции «умиротворения внешней агрессии прежде внутренней безопасности», после оккупации Маньчжурии в 1931 г. вступила в противоречие с объективной необходимостью противодействия японской экспансии. Разочарование в политике западных держав, проводивших курс умиротворения Японии, и осознание общей с СССР угрозы со стороны Токио подтолкнули Нанкин к зондированию возможности восстановления отношений с Москвой. Однако вплоть до конца 1936 г. политика Чан Кайши в отношении СССР сохраняла двойственный характер: с одной стороны, он стремился использовать дипломатическое сближение как инструмент сдерживания Японии, с другой – продолжал рассматривать СССР как идеологического противника и источник поддержки китайской компартии, что нашло отражение в его формуле «сначала уничтожить красных, потом контролировать Россию и сдерживать Японию»¹⁶⁸.

Переломным моментом стал Сианьский инцидент (декабрь 1936 г.), продемонстрировавший невозможность дальнейшего игнорирования требований антияпонского объединения и приведший к формированию второго единого фронта Гоминьдана и КПК (1937 г.). Это событие создало предпосылки для пересмотра советской политики в отношении Китая: Москва, усмотрев в Китае реальную силу для сопротивления Японии, активизировала поддержку китайского правительства. В результате к середине 1937 г. стратегическое сближение двух

¹⁶⁸ 〈一般資料—民國二十二年（二十二）〉，《蔣中正總統文物》，國史館藏，數位典藏號：002-080200-00092-159[Общие материалы – 22-й год Республики (22)] . Президентские архивы Чан Кайши. Государственный исторический архив (Тайбэй). Цифровой архивный номер: 002-080200-00092-159].

стран стало объективной необходимостью, обусловленной совпадением их ключевых интересов в сдерживании японской агрессии. Вместе с тем, как справедливо отмечает А.М. Ледовский, уже на начальном этапе сотрудничества проявилось принципиальное противоречие: Чан Кайши стремился втянуть СССР в прямой военный конфликт с Японией, тогда как советское руководство, помогая Китаю, последовательно избегало полномасштабного столкновения на Дальнем Востоке, стремясь не допустить войны на два фронта. Это противоречие, заложенное в самой природе асимметричного взаимодействия двух государств, в дальнейшем предопределило как масштабы, так и пределы их военно-политического сотрудничества в годы антияпонской войны.

2.2 Подписание китайско-советского пакта о ненападении (21 августа 1937 г.)

– начало нового этапа советско-китайских отношений

Переговоры между Китаем и Советским Союзом о заключении договора о ненападении можно разделить на два основных периода и четыре этапа. Первый период охватывает время с 1932 г. до Сианьского инцидента в конце 1936 г.; второй – с конца 1936 г. до подписания договора 21 августа 1937 г.¹⁶⁹. Конкретная хронология переговоров включает следующие этапы: 1) июнь-декабрь 1932 г. – параллельное ведение переговоров о договоре о ненападении и о восстановлении дипломатических отношений; 2) апрель-октябрь 1933 г. – первые после

¹⁶⁹ 陈开科. 中苏外交战略协调背景下的苏联援华航空志愿队 [Чэнь Кайкэ. Советский авиационный добровольческий корпус для Китая в контексте китайско-советской дипломатической стратегической координации] // 抗日战争研究, 2015 年第 4 期. С. 59.

восстановления дипломатических отношений переговоры о договоре о ненападении; 3) октябрь 1933 г. – декабрь 1936 г. – приостановление переговоров по договору о ненападении, в течение которого Советский Союз выступал за заключение четырёхстороннего договора о ненападении между Китаем, СССР, США и Японией, в то время как Китай настаивал на двустороннем договоре о взаимопомощи; 4) март-август 1937 г. – переговоры о «Тихоокеанском пакте» (региональном многостороннем договоре о взаимопомощи) и о двустороннем договоре о ненападении¹⁷⁰.

В апреле 1933 г., спустя четыре месяца после восстановления дипломатических отношений, в Нанкин прибыл новый полномочный представитель СССР в Китае Д.В. Богомолов, что ознаменовало возобновление переговоров по договору о ненападении¹⁷¹. 11 мая министр иностранных дел Китая Ло Вэньгань (罗文干) вручил Д.В. Богомолову подготовленный китайской стороной проект договора. Помимо стандартных положений, он содержал специальную статью, требующую от Советского Союза не признавать «состояние, сложившееся в результате японской агрессии против Китая», то есть не признавать Маньчжоу-го¹⁷². В ответ 13 октября Богомолов передал китайской стороне советский проект договора, который предусматривал: обязательство сохранять нейтралитет в случае агрессии третьей стороны; отказ от любых форм агрессии друг против друга; обязательство не заключать с третьими странами соглашений,

¹⁷⁰ 张毅.中苏互不侵犯条约谈判与 1932–1937 年的中苏关系[Чжан И. Переговоры по китайско-советскому договору о ненападении и китайско-советские отношения в 1932-1937 гг]//近代史研究,2016 年第 2 期. С. 27.

¹⁷¹ АВП РФ. Ф. 08. Оп. 16. 11. 156. Д. 47. Л. 64–65.

¹⁷² АВП РФ. Ф. 08. Оп. 16. П. 156. Д. 48. Л. 5.

направленных против другой стороны, в том числе предусматривающих экономическую или финансовую блокаду; недопущение на своей территории организаций, ведущих вооружённую борьбу против другой стороны; разрешение споров исключительно мирными средствами¹⁷³.

Сравнение проектов показывает, что общей целью сторон было стремление изолировать Японию и предотвратить её союз с другой стороной. Однако взаимное недоверие и принципиальные разногласия оставались существенными. Китайский проект требовал невмешательства во внутренние дела, что подразумевало отказ СССР от вмешательства в дела Синьцзяна и Внешней Монголии, а также прекращение поддержки Коммунистической партии Китая. Требование не признавать «сложившееся в результате агрессии положение» было направлено против признания Маньчжоу-го. Поскольку позиции сторон значительно расходились, переговоры затягивались, и в 1933 г. они не привели к конкретным результатам¹⁷⁴.

На фоне переговоров китайско-японские отношения продолжали обостряться. После оккупации северо-восточных районов Китая Япония в феврале 1933 г. начала наступление на Северный Китай. Несмотря на это, правительство Чан Кайши отказалось от политики уступок, и китайские войска нанесли японским силам ощутимые удары¹⁷⁵. В то же время проект договора о коллективной

¹⁷³ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 18. П. 180. Д. 9. Л. 24-28.

¹⁷⁴ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.3. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. С.331-336.

¹⁷⁵ 李凡. 三十年代日本侵华与中日苏三国关系变化[*Ли Фань. Японское вторжение в Китай в 1930-х годах и изменения в отношениях между Китаем, Японией и Советским Союзом*]. 南开学报, 2004, (04). 第 19 页.

безопасности в Тихоокеанском регионе, предложенный СССР и США, оказался нереализуемым. Поскольку Лига Наций и западные державы не проявляли готовности вмешаться в китайско-японский конфликт, правительство Чан Кайши стало уделять больше внимания улучшению отношений с СССР¹⁷⁶.

В августе 1934 г. Чан Кайши направил в СССР своего доверенного представителя Цзян Тинфу с целью изучения ситуации и выяснения возможностей усиления сотрудничества в сопротивлении японской агрессии. Чтобы продемонстрировать доверие советской стороне, Чан Кайши лично проинформировал Богомолова о миссии Цзян Тинфу¹⁷⁷. В Москве Цзян Тинфу провёл переговоры с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР Б.С. Стомоняковым, в ходе которых выяснил заинтересованность СССР в укреплении отношений с Китаем, а также опасения Москвы относительно готовности Китая к сближению¹⁷⁸.

18 октября 1935 г. Чан Кайши принял Богомолова в Нанкине, где выразил уверенность в отсутствии у СССР намерений захватить Синьцзян, поддержал заключение торгового соглашения и договора о ненападении и подчеркнул важность подписания содержательного соглашения, способствующего сближению двух стран и обеспечению мира на Дальнем Востоке¹⁷⁹. Советская сторона оперативно отреагировала, выразив готовность к предметным переговорам. Одной

¹⁷⁶ 鹿锡俊. 蒋介石的中日苏关系与“制俄攘日”构想—兼论蒋汪分歧的一个重要侧面（1933-1934）[Лу Сицзюнь. Китайско-японско-советские отношения Чан Кайши и идея "контролировать России и преследования Японии" - эссе о важной стороне разногласий между Чан Кайши и Ван Цзинвэем (1933-1934)]//近代史研究, 2003 年第 4 期. С. 55.

¹⁷⁷ 蒋廷黻回忆录[Мемуары Цзян Тинфу]. 台北: 传记文学出版社. 1979. С.152.

¹⁷⁸ Там же. С.154.

¹⁷⁹ Там же. С.163.

из причин такой позиции СССР стала озабоченность в связи с «тремя принципами» японской политики в отношении Китая, выдвинутыми в октябре 1935 г., которые предусматривали китайско-японское сотрудничество против коммунизма и были направлены против СССР¹⁸⁰.

В ноябре 1935 г. Цзян Тинфу, вернувшись из Европы, был назначен начальником Департамента государственных дел при Исполнительном юане и получил от Чан Кайши поручение поддерживать тесные контакты с советским посольством¹⁸¹. В июне 1936 г. Чан Кайши лично предложил кандидатуру Цзян Тинфу на пост посла Китая в СССР¹⁸². Это назначение отражало расчёты китайской стороны на возможность совместных действий с СССР против Японии.

Однако 12 марта 1936 г. подписание «Советско-монгольского договора о взаимопомощи» вызвало резкое недовольство китайского правительства и официальный протест¹⁸³. Параллельно переговоры Китая с Японией по «трём принципам Хироты» породили у СССР сомнения в антияпонской позиции правительства Чан Кайши, что вновь заморозило советско-китайские переговоры.

Сианьский инцидент 12 декабря 1936 г. стал переломным моментом. Москва поддержала Нанкин и через Коминтерн оказала давление на КПК, способствуя мирному урегулированию кризиса. После возвращения в Нанкин Чан Кайши начал

¹⁸⁰ 鹿锡俊. 蒋介石的“制俄攘日”构想(一)[Лу Сицзюнь. Стратегия Чан Кайши «Сдерживать Россию и отразить Японию» (Часть I)]. 历史教学, 2003, (11): 78-79.

¹⁸¹ 蒋廷黻回忆录[Мемуары Цзян Тинфу]. 台北: 传记文学出版社. 1979. С.172.

¹⁸² Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.3. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. С.613-614.

¹⁸³ 李凡. 三十年代日本侵华与中日苏三国关系变化[Ли Фань. Японское вторжение в Китай в 1930-х годах и изменения в отношениях между Китаем, Японией и Советским Союзом]. 南开学报, 2004, (04). С. 21.

выполнение данных обещаний о прекращении гражданской войны и совместном сопротивлении Японии, что создало предпосылки для возобновления переговоров с СССР¹⁸⁴.

В ответ СССР скорректировал свою политику в отношении Китая. 8 марта 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) уполномочило Д. В. Богомолова возобновить переговоры о договоре о ненападении¹⁸⁵. Вернувшись в Китай 16 марта, Богомолов провёл встречи с Кун Сянси и Чэнь Лифу (陈立夫)¹⁸⁶, а 12 апреля обсудил с Ван Чунхуэем (王宠惠) вопросы заключения договора¹⁸⁷.

Несмотря на это, расхождения в целях сторон сохранялись: Чан Кайши стремился к заключению договора о взаимопомощи, рассчитывая на военную и экономическую поддержку СССР, тогда как Советский Союз настаивал на договоре о ненападении. Это привело к затягиванию переговоров. Чан Кайши

184 Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.3. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. С.629-630.

185 Там же. С.633-640.

186 Чэнь Лифу (陈立夫) (1900–2001) был одним из самых влиятельных китайских политиков XX века, ключевой фигурой в правящей партии Гоминьдан (Куоминьтан) и идеологом консервативного крыла Республики Китай. Вместе со своим старшим братом Чэнь Гофу (陈果夫) они образовали знаменитый политический клан, известный как «СС – клан Чэней», который доминировал в партийной системе Гоминьдана в 1930–1940-х гг.

187 Ван Чунхуэй (王宠惠) (1881–1958) – политический деятель, дипломат, юрист, журналист, переводчик в Китайской Республике и затем на Тайване. Судья Постоянной палаты международного правосудия при Лиге Наций. В 1931 г. назначается судьёй Постоянной палаты международного правосудия, одновременно выполняя дипломатические поручения Чан Кайши. В феврале 1935 г. отправился в Японию как личный представитель президента Китайской Республики для обсуждения вопросов китайско-японского сотрудничества. По результатам визита Ван доложил Чан Кайши о сохранении антикитайской направленности внешней политики Японии. В 1936 г. сложил полномочия судьи и вернулся в Нанкин. В феврале 1937 г. принимал активное участие в работе III пленума Гоминьдана, где речь шла о политике в отношении Японии. В манифесте, составлением которого руководил Ван Чунхуэй, Гоминьдан впервые высказался за сопротивление Японии. В том же году была проведена реорганизация нанкинского правительства и Ван, который был сторонником жёсткой политики в отношении Японии, был назначен министром иностранных дел.

опасался, что заключение договора с СССР спровоцирует Японию, и проводил осторожную дипломатию, балансируя между улучшением отношений с СССР и переговорами с Японией.

До инцидента на Лугоуцяо 7 июля 1937 г. договор так и не был подписан. Проблемы, связанные с КПК, Внешней Монголией, Синьцзяном и КВЖД, оставались нерешёнными, что мешало закреплению советско-китайских отношений в договорной форме¹⁸⁸.

После начала полномасштабной войны с Японией Чан Кайши, столкнувшись с острой нехваткой вооружений, принял решение подписать с СССР договор о ненападении. 8 августа 1937 г. он уполномочил Сунь Фо и Ван Чунхуэя начать переговоры с Богомоловым о военной помощи¹⁸⁹. Однако советская сторона рассматривала предложение о договоре о взаимопомощи как проявление растерянности Китая и настаивала на договоре о ненападении, аргументируя это необходимостью гарантий того, что советское вооружение не будет использовано против СССР¹⁹⁰. Нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов указывал, что договор о взаимопомощи означал бы немедленное объявление войны Японии¹⁹¹.

4 августа стороны приступили к обсуждению конкретных положений договора. Советский проект включал два основных пункта: обязательство о

¹⁸⁸ 秦孝仪. 中华民国重要史料初编--对日抗战时期第三编--战时外交 (二) [Цинь Сяои. Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики: Период сопротивления Японии (часть III) -- Дипломатия военного времени (II)]. 台北: “国史馆”, 1981. С. 325.

¹⁸⁹ Сообщение Полномочного представителя СССР в Китае в МИД СССР о беседе с Чэнь Лифу. Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 20: 01 января – 31 декабря 1938. М.: 1977. С. 354.

¹⁹⁰ Там же. С. 430.

¹⁹¹ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы. М.: 2000. Т. 3. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. С. 662.

ненападении и обязательство не оказывать помощь агрессору. Китайская сторона настаивала на включении дополнительных положений: о взаимном признании территориальной целостности, невмешательстве во внутренние дела и сохранении силы всех ранее заключённых договоров¹⁹².

В результате компромисса китайская сторона приняла советский проект, а СССР согласился признать сюзеренитет Китая над Внешней Монголией. Кроме того, стороны обменялись секретными устными заявлениями: СССР обязался не заключать договоров с Японией до нормализации китайско-японских отношений, а Китай – не вступать в антисоветские союзы с третьими странами¹⁹³.

21 августа 1937 г. Договор о ненападении между СССР и Китаем был официально подписан и вскоре ратифицирован. Начались поставки советских военных материалов в Китай, что оказало значительную поддержку в сопротивлении японской агрессии¹⁹⁴.

Обе стороны избегали публичной огласки договора, чтобы не провоцировать Японию, что создавало впечатление его незначительности. Однако договор имел важное значение: он косвенно осуждал японскую агрессию, закладывал правовую основу советско-китайских отношений, сорвал попытки Японии рассорить СССР и Китай и способствовал формированию квазисоюза между двумя странами.

¹⁹² Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.3. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. С.665.

¹⁹³ 〈領袖指示補編 (十二)〉, 《蔣中正總統文物》, 國史館藏, 數位典藏號: 002-090106-00012-256[Дополнительный сборник указаний лидера (12)]. Президентские архивы Чан Кайши. Государственный исторический архив (Тайбэй). Цифровой архивный номер: 002-090106-00012-256].

¹⁹⁴ Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов / отв.ред. И. Ф. Курдюков и др. М.: 1959. С.161.

Для Китая договор означал отказ от антисоветской и антикоммунистической политики и переход к сопротивлению агрессии. СССР последовательно требовал от Чан Кайши отказа от союза с Японией и прекращения гражданской войны как условия подписания договора. Чан Кайши выполнил эти условия, что способствовало сохранению единого фронта с КПК в течение всей войны с Японией.

Договор также создал политическую основу для советской военной помощи Китаю. Впоследствии СССР предоставил Китаю три кредитных займа на общую сумму 250 млн долларов, что обеспечило значительные материальные ресурсы для ведения войны¹⁹⁵.

Подписание 21 августа 1937 г. советско-китайского пакта о ненападении явилось закономерным итогом сложного и многоэтапного переговорного процесса, отразившего как глубинные противоречия, так и объективную потребность двух стран в координации усилий перед лицом общей японской угрозы. Анализ переговорной динамики позволяет сделать ряд принципиальных выводов.

Во-первых, вся история пятилетних переговоров (1932–1937 гг.) убедительно демонстрирует, что главным препятствием на пути к соглашению выступал не столько вопрос о формате договора (многосторонний или двусторонний), сколько комплекс взаимного недоверия, унаследованный от предшествующего десятилетия конфронтации. Китайская сторона, стремясь использовать договор для вовлечения СССР в прямое столкновение с Японией и одновременно пытаясь заручиться гарантиями невмешательства Москвы во внутренние дела (вопросы КПК, Внешней

¹⁹⁵ СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М.: 2010. С. 73–74.

Монголии, Синьцзяна и КВЖД), неизменно настаивала на максимально широких обязательствах. Советский Союз, руководствуясь задачей избежать войны на два фронта и сохранить стратегическую автономию, последовательно ограничивал формат взаимодействия рамками классического пакта о ненападении, исключая автоматическое вовлечение в конфликт.

Во-вторых, принципиальное изменение позиций сторон стало возможным лишь под воздействием внешнего катализатора – полномасштабного японского вторжения в июле 1937 г. Именно осознание Чан Кайши критической нехватки ресурсов для ведения войны и невозможности получения адекватной помощи от западных держав заставило его отказаться от завышенных требований и принять советские условия. Для Москвы, в свою очередь, ключевым фактором стала готовность Нанкина к практическому сотрудничеству с КПК в рамках второго единого фронта, что снимало прежние подозрения относительно возможного использования советской помощи против коммунистов.

В-третьих, несмотря на ограниченный характер обязательств (стороны обязывались лишь к взаимному ненападению и неоказанию помощи агрессору), пакт объективно сыграл роль политического фундамента для последующего квазисоюзнического взаимодействия. Он не только создал правовую базу для беспрецедентной по масштабам советской военно-экономической помощи Китаю, но и способствовал международной изоляции Японии, продемонстрировав невозможность её сговора с СССР против Китая.

Наконец, принципиальное значение имели секретные устные договорённости, сопровождавшие подписание пакта: обязательство СССР не

заключать соглашений с Японией до нормализации китайско-японских отношений и встречное обязательство Китая не присоединяться к антисоветским союзам. Эти неформальные договорённости, выходя за рамки формального текста, фактически заложили основы долгосрочной стратегической координации, предопределившей как масштабы сотрудничества в 1937–1941 гг., так и его неизбежные пределы, обусловленные сохранением асимметрии интересов и взаимного недоверия.

Таким образом, пакт о ненападении 1937 г. следует рассматривать не как изолированный дипломатический акт, а как важнейший структурный элемент формировавшейся модели асимметричного динамического альянса, в рамках которой временное совпадение стратегических интересов позволило сторонам на определённом этапе преодолеть идеологические и политические барьеры и перейти к практическому военному сотрудничеству, что в конечном счёте сыграло значительную роль в срыве японских планов молниеносной войны и создании предпосылок для последующего вовлечения СССР в решение дальневосточных проблем на завершающем этапе Второй мировой войны.

2.3 «Просоветская» фракция в окружении Чан Кайши

Антияпонская война представляла собой не только всеобщее национальное сопротивление китайского народа внешней агрессии, но и стала важнейшим рубежом формирования многоуровневой системы политического, военного и дипломатического взаимодействия Китая с внешним миром. После инцидента 7 июля 1937 г. ограниченность внутренних ресурсов вынудила Нанкинское

правительство активизировать поиск внешней поддержки. В этом контексте Советский Союз стал первым государством, предоставившим Китаю масштабную помощь, что обозначило начало качественно нового этапа в советско-китайских отношениях.

С точки зрения теории динамических союзов, сближение между Китаем и СССР в данный период можно рассматривать как формирование асимметричного, но взаимовыгодного стратегического альянса, обусловленного совпадением краткосрочных интересов обеих сторон – в частности, сдерживанием японской экспансии и поддержанием регионального баланса сил. Внутри Гоминьдана под влиянием этой внешнеполитической конъюнктуры постепенно оформилась группа «просоветски» ориентированных деятелей, рассматривавших сотрудничество с Москвой как необходимое условие повышения международного статуса Китая и обеспечения победы в войне.

Несмотря на то, что данная группа не обладала институциональным доминированием в партийных структурах, её деятельность заметно влияла на внешнеполитическую линию Чан Кайши, способствуя временному усилению прагматического сотрудничества с СССР. Таким образом, феномен «просоветской» ориентации внутри Гоминьдана можно интерпретировать как внутреннее проявление динамического адаптационного механизма, присущего системе временных союзов, формирующихся под воздействием внешней угрозы и изменяющихся в зависимости от стратегической среды.

Истоки просоветских настроений в Гоминьдане восходят к началу 1920-х гг., когда Сунь Ятсен принял помощь Советской России, положив начало Первому

союзу Гоминьдана и коммунистов. Тогда «левое» крыло Гоминьдана во главе с Ляо Чжункаем (廖仲恺)¹⁹⁶, Сун Цинлин (宋庆龄)¹⁹⁷ и другими деятелями поддерживало политику «объединения с Россией, сотрудничества с коммунистами и содействия рабочим и крестьянам», выступало за совместную антиимпериалистическую и антифеодальную революцию. После японская агрессия усилилась, Нанкинское правительство оказалось дипломатически изолированным. СССР, как одно из немногих государств с чётко выраженной антияпонской позицией, вновь стал рассматриваться как потенциальный источник помощи, что способствовало распространению просоветских идей внутри Гоминьдана.

¹⁹⁶ Ляо Чжункай (廖仲恺) (1877–1925), китайский революционер-демократ, соратник Сунь Ятсена. В 1903 г. примкнул к революционному движению. В 1905 г. вступил в революционную организацию Тунмэнхой. Активный участник буржуазной Синьхайской революции (1911–1913). После её поражения эмигрировал в Японию, где был одним из руководителей китайской революционной партии Чжунхуа гэминдан. В 1917–1918 и 1921–1922 гг. входил в состав правительства Сунь Ятсена в городе Гуанчжоу. С февраля 1923 г. министр финансов гуандунского революционного правительства. Активно содействовал созданию в 1924 г. единого революционного фронта на основе сотрудничества Гоминьдана и компартии Китая. На 1-м съезде Гоминьдана в январе 1924 г. был избран членом ЦИК Гоминьдана и членом Постоянного комитета Гоминьдана. Руководил рабочим и крестьянами, отделами ЦИК Гоминьдана, был также губернатором провинции Гуандун. После смерти Сунь Ятсена (март 1925 г.) продолжал борьбу за осуществление его революционной программы. Выступал за дружбу с Советским Союзом. Был убит правыми гоминьдановцами, организовавшими на него покушение.

¹⁹⁷ Сун Цинлин (宋庆龄) (1893–1981), китайский государственный и общественный деятель. Вдова Сунь Ятсена. Получила образование в США. После контрреволюционного переворота Чан Кайши в 1927 г. выступила против реакционной политики гоминьдана. В 1927–1929 гг. была в СССР, Западной Европе и США. В 1932 г. явилась одним из организаторов Китайской лиги защиты прав человека. В период антияпонской войны (1937–1945) по её инициативе в 1938 г. была создана Лига защиты Китая. В 1949–1954 гг. – заместитель председателя Центрального народного правительственного совета КНР. В 1954–1959 гг. и с 1975 г. – заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. В 1959–1975 гг. – заместитель председателя КНР. С 1953 г. – почётный председатель Всекитайской федерации женщин. С 1954 г. – председатель общества китайско-советской дружбы. В 1950 г. избиралась членом Бюро Всемирного Совета Мира. Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» (1951).

С началом всеобщей войны в 1937 г. СССР быстро заключил с Китаем пакт о ненападении и предоставил кредиты, вооружение и добровольческий авиаотряд. Эта прямая военная помощь значительно усилила влияние просоветской группы. Наиболее ярким представителем просоветского крыла была Сун Цинлин – вдова Сунь Ятсена, с юности связанная с революционным движением. После распада Первого союза Гоминьдана и КПК она продолжала отстаивать идеи сотрудничества с СССР и КПК, посещала Советский Союз (1927 г.), активно участвовала в международном антивоенном движении, использовала свои международные контакты для пропаганды китайской борьбы против агрессии и содействия созданию широкой антияпонской и антифашистской коалиции. Хотя Сун Цинлин не занимала официального поста в правительстве, её «народная дипломатия» и авторитет служили важным каналом общения между Гоминьданом, КПК и СССР.

С усилением японской угрозы политика «сотрудничества с СССР» стала важным направлением внешней политики Нанкина. При том что общая линия определялась Чан Кайши, реализация просоветского курса находилась в руках таких деятелей, как Сун Фо, сына Сунь Ятсена. В октябре 1935 г. по его инициативе была создана Китайско-советская культурная ассоциация (中苏文化协会) с Сун Фо в качестве председателя и советским послом Д.В. Богомоловым в качестве заместителя¹⁹⁸. Эта полуправительственная структура ставила целью изучение и пропаганду советской культуры, организацию обменов учёными, лекций и

¹⁹⁸ Верченко, А. Л. Роль Сунь Кэ в советско-китайских отношениях накануне Второй мировой войны / А. Л. Верченко // Россия - Китай: история и культура : сборник статей и докладов участников VIII Международной научно-практической конференции. С. 50-56.

выставок, издание журналов, поддержку студенческих обменов и создание библиотек. Деятельность ассоциации способствовала формированию положительного образа СССР и общественной опоры для развития официальных связей¹⁹⁹.

Сун Фо поддерживал тесные личные контакты с советским послом, принимал участие в дипломатических мероприятиях, получал высокую оценку за усилия по укреплению дружбы. Вокруг него сформировался круг влиятельных сторонников просоветской политики, включая Ю Южэнь (于右任)²⁰⁰, Янь Хуэйцин (颜惠庆),

¹⁹⁹ 艾智科. 抗战时期的中苏文化协会[*Ай Чжикэ. Китайско-советское культурное объединение в годы войны*]//红岩春秋,2020(12):62-65.

²⁰⁰ Ю Южэнь (于右任) (1879–1964) – китайский политик, писатель, журналист, каллиграф. Во время Синьхайской революции вернулся в Китай. В 1912 г. вступил в правительство Сунь Ятсена в качестве министра транспорта и коммуникаций, но после захвата власти Юань Шикаем снова был вынужден скрываться. Однако уже в 1918 г. он возглавил в провинции Шэньси революционные войска. После их роспуска в 1922 г. вернулся в Шанхай, где вместе с Е Чуцином основал университет. С 1925 г. занимал ведущие должности в партии Гоминьдан. С 1927 г. он также занимал правительственные должности Китайской Республики. В дальнейшем Юй Южэнь отвечал в правительстве Чан Кайши за развитие культуры и искусства. Однако эта работа осложнилась вследствие начала войны с Японией, а впоследствии гражданской войны с Коммунистической партией Китая. После поражения Гоминьдана Юй Южэнь эмигрировал на Тайвань. Здесь он умер 10 ноября 1964 г. от пневмонии.

Чжан Чун (张冲)²⁰¹, Ян Цзе (杨杰)²⁰² и других, считавшихся влиятельной силой, выступавшей за дружественные отношения с СССР²⁰³.

После восстановления дипломатических отношений встал вопрос о систематическом изучении Советского Союза. Чжан Чун, член ЦИК Гоминьдана, сыграл ключевую роль в создании институциональной базы советоведческих исследований: в 1932 г. был основан Советско-русский исследовательский кружок (苏俄研究社), а в 1933 г. началось издание журнала «Китай и Советская Россия» («中国与苏俄»), публиковавшего материалы о советской политике, экономике, культуре, науке и вооружённых силах. В 1930-е гг. интерес к СССР достиг в Китае пика, образовав своеобразный «советский бум», что отражало не только

201 Чжан Чун (张冲) (1904–1941), первое имя – Чжан Чжэньчун, родился в уезде Нинсян провинции Хунань. В юности учился в Первом провинциальном педагогическом училище Хунани, в 1924 г. вступил в Гоминьдан, затем обучался в Московском университете Сунь Ятсена, где получил систематическую подготовку по марксизму и советской политической системе. После возвращения в Китай занимал должности в Центральном исполнительном комитете Гоминьдана и в отделе политической разведки (Чжунтун), длительное время руководил приёмом и проверкой китайских студентов, возвращавшихся из СССР, что позволило ему накопить значительные знания и связи, связанные с Советским Союзом. Его деятельность способствовала формированию в Гоминьдане положительного образа Советского Союза, популяризации опыта советского государственного строительства и улучшению двусторонних отношений. В начальный период антияпонской войны Чжан Чун сопровождал Ян Цзе в поездке в СССР, занимая пост заместителя руководителя китайской правительственной военной миссии, участвовал в переговорах о китайско-советском военном сотрудничестве. Впоследствии он продолжал продвигать просоветскую политику в центральных и военных структурах Гоминьдана и рассматривался как один из ведущих представителей и исполнителей «просоветской» линии. В 1941 г. Чжан Чун скончался от болезни в возрасте 37 лет. Его деятельность наглядно отражает усилия и практику просоветской группы внутри Гоминьдана в области научных исследований, пропаганды и реализации внешнеполитического курса.

202 Ян Цзе (杨杰) (1889–1949) – военный теоретик Китайской Республики. В сентябре 1937 г. Ян Цзе посетил Советский Союз в рамках промышленной экспедиции, чтобы получить советскую военную помощь. В мае 1938 г. он стал послом Китая в Советском Союзе, а в апреле 1940 г. ушел в отставку.

203 高华. 孙科与国民政府对苏外交 1932-1945[高华. Сунь Фо и дипломатия национального правительства с Советским Союзом 1932-1945]//南京大学学报.1998 年.第 2 期.С.78.

внешнеполитический расчёт, но и стремление заимствовать опыт советского государственного строительства.

Разочаровавшись в Лиге Наций и западных державах, Чан Кайши был вынужден скорректировать курс и рассмотреть возможность военно-политического союза с СССР.

Главными сторонниками китайско-советского военного сотрудничества были Ян Цзе и Фэн Юйсян (冯玉祥)²⁰⁴. В марте 1934 г. Ян Цзе посетил СССР, что стало первым прямым военным контактом после восстановления отношений; в августе 1937 г. он возглавил специальную военную делегацию в СССР. Ему было поручено добиться советского участия в войне или, как минимум, заключить договор о взаимопомощи и получить военную поддержку. Хотя СССР отказался вводить войска, Китай получил значительные поставки оружия и помощь советских военных специалистов. В 1938 г. Ян Цзе был назначен послом Китая в СССР и в этой должности активно работал над укреплением дружественных отношений, выступал в прессе с похвалой советских достижений и подчёркивал значение китайско-советской дружбы.

Деятельность «просоветской» фракции в окружении Чан Кайши представляла собой самостоятельное идейно-политическое течение внутри

²⁰⁴ Фэн Юйсян (冯玉祥) (1882–1948) – известный китайский военный и политический деятель первой половины XX в., один из самых влиятельных военачальников периода милитаристов. Он вошёл в историю под прозвищами «Христианский генерал» и «Генерал-реформатор». Фэн Юйсян был сложной и противоречивой фигурой. Он прошёл путь от милитариста до сторонника объединения Китая. Он симпатизировал социальным реформам, выступал за улучшение жизни простых людей и солдат, боролся с коррупцией. Несмотря на сотрудничество с Гоминьданом, часто критиковал Чан Кайши и в конце жизни, находясь за границей, высказывал симпатии к коммунистам. Фэн Юйсян остался в истории Китая как яркий патриот и реформатор, чья жизнь отразила всю сложность и неоднозначность эпохи милитаристов и борьбы за создание нового Китая.

Гоминьдана, заметно отличавшееся от доминировавшей в партийно-государственном аппарате ориентации на западные державы. В отличие от сторонников сближения с Великобританией и США, делавших ставку на традиционные дипломатические связи и экономическую помощь, представители просоветского крыла исходили из необходимости военно-политического сотрудничества с СССР как реального источника материальной поддержки в условиях нарастающей японской агрессии. Идейные истоки этой группы восходили к наследию «левого» крыла Гоминьдана периода Первого объединённого фронта (1924–1927 гг.), связанного с именами Ляо Чжункая и Сун Цинлин. Однако в 1930-е гг., по мере усиления японской угрозы и разочарования Нанкина в политике западных демократий, просоветские настроения приобрели новое звучание, будучи подкреплены практическими потребностями в вооружениях и военной помощи. Ключевая особенность данной фракции состояла в сочетании культурно-просветительской и военно-дипломатической деятельности. С одной стороны, такие фигуры, как Сунь Фо и Чжан Чун, создавали институциональную базу для изучения советского опыта и формирования положительного образа СССР в китайском обществе через Китайско-советскую культурную ассоциацию и специализированные издания. С другой стороны, военная группа во главе с Ян Цзе непосредственно участвовала в переговорах о поставках вооружений и организации советской военной миссии в Китае. В отличие от проамерикански настроенных кругов (Ху Ши, Сун Цзывэнь, Кун Сянси), ориентировавшихся на долгосрочные экономические и политические связи с Западом, просоветская фракция делала акцент на оперативном получении

конкретной военной помощи, что объективно соответствовало потребностям Китая в начальный период антияпонской войны. Именно благодаря усилиям этой группы после подписания пакта о ненападении 1937 г. были налажены каналы военного сотрудничества, позволившие в короткие сроки получить от СССР значительные объёмы вооружений и направить в Китай советских военных специалистов. Таким образом, «просоветская» фракция в окружении Чан Кайши выступала не альтернативой, а важным дополнением к прозападному курсу, обеспечивая то направление внешнеполитического взаимодействия, которое было наиболее востребовано в условиях военного времени. Её деятельность наглядно продемонстрировала, что в кризисной ситуации прагматические соображения получения конкретной военно-технической помощи могут временно преобладать над устоявшимися идеологическими установками и традиционной ориентацией на западные державы.

Глава 3. Усилия Чан Кайши по вовлечению Советского Союза в войну с Японией(1937–1939 гг.)

С началом полномасштабной японо-китайской войны в июле 1937 г. внешнеполитическая стратегия Чан Кайши вступила в новый, критически важный этап. Если в предшествующий период (1931–1937) усилия нанкинского правительства были сосредоточены на поиске международной поддержки и нормализации отношений с великими державами, то с падением Пекина и Шанхая вопрос о выживании китайского государства потребовал от его лидера перехода от пассивного ожидания помощи к активным дипломатическим действиям.

Центральное место в этих действиях заняла ставка на вовлечение в конфликт третьих сил, способных изменить его стратегический баланс. Особые надежды Чан Кайши и его окружение возлагали на Советский Союз – единственную державу, которая к тому моменту уже продемонстрировала готовность оказывать Китаю материально-техническую поддержку и имела с Японией неурегулированные политические противоречия.

Проблема советского военного вмешательства стала ключевым элементом дальневосточной стратегии Чан Кайши в 1937–1938 гг. В этот период китайским руководством были предприняты интенсивные, хотя и не всегда последовательные усилия, направленные на то, чтобы трансформировать советско-китайское сотрудничество из формата «помощь в обмен на лояльность» в формат полноценного военного союза. Чан Кайши стремился убедить Москву в неизбежности советско-японского столкновения и в необходимости

упреждающего удара. В ход шли как дипломатические демарши высшего уровня (переговоры с послом Д.В. Богомоловым, личные послания И.В. Сталину), так и зондаж через неофициальных эмиссаров. Важным инструментом давления становилось и учёт «германского фактора» – угроза сближения с Берлином, которая, по мысли Чан Кайши, должна была подтолкнуть Кремль к более решительным действиям²⁰⁵.

В следующей главе предполагается рассмотреть комплекс дипломатических и военно-стратегических мер, предпринятых Чан Кайши в период с июля 1937 по декабрь 1938 г. с целью вовлечения СССР в войну с Японией. Хронологически этот этап завершается неудачей попыток добиться советской интервенции и окончательным оформлением модели двусторонних отношений, при которой помощь ограничивалась поставками вооружений и направлением добровольцев, но не предполагала прямого участия регулярных сил Красной армии. Анализ данной проблемы позволяет не только уточнить цель внешнеполитического прагматизма Чан Кайши, но и выявить механизмы принятия решений в руководстве СССР в условиях нарастания глобальной военной угрозы.

3.1 Расчёт Чан Кайши на прямое участие Советского Союза в войне против Японии

С глобальной точки зрения, период после начала японо-китайской войны стал временем крушения старого международного порядка и формирования нового.

²⁰⁵ См: 罗志刚.略论抗日战争时期苏联参加对日作战问题[Луо Чжиган. Краткое обсуждение участия Советского Союза в войне против Японии во время войны сопротивления Японии].武汉大学学报(哲学社会科学版),1998,(01):24-29.

Ослабленный Китай, столкнувшись с японской агрессией, был вынужден искать международной помощи, что стало главным приоритетом его дипломатии. Страны, способные оказать существенное влияние на ситуацию на Дальнем Востоке, условно делились на три категории. К первой относились Великобритания, США и Франция – создатели Вашингтонской системы, выступавшие против силового изменения статус-кво; Вторая группа – Германия – стремилась пересмотреть Версальско-Вашингтонскую систему. Третью группу представлял СССР, находившийся в конфронтации с капиталистическим миром. Китайская дипломатия должна была выстраивать отношения со всеми этими группами стран, стремясь использовать любые возможные рычаги. Наибольшие ожидания китайского правительства были связаны с западными державами, от которых ожидалось кредиты, поставки оружия и эмбарго на аналогичную помощь Японии.

Стремление Японии к доминированию в Китае входило в противоречие с интересами Великобритании и США, имевших там значительные экономические и политические интересы. Это делало их в перспективе Нанкина естественными союзниками в сопротивлении агрессии. Чан Кайши надеялся «присоединиться к британскому и французскому фронтам» и в конечном итоге реализовать стратегическую цель «ввести китайско-японскую войну в рамки европейской войны, чтобы она могла быть решена совместно с европейской войной»²⁰⁶. Однако экспансионистская политика Германии в Европе отвлекала внимание и ресурсы западных держав, вынуждая их идти на уступки Японии и жертвовать интересами

²⁰⁶ Каткова З.Д. Чан Кайши и его немецкие советники // 42-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М.: 2012. С. 183–189.

Китая ради временной стабилизации. Таким образом, расчёт Чан Кайши на поддержку западных демократий в решении китайско-японского конфликта оказался труднореализуемым.

До начала полномасштабной войны с Японией Китай поддерживал наиболее тесные отношения с Германией. Взаимодополняемость экономик, потребность Китая в германских военных технологиях и нужда Германии в китайском стратегическом сырье (вольфрам, сурьма) способствовали быстрому развитию двусторонних связей. К первой половине 1936 г. немецкий экспорт в Китай превзошёл британский и японский, уступая лишь американскому. Наиболее тесным было военное сотрудничество: Германия играла ключевую роль в модернизации китайской армии и создании военной промышленности. Были расширены и построены новые арсеналы, а военные миссии под руководством таких фигур, как Ханс фон Сект и Александр фон Фалькенхаузен, оказывали помощь в реформе армии и обучении войск. К началу войны около 300 000 китайских солдат были обучены и экипированы по немецкому образцу²⁰⁷. Однако после начала японо-китайской войны стратегические интересы Германии и Китая разошлись. Берлин, сближавшийся с Токио в рамках Антикоминтерновского пакта (ноябрь 1936 г.), был вынужден выбирать между партнёрами. Дальневосточная стратегия Германии предполагала предпочтение примирения между Китаем и Японией, а в случае невозможности такого исхода – ориентацию на Японию. После провала германского посредничества («миссия Тоддта») в январе 1938 г. китайско-

²⁰⁷ Walsh B.K. The Germany Military Mission in China. 1928–1938 // *Modern History*, Vol. 46, № 3 (Sep. 1974), pp. 502.

германские отношения стали охлаждаться, военная помощь была свёрнута, а советники отозваны²⁰⁸. Это подтолкнуло Чан Кайши к поиску сближения с Советским Союзом.

После начала полномасштабной японо-китайской войны Советский Союз стал не только активным сторонником движения Сопротивления Китая, но и фактически обрёл черты союзника. Чан Кайши рассматривал сложившуюся ситуацию как возможность закрепить уже сложившиеся де-факто союзнические отношения путём заключения формального соглашения и, в конечном счёте, добиться непосредственного вовлечения СССР в войну против Японии²⁰⁹.

22 августа 1937 г., на следующий день после подписания советско-китайского пакта о ненападении, Чан Кайши принял решение о незамедлительном направлении в СССР специальной миссии для переговоров о военной помощи²¹⁰. Делегацию возглавил заместитель начальника Генерального штаба Военной комиссии генерал-лейтенант Ян Цзе, его заместителем был назначен член Центрального исполнительного комитета Гоминьдана Чжан Чун. Во избежание дипломатических осложнений миссия держалась в строгом секрете и официально именовалась «Экспедиционной группой по изучению промышленности Министерства промышленности Национального правительства»²¹¹. Её

²⁰⁸ Чудодеев Ю.В. СССР и Китай накануне и в годы Второй мировой войны. Общество и государство в Китае, 2015. 45 (2), С.750.

²⁰⁹ 李玉贞.抗战时期的蒋介石与斯大林[*Ли Юйчжэнь*. Чан Кайши и Сталин во время войны сопротивления Японии].社会科学研究, 2010, (05):130-132.

²¹⁰ 薛衔天、金东吉. 民国时期中苏关系(中)[*юэ Цзиньтянь, Цзинь Дунцзи*. китайско-советские отношения в период Китайской Республики.]/北京: 中共党史出版社, 2009 年. 第 81 页.

²¹¹ 林威杰.俄械东来:张冲与全面抗战初期苏联对华军事援助[*Линь Вэйцзе*. Российское оружие приходит на Восток: Чжан Чун и советская военная помощь Китаю на ранних этапах тотальной войны].民国研究, 2020, (01):63-82.

фактическими задачами были закупка вооружений и военной техники, открытие дополнительных каналов военной помощи и лоббирование вступления СССР в войну против Японии²¹².

Ян Цзе, известный в Гоминьдане военный стратег, ещё в сентябре 1933 г. по поручению Чан Кайши возглавлял миссию по изучению военного дела в Европе²¹³. За год он посетил более двадцати стран и подготовил подробный доклад о военном потенциале европейских государств и перспективах модернизации обороны Китая. Его военный опыт, авторитет и понимание внешнеполитических вопросов делали его подходящей кандидатурой на пост главы делегации. Чжан Чун, признанный специалист по СССР, обучавшийся в Советском Союзе и неоднократно выполнявший ответственные дипломатические поручения Чан Кайши, пользовался его полным доверием. Такой состав делегации позволял Чан Кайши сохранять непосредственный контроль над её деятельностью.

Прибыв в Москву 8 сентября 1937 г., Ян Цзе первоначально в качестве главы китайской военной миссии вёл с советской стороной переговоры по конкретным вопросам предоставления кредитов и закупок вооружений²¹⁴. С мая 1938 г. по апрель 1940 г., когда он находился в Москве на посту посла Китая в СССР, его важнейшей миссией оставалось убедить советское руководство согласиться на

²¹² Кузнецов В. В. Советско-китайские отношения перед началом Великой Отечественной войны (1937-1941 гг.)// под ред. Е. В. Дроботушенко. Том Часть 1. Чита: Забайкальский государственный университет, 2015. С. 65.

²¹³ 李君山.抗战前期国民政府军火采购之研究(1937-1939):以杨杰在俄法之工作为主线[*Ли Цзюньшань. Исследование закупок оружия Национальным правительством в начале войны (1937-1939): с упором на работу Ян Цзе в России и Франции*]/[国立政治大学历史学报. 2014(42). 79.

²¹⁴ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.3. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С.136-137.

ввод войск, заключить с Китаем договор о взаимопомощи и создать китайско-советский военный союз для совместной борьбы против Японии²¹⁵.

1 ноября 1937 г. Ян Цзе провёл длительную беседу с народным комиссаром обороны СССР маршалом К.Е. Ворошиловым²¹⁶. В то время уже шла полномасштабная война Соппротивления, ожесточённые бои развернулись в ходе Сунхуской операции. Ян Цзе настоятельно призывал СССР вступить в войну против Японии, заявляя, что совместные усилия народов Китая и СССР смогут нанести Японии весомый удар. К.Е. Ворошилов ответил, что у СССР много врагов – как на Востоке, так и на Западе. К войне одновременно с двумя противниками страна пока не готова, но готовится к этому. Тогда Ян Цзе сосредоточился на вопросе обороны Шанхая, отметив, что Япония стянула туда 15 дивизий, рассчитывая взять город за десять дней, но просчиталась в оценке сил китайского народа. Япония бросила в бой все свои лучшие войска. Сейчас достаточно оказать на Японию пусть не слишком сильное, но ощутимое давление, припугнуть её – и это уже будет помощью Китаю. Ворошилов обещал доложить об этом советскому правительству²¹⁷. Ян Цзе передал обеспокоенность Чан Кайши и китайского правительств в острой потребности в советской помощи, заверив, что Китай будет вести упорную борьбу, но надеется на вступление СССР в войну: «Если у вас действительно нет явных причин для начала войны против Японии, то мы благодарны за уже оказанную поддержку и просим продолжать предоставлять

²¹⁵ 杨德慧.杨杰将军传[Ян Дехуэй. Биография генерала Яна Цзе]. 云南人民出版社.1993.С.485.

²¹⁶ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.3. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С.136-137.

²¹⁷ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.3. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С.136-137.

материальную помощь в будущем, поскольку война будет долгой – не менее трёх лет»²¹⁸.

11 ноября И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов приняли Ян Цзе и Чжан Чуна. Состоялась дружеская и откровенная беседа, продолжавшаяся четыре с половиной часа. Сталин проявил живейший интерес к положению в Китае, подробно расспрашивал о ходе войны Сопротивления, состоянии военной промышленности и положении различных политических группировок. Он рекомендовал Китаю создать собственную тяжёлую промышленность и военное производство, выразил готовность оказать содействие в строительстве артиллерийского завода и поставках авиационных двигателей, чтобы Китай мог производить до 300 самолётов в месяц, а также помочь в производстве бензина в провинциях Шэньси, Сычуань и Синьцзян, всемерно поддерживая войну Сопротивления Китая²¹⁹.

По вопросу о возможности участия СССР в войне против Японии Ян Цзе обратился к И.В. Сталину: «Китайская армия сильна духом, но у неё нет техники. Война началась потому, что Китай больше не мог терпеть. Китай обладает огромной территорией и многочисленным населением, он должен победить Японию, но Советский Союз должен вступить в войну Сопротивления. Советский Союз не должен допустить, чтобы Япония поработила Китай. Весь Китай надеется на помощь СССР. Сейчас я от всего сердца докладываю великому И.В. Сталину: Китай уже давно стремится сбросить японское иго. Скажите же нам, как нам быть дальше? Можем ли мы рассчитывать, что вы вступите в войну Сопротивления

²¹⁸ Там же. С. 137.

²¹⁹ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.3. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С.151.

лишь после того, как Япония истощит свои силы в тылу?» Ян Цзе особо подчеркнул, что по указанию Чан Кайши он использует встречу со Сталиным, чтобы изложить мнение Китая: «СССР – единственный союзник Китая. Несмотря на существование тайного военного договора между Японией и Германией, можно использовать сложившуюся ситуацию и оказать влияние на Японию. Но Китай не хочет немедленно втягивать СССР в войну; он надеется, что СССР, обеспечив мир на Востоке, затем обеспечит мир и на Западе». Относительно двух важнейших вопросов – о единственном союзнике и о вступлении в войну – Сталин высказал два соображения: 1) О союзниках: «Китаю не следует пренебрегать никакой помощью. Ему нужно и можно закупать самолёты и пулемёты в США, Англии и Германии. Есть надёжные союзники и ненадёжные». ...Рассчитывать только на помощь СССР неверно. Китаю следует получать помощь и от ненадёжных союзников». 2) О вступлении СССР в войну: «СССР сейчас ещё не может начать войну против Японии». Однако «если Япония начнёт побеждать Китай, СССР обязательно вступит в войну». Это было чёткое обещание Сталина и важнейший результат, достигнутый Ян Цзе в ходе данной миссии. В этой беседе Сталин также сообщил Ян Цзе, что посол СССР в Китае Д.В. Богомолов и военный атташе Н.И. Леппин отозваны за то, что направляли ошибочные сведения (утверждая, что оборона Китая не заслуживает внимания, Шанхай не продержится и двух недель, сопротивление Китая не продлится дольше трёх месяцев, а Чан Кайши колеблется)²²⁰. Д.В. Богомолов, будучи троцкистом, арестован. СССР назначит

²²⁰ Барский К. М. Полпред СССР в Китае Д.В.Богомолов: дипломатический подвиг и личная трагедия // Международная жизнь. 2020. № 7. С. 94.

нового посла и военного атташе, тем самым выражая высокое доверие Чан Кайши. Обещание «если Япония начнёт побеждать Китай, СССР обязательно вступит в войну», разумеется, подразумевало участие СССР в случае победы Японии в ключевых крупных сражениях²²¹. Чан Кайши непоколебимо верил И.В. Сталину, считая, что тот непременно выполнит обещание начать войну против Японии. Впоследствии, после каждого серьёзного поражения на фронте, Чан Кайши с нетерпением требовал от СССР выполнения обещания и вступления в войну с Японией²²².

В конце ноября пали Тайюань и Шанхай, Нанкин оказался в критическом положении. По обещанию Сталина, наступил момент для вступления СССР в войну против Японии. Чан Кайши регулярно направлял телеграммы Ян Цзе, торопя его с выяснением, когда же союзные державы введут войска. В телеграмме Чжан Чуна И.В. Сталину и К. Е. Ворошилову говорилось ещё определённое: «Китай в одиночестве ведёт тяжёлую борьбу, уже достигшую крайне опасного предела. Войска противника приблизились к Нанкину на расстояние всего 100 км. Все обстоятельства достигли той точки, когда СССР должен ввести войска. Настоятельно умоляем о скорейшем вводе войск»²²³. Чан Кайши собственноручно написал Сталину письмо с просьбой о помощи, призывая СССР, руководствуясь чувством справедливости, поднять войска:

²²¹ Соколов В. В. «Забытый дипломат» Д.В. Богомолов (1890-1938) // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С.175-195.

²²² Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.4. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С.151-156.

²²³ 李嘉谷.中苏国家关系史资料汇编 (1933-1945) [Ли Цзягу. Сборник данных по истории отношений Чжунго и Советского государства (1933-1945)]//北京:中国社会科学文献出版社,1997. С.331.

«Две великие страны – Китай и Советский Союз – являются основой мира в Восточной Азии. Эти два народа имеют не только общие интересы и взаимную зависимость, но у них есть ещё и общий враг – Япония. Я неоднократно получал Вашу помощь. В это трудное для Китая время, в момент жизни или смерти, я ещё раз осмелюсь обратиться к Вам с сердечной следующей просьбой: За [всё] существование китайского народа, во имя интернационального долга, Китай ведёт решительную борьбу с японским агрессором. В настоящее время китайская армия, делая максимальные последние усилия, отступает, но ещё обороняет Нанкин. Надеюсь, что дружественный Советский Союз окажет Китаю существенную помощь. Если в настоящий момент для спасения опасного положения в Восточной Азии Вы решите вопрос о посылке Ваших войск, то такое решение укрепит дух вечного сотрудничества между Китаем и СССР. Всё сказанное выше исключительно зависит и может быть разрешено только Вами. Я пишу это в трудное время и надеюсь, что Вы выделите из Вашего драгоценного времени момент, чтобы ответить мне»²²⁴.

Чтобы облегчить неотложное положение, это письмо с просьбой о помощи было сначала отправлено телеграммой 26 ноября. А 30 ноября, для придания ему большей весомости, Чан Кайши отправил его в СССР уже как собственноручное письмо. Он также запросил Ян Цзе по телеграфу, нельзя ли добиться вступления СССР в войну в течение десяти дней. Для скорейшего выполнения просьбы Чан Кайши правительство Китайской Республики приняло решение направить в

²²⁴ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 324. Л. 18-20.

Москву с визитом председателя Законодательного юаня, члена Центрального исполнительного комитета Гоминьдана Сунь Фо²²⁵.

27 ноября председатель правительства Линь Сэнь направил телеграмму председателю Верховного Совета СССР М.И. Калинину, указывая, что Сунь Фо едет для обсуждения вопросов, «чрезвычайно важных для Китая и СССР», чтобы привлечь к ним внимание советской стороны²²⁶. В этот же период германский посол в Китае О. Траутман выступал посредником, передавая предложения Японии о капитуляции: «примирение» с Китаем на условиях принятия последним «совместной обороны от коммунизма»²²⁷. Министр иностранных дел Ван Чунхуэй своевременно проинформировал временного поверенного в делах СССР о японских условиях и об отказе Китая от них, демонстрируя решимость Китая продолжать войну Сопротивления и искреннее выполнение советско-китайского пакта о ненападении. Всё это свидетельствовало о том, что Нанкинское правительство предприняло максимальные усилия для того, чтобы добиться вступления СССР в войну против Японии.

Однако И.В. Сталин не выполнил своего обещания. 6 декабря И.В. Сталин направил телеграмму Чан Кайши в ответ на его собственноручное письмо от 30 ноября. В телеграмме говорилось: если Япония не спровоцирует СССР, немедленный ввод советских войск будет расценён как акт агрессии, и

²²⁵ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.4. Кн. 1. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С. 164-165.

²²⁶ Там же. С.166.

²²⁷ 李君山: “蒋中正与中日开战(1935-1938): 国民政府之外交准备与策略运用”[Ли Цзюньшань. Чан Кайши и начало китайско-японской войны (1935-1938): дипломатическая подготовка и использование стратегий национального правительства]//台北: 政大出版社. 2017. С.226.

международное общественное мнение улучшит позиции Японии. Только в том случае, если основные страны – участницы Договора девяти держав «совместно выступят против японской агрессии, СССР сможет немедленно ввести войска»²²⁸. В то время Вашингтонская конференция девяти держав договорилась о встрече в Брюсселе, но Япония, будучи одной из девяти держав, даже не направила туда своего представителя, а Англия, Франция, США и другие страны не сделали реальных шагов для противодействия японской агрессии²²⁹. Эта телеграмма И.В. Сталина изменила предпосылку для вступления СССР в войну: теперь таковой становилось не критическое положение Китая, а нападение Японии на СССР и международная обстановка, то есть прежде всего интересы самого СССР, что фактически было большим шагом назад по сравнению с его первоначальным обещанием.

Для дальнейшего разъяснения позиции СССР в тот же день М.М. Литвинов встретился с китайским послом Цзян Тинфу, а Ворошилов – с Ян Цзе. М.М. Литвинов заявил Цзян Тинфу, что ключ к вопросу о вступлении СССР в войну против Японии находится в руках США, Англии и Франции, но США в ближайшее время не продвинутся в этом вопросе. «У СССР на Востоке враг – Япония, на Западе – Германия. Безопасность западной части СССР важнее, чем Дальнего Востока. Если Англия, Франция и США не предпримут действий, СССР окажется в изоляции, и для него будет невозможно в одиночку противостоять Японии и

²²⁸ 秦孝仪. 中华民国重要史料初编--对日抗战时期第三编--战时外交（二）[Цинь Сяои. Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики: Период сопротивления Японии (часть III) -- Дипломатия военного времени (II)].台北：“国史馆”，1981. С.339-340.

²²⁹ 李嘉谷. 合作与冲突—1931-1945 年的中苏关系[Ли Цзягу. Сотрудничество и конфликт - китайско-советские отношения 1931-1945]//广西师范大学. 1996. С.213.

Германии»²³⁰. Надежды Чан Кайши были разбиты этими словами Литвинова. Ворошилов же со своей стороны поддержал решимость Китая сражаться до конца, но уже в русле военной помощи, заявив Ян Цзе, что СССР сделает всё возможное, увеличив поставки оружия и техническую помощь Китаю.

Ещё до встречи с М.М. Литвиновым Цзян Тинфу уже понял, что обещаниям СССР о вводе войск нельзя доверять. В телеграмме, направленной председателю Исполнительного юаня Кун Сянси, он сообщал, что новый посол СССР в Китае прибудет в середине месяца и, несомненно, привезёт с собой конкретные предложения. Он предупреждал правительство: «В важных государственных делах нельзя полагаться только на устные обещания; необходимо заключить союзный договор, чтобы иметь основания для доверия»²³¹. Он предлагал после вступления нового посла в должность предложить ему заключить такой договор. Нанкинское правительство приняло это предложение, выжидая удобного момента для официального поднятия вопроса о заключении договора с СССР²³².

В декабре 1937 г. в Китай прибыл новый посол СССР И.Т. Луганец. Нанкинское правительство, воспользовавшись этим моментом, активизировало усилия по созданию военного союза с СССР. Документы внешней политики Нанкинского правительства того времени свидетельствуют, что Чан Кайши предпринял два шага: во-первых, ещё более сблизиться с СССР политически,

²³⁰ 李嘉谷.中苏国家关系史资料汇编（1933-1945）[Ли Цзягу. Сборник данных по истории отношений Чжунго и Советского государства (1933-1945)]//北京:中国社会科学文献出版社,1997. С.332.

²³¹ Там же. 333.

²³² Garver J.W. Chiang Kai-shek's Quest for Soviet Entry into the Sino-Japanese War // Political Science Quarterly. 1987. Vol. 102, № 2. p.295.

добиться дополнительной военной помощи и фактически создать китайско-советские союзнические отношения де-факто; во-вторых, выждав подходящий момент, заключить с СССР официальный военный союз²³³. В конце 1937 г. И.Т. Луганец прибыл в Ухань, а в начале следующего года Сунь Фо отправился с визитом в СССР. Правительство Китайской Республики через И.Т. Луганца в Китае и Сунь Фо в Москве неоднократно доводило до сведения советских руководителей следующие идеи:

1. Одна из причин японо-китайской войны – отказ Китая от антикоммунистических и антисоветских требований Японии и твёрдое проведение политики дружественных отношений с СССР, то есть упорная борьба Китая является выполнением интернационального долга перед СССР.

2. Китай будет вести войну Сопротивления до конца и не пойдёт на компромисс.

3. Нападение Японии на Китай – её второстепенная цель, главная же цель – нападение на СССР.

4. Пока Япония воюет с Китаем – наилучший момент для СССР вступить в войну против Японии; если Япония победит Китай, она использует его богатые ресурсы и людские ресурсы для нападения на СССР, и тогда СССР окажется в ещё более пассивном положении.

5. В любой момент, когда Япония нападёт на СССР, Китай выступит на стороне СССР и будет воевать с Японией.

²³³ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.4. Кн. 1. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С.176.

6. Без помощи СССР война Соппротивления Китая потерпит поражение; Китай просит СССР об особой помощи – большем количестве оружия, технических специалистов и военных советников²³⁴.

На практике правительство Китайской Республики полностью следовало той информации, которую передавало советскому правительству, искренне надеясь, что Сталин поймёт трудности Китая и заключит с ним военный союз.

Когда И.Т. Луганец прибыл в Китай, Чан Кайши находился в Ухане, планируя оборону Уханя. 28 декабря Чан Кайши встретился с И.Т. Луганцом в Ухане и просил его передать советскому правительству: текущая ситуация такова, что «если СССР не окажет Китаю открытую военную поддержку, то Китай обязательно потерпит поражение. Япония уже создала марионеточное правительство в Северном Китае и, кроме того, пытается на выгодных для себя условиях предложить Китаю прекращение войны и перемирие. Поэтому в китайских общественных кругах, особенно среди интеллигенции, начинает усиливаться настроение: раз СССР не вводит войска, значит, поражение Китая предрешено, и лучше поддерживать прояпонское правительство»²³⁵. Этими словами Чан Кайши давал понять СССР, что, если СССР не введёт войска, в Китае может появиться второе «Маньчжоу-го», что коренным образом изменит стратегическую ситуацию на Востоке для СССР. В Москве Сунь Фо нанёс визиты высшему партийному, государственному и военному руководству СССР, всемерно убеждая его вступить в войну. «Он выразил Сталину горячее желание, чтобы СССР

²³⁴ 薛衔天、金东吉.民国时期中苏关系史(中) [Сюэ Сяньтянь, Цзинь Дунцзи. История китайско-советских отношений в республиканский период. Т. 2]. 北京: 党史出版社, 2009. С.84.

²³⁵ 蒋介石日记 [Дневник Чан Кайши, 28 декабря 1938 г].

вступил в войну, подчеркнув при этом, что китайское правительство не настаивает, но считает участие СССР крайне необходимым»²³⁶.

В начале февраля 1938 г. И.В. Сталин принял Сунь Фо. Встреча продолжалась с 12 часов дня до 5 часов 15 минут утра следующего дня. Вечером гости ужинали у В.М. Молотова²³⁷. В конце встречи присоединились также Н.И. Ежов и А.И. Микоян. Атмосфера переговоров была чрезвычайно дружественной; по словам Сунь Фо, его принимали «как товарища по революции, с полным доверием, говорили откровенно, ничего не скрывая»²³⁸. Однако Сталин и на этот раз не дал согласия на ввод войск, о чём просил Сунь Фо. Причины отказа Сталина на этот раз были следующими: во-первых, вступление СССР в войну ухудшит международное положение Китая; Китай лишится возможности использовать помощь других стран, некоторые из них могут перейти на сторону Японии. Это было практически то же, что он говорил Ян Цзе. Во-вторых, хотя Япония и пытается нарушить границы России, но на её территорию она пока не вступила. Поэтому объявление войны Японии Россией будет расценено как акт агрессии. В японском народе это вызовет патриотические настроения, которые и пытаются разжечь японские милитаристы. Это было практически то же, что содержалось в его ответе Чан Кайши.

²³⁶ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.4. Кн. 1. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С.176.

²³⁷ 秦孝仪. 中华民国重要史料初编--对日抗战时期第三编--战时外交 (二) [Цинь Сяои. Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики: Период сопротивления Японии (часть III) -- Дипломатия военного времени (II)].台北: “国史馆”,1981. С.469.

²³⁸ Там же. С.470.

Ответ И.В. Сталина на этот раз также дал понять: если Япония вступит на советскую территорию, у СССР появятся основания для вступления в войну. Правительство Китайской Республики, исходя из этого, разработало тактику – выжидать удобного момента, чтобы втянуть СССР в войну.

Этот ответ И.В. Сталина заставил Чан Кайши осознать нереалистичность попыток добиться немедленного вступления СССР в войну против Японии. В связи с этим он поменял местами два звена своей стратегии в отношении СССР: сначала добиваться заключения с СССР договора о взаимопомощи и официального политического союза, а затем, выждав момент, поднимать вопрос о вводе войск²³⁹.

Помимо того, что обещание И.В. Сталина отодвигалось, на такое изменение повлияли ещё два фактора:

1. В первой половине 1938 г. Япония активно готовилась к наступлению на Ухань. Только что потерявшее столицу правительство Китайской Республики прилагало все усилия для подготовки оборонительной операции в Ухане. Провал этой операции мог вызвать внутреннюю политическую нестабильность.

2. В этот критический момент Германия, уступив давлению Японии, отказалась от нейтралитета и перешла на сторону Японии. 20 февраля Германия объявила о скором признании Маньчжоу-го, заявив, что сотрудничество Германии, Италии и Японии является оплотом против «коммунизации» Восточной Азии и выразила надежду на его дальнейшее упрочение. Вслед за этим германское правительство отозвало из Китая военных стажёров, вернуло своего посла и

²³⁹ 蒋介石日记 [Дневник Чан Кайши, 3 августа 1938 г].

военных советников и ввело эмбарго на поставки оружия в Китай. Отказ Германии от Китая и сближение с Японией поставили Китай в ещё более тяжёлое положение.

3. После отказа Германии от Китая и её сближения с Японией Советский Союз ещё больше усилил военную помощь Китаю. Помимо поставок срочно необходимых военных материалов, СССР направил в Китай военную консультативную миссию и даже отправил добровольцев из состава ВВС для непосредственного участия в боевых действиях против Японии. Таким образом, СССР стал не просто единственной опорой Китая в его войне Соппротивления, но эта поддержка фактически достигла уровня реальных союзнических отношений. Правительство Китайской Республики посчитало, что эти фактические союзнические отношения можно закрепить договором, а затем, улучив момент, добиться прямого участия СССР в войне Соппротивления Китая. Поэтому вопрос о заключении договора о взаимопомощи был поднят вновь официально²⁴⁰.

Накануне битвы за Ухань, 11 июня, состоялась важная встреча между Сун Цзывэнем и послом СССР в Китае Луганцом. Сун Цзывэнь начал с того, что он уполномочен Чан Кайши «по одному очень важному вопросу» сначала провести частную беседу с И.Т. Луганцом. Сун Цзывэнь заявил:

«Ханькоу, возможно, падёт, и, несомненно, это вызовет падение боевого духа армии и народа; все прояпонские элементы поднимут голову. Вся политика войны Соппротивления окажется под угрозой краха. Спасти положение может только вмешательство СССР. Если бы Китай и СССР заключили соглашение о

²⁴⁰ 薛衔天、金东吉.“民国时期中苏关系史（中）” [Сюэ Сяньтянь, Цзинь Дунцзи. История китайско-советских отношений в республиканский период. Т. 2]. 北京: 党史出版社, 2009. С.85.

помощи, “выходящей за рамки материальной”, то есть если бы было заключено китайско-советское соглашение об участии СССР в делах Китая, тогда Китай мог бы рассчитывать, что в критический момент СССР поможет активно помочь Китаю, и это вдохновило бы народ на продолжение войны Сопrotивления. Учитывая это, Чан Кайши хотел бы, чтобы его предложение было передано советскому правительству его полномочным представителем, который возвращается в Москву. Кроме того, он намерен направить меня вместе с этим полномочным представителем для ведения переговоров по данному соглашению. Если советское правительство сочтёт необходимым, чтобы сам Чан Кайши приехал, он готов выехать в Москву для обсуждения этих вопросов»²⁴¹.

И.Т. Луганец обещал немедленно доложить о предложении Чан Кайши в Москву. Однако затем он изложил целый ряд причин, по которым СССР не может ввести войска для помощи Китаю, заявив при этом, что участие СССР в войне против Японии «вызовет мировую войну». Сун Цзывэнь пояснил далее, что заключение договора вовсе не означает, что СССР вступит в войну сегодня. Его значение в том, чтобы дать Китаю уверенность, что СССР не останется безучастным в критический момент, а также вдохновить Китай на продолжение войны Сопrotивления. В противном же случае, если Китай потерпит поражение, Япония неизбежно использует ресурсы и людскую силу Китая для нападения на СССР²⁴².

²⁴¹ Запись беседы полпреда СССР в Китайской Республике И.Т. Луганца-Орельского с Сун Цзывэнем о советско-китайских отношениях и военно-политической обстановке в Китае к июню 1938 г. 11 июня 1938 г. // АВП РФ. Ф. 100. Оп. 22. Д. 10. П. 190. Л. 53-58.

²⁴² Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.4. Кн. 1. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С.176.

Информация, переданная Сун Цзывэнем СССР на этот раз, заключалась в следующем: Китай просит заключить с СССР договор о взаимопомощи главным образом для устрашения Японии и воодушевления армии и народа Китая, чтобы довести войну Сопротивления до конца; речь вовсе не идёт о немедленном вводе советских войск. Это был шаг назад по сравнению с предыдущими требованиями.

В ответ на утверждение Луганца, что участие СССР в войне против Японии ухудшит международные отношения, Чан Кайши предпринял ещё один ход: заключить секретный договор, чтобы о нём не знал никто посторонний. 14 июня он принял Луганца и заявил: даже если падут Ухань и Гуанчжоу и у Китая останется только половина территории на юго-западе, китайское правительство в любом случае не пойдёт на компромисс с Японией²⁴³. Он хотел бы знать, какую политику в отношении Китая проведёт СССР, если Китай окажется в таком положении. Он сам, китайское правительство и весь китайский народ надеются, что СССР предпримет шаги к дальнейшему сближению с Китаем. Если бы в этот момент удалось осуществить китайско-советское секретное военное сотрудничество, боевой дух китайской армии резко возрос бы, и перспективы войны против агрессии стали бы более перспективными. Поэтому он просит Луганца передать Сталину и Ворошилову, что Китай желает заключить соглашение о «дальнейшем» сотрудничестве.

Однако новая тактика Чан Кайши не возымела действия. 14 июня М.М. Литвинов представил И.В. Сталину докладную записку, в которой предлагал не соглашаться на визит Чан Кайши в СССР, так как в данный момент принять его нет

²⁴³ Там же. С.258.

возможности и нельзя допустить, чтобы общественное мнение считало, что СССР готов взять на себя ответственность за следующие решения Чан Кайши. К тому же отъезд Чан Кайши из Китая могут использовать в своих целях прояпонские элементы. Не было также необходимости в приезде Сун Цзывэня. В итоге советская сторона отклонила этот план визита Чан Кайши в СССР²⁴⁴.

3.2. Реакция Чан Кайши на советско-японские приграничные конфликты в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол

На восточном берегу реки Тумэнь, более чем в двадцати километрах выше по течению от китайско-корейской границы, расположена небольшая гора Чжангу, находящаяся на линии советско-китайской границы. Согласно Айгунскому договору 1858 г., здесь проходила граница между двумя государствами, однако пограничные столбы отсутствовали, и точное положение линии оставалось неясным. В советских документах этот район обозначался как «район озера Хасан», стратегически важный с точки зрения подхода к Владивостоку с востока²⁴⁵.

13 июня 1938 г. начальник Дальневосточного управления НКВД СССР Г. С. Люшков дезертировал через границу из подведомственного ему 59-го пограничного округа. Перебежчик передал японским властям сведения о

²⁴⁴ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.4. Кн. 1. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С.261.

²⁴⁵ 〈蘇聯與滿洲國邊境糾紛及日蘇關係〉，《外交部》，國史館藏，數位典藏號：020-021602-0066[Пограничные споры между СССР и Маньчжоу-го и советско-японские отношения]. Министерство иностранных дел. Государственный исторический архив (Тайбэй). Цифровой архивный номер: 020-021602-0066].

внутреннем положении в Советском Союзе и о дислокации советских войск на Дальнем Востоке. С середины июля Советский Союз начал блокаду китайско-советской границы, а 12 июля ввёл войска в советско-японскую буферную зону, включая район озера Хасан, что вызвало настороженность японского гарнизона. Вскоре японский корейский гарнизон сосредоточил свои силы у границы, что привело к серии военных тренировок и, в конечном счёте, к инциденту у озера Хасан²⁴⁶.

В последующие дни китайская пресса активно освещала события в районе озера Хасан, подчёркивая тенденцию к обострению ситуации, что вызвало беспокойство Чан Кайши. С 12 по 21 июля он ежедневно фиксировал получаемые сообщения²⁴⁷. Инцидент в определённой степени соответствовал его ожиданиям относительно возможного начала войны между СССР и Японией. Поэтому Чан Кайши уделял больше внимания не причинам и ходу самого инцидента, а его развитию и потенциальному влиянию на антияпонскую борьбу в Китае. В дневнике от 20 июля он писал: «Этот инцидент принесёт мне большую пользу в военной обстановке; по крайней мере, он способен сдержать силы противника в Северной Маньчжурии»²⁴⁸. По этой причине, по его словам, «стратегия и политическая тактика Китая должны уделять особое внимание военному положению Советской России и японских захватчиков»²⁴⁹.

²⁴⁶ 曲晓范. 1938 年日苏张鼓峰事件新论[Цюй Сяофань.Новое обсуждение японо-советского инцидента 1938 года с Чжан Гу Фэном]//东北师大学报.2012 年第 5 期.第 80 页.

²⁴⁷ 萧李居. 蒋中正总统档案·事略稿本(第 42 册)[Сяо Ли Цзю.Президентские архивы Чан Кайши: краткая расшифровка, том 42]. 台北:“国史馆”,2010. С.79–80.

²⁴⁸ 蒋介石日记. [Дневник Чан Кайши. 20 июля 1938 г].

²⁴⁹ Там же.

13 августа Сунь Фо в Париж направил И.В. Сталину письмо, сообщив, что после возвращения на родину намерен посетить Москву, чтобы «с целью восстановления и сохранения мира на Дальнем Востоке» провести переговоры «о более прямом и полном сотрудничестве с Советским Союзом в военной и дипломатической областях»²⁵⁰. В то же время Чан Кайши поручил Чжан Чуну предложить советскому послу в Китае И.Т. Луганцу-Орельскому немедленно начать переговоры о заключении китайско-советского военного союза²⁵¹. 16 августа Ли Цзунжэнь(李宗仁)²⁵², член Военной комиссии и председатель провинции Аньхой, встретился с послом СССР в Китае. В беседе Ли Цзунжэнь настойчиво убеждал полпреда в «крайней полезности для СССР выступить против Японии»²⁵³.

Советский Союз рассматривал инцидент на озере Хасан как пограничное столкновение, а не как сигнал к широкомасштабной войне. Сам по себе этот инцидент не изменил устоявшуюся политику нейтрализации Японии. Так, за два дня до второго советского контрнаступления, 4 августа, М.М. Литвинов вёл

²⁵⁰ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.4. Кн. 1. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С. 277-278.

²⁵¹ Там же. С.281.

²⁵² Ли Цзунжэнь(李宗仁) (1890-1969) – генерал НРА, глава «Новой гуансийской клики» милитаристов, первый вице-президент Китайской Республики, и. о. президента Китайской Республики в 1949–1950 гг. Во время японо-китайской войны Ли Цзунжэнь командовал войсками в ряде крупных сражений; в частности, именно под его командованием китайские войска поймали в ловушку японскую армию в ходе сражения при Сюйчжоу в 1938 г. 25 апреля 1948 г. Национальная ассамблея Китайской Республики избрала Ли Цзунжэня вице-президентом Китайской Республики (предпочтя его Сунь Фо, которого поддерживал Чан Кайши). Когда 21 января 1949 г., после поражений в ходе гражданской войны, Чан Кайши подал в отставку, Ли Цзунжэнь стал исполняющим обязанности президента Китайской Республики.

²⁵³ АВПРФ. Ф. 100. Оп. 22. Д. 10. П. 190. Л. 88.

переговоры о перемирии с японским послом Мамору Сигэмицу и вскоре достиг соглашения: обе армии отступили со спорной территории ²⁵⁴.

Тем не менее Чан Кайши считал возможным использовать инцидент у озера Хасан как «точку прорыва» для достижения подписания договора о взаимопомощи с СССР. Он дважды встречался с Сунь Фо, вернувшимся в Китай для подготовки к своему третьему визиту в Советский Союз, и поручил ему обсудить с советским послом возможность подписания такого договора. 26 августа Сунь Фо передал И.Т. Луганцу-Орельскому предложение китайского правительства. В нём Китай предлагал заключить с СССР секретный договор, не предусматривавший вооружённого выступления СССР, с целью «ещё на шаг дальше укрепить дружбу между Китаем и СССР» по следующим направлениям:

1. Сотрудничество армий, включая подготовку для совместной борьбы с Японией.
2. Дипломатическое сотрудничество, при котором Китай будет вести ту же внешнюю политику, что и СССР.
3. Политические обязательства Китая «навсегда сохранять просоветский курс, поддерживать фронт демократических стран и никогда не примыкать к фашистским странам».
4. Расширение экономических связей, включая поставки Советским Союзом вооружений и поставки Китаем сырья, а также строительство Северо-Западной железной дороги, связывающей Центральный Китай с Турксибом²⁵⁵.

²⁵⁴ 曲晓范. 1938 年日苏张鼓峰事件新论[Цюй Сяофань.Новое обсуждение японо-советского инцидента 1938 года с Чжан Гу Фэном] // 东北师大学报.2012 年第 5 期.С.86.

²⁵⁵ АВПРФ. Ф. 100. Оп. 22. П. 190. Д. 10. Л. 93-104.

Это обращение стало наиболее конкретным и официальным предложением Китая о заключении с СССР договора о взаимопомощи с момента подписания пакта о ненападении. При этом китайская сторона сознательно обходила наиболее чувствительное для Москвы условие – прямое военное вмешательство СССР в японо-китайскую войну. Сунь Фо после встречи с полпредом 26–27 августа 28 числа обсудил данный вопрос с Чан Кайши. Чан Кайши высказал мнение, что сохранить советско-китайский договор в тайне вряд ли удастся; по его мнению, «лучше заключить не секретный, а открытый договор». При этом он признавал, что содержание открытого договора не может быть таким детализированным, как содержание тайного соглашения.

31 августа Чан Кайши лично провёл переговоры с И.Т. Луганцом-Орельским, указав на необходимость подписания нового открытого китайско-советского договора.

По его словам:

1. «При нынешнем положении эта необходимость вытекает не из каких-то выгод для Китая на ближайшее время, а из основного принципа, что мир на Дальнем Востоке может быть обеспечен только теснейшим сотрудничеством СССР и Китая. Китай хочет заключить этот договор, чтобы преследовать более далёкие цели, установить теснейшее сотрудничество с СССР “на сравнительно длительное время”».

2. «Новый пакт должен быть открытым и входить в систему пактов Лиги Наций».

3. «Значение пакта – укрепить в китайском народе ещё большую решимость вести освободительную войну до конца, показать, что СССР, не принимая прямого участия в войне, тем не менее действует совместно с Китаем...»²⁵⁶.

Советское правительство сочло, что заключение подобного договора «не вызывается обстановкой и принесёт отрицательные результаты, ослабляя силы освободительной войны». И.Т. Луганец-Орельский отметил настороженность, существующую в определённых кругах Китая и за границей по поводу укрепления советско-китайской дружбы, и подчеркнул, что такой договор даст «козырь в руки трёх агрессивных держав» для оправдания своей политики. Полпред передал также позицию Москвы о вступлении СССР в войну: «изолированное выступление СССР принесёт больше вреда, чем пользы», оно ухудшит положение Китая и улучшит положение Японии. Советское правительство считало нецелесообразным выступление без участия Англии или США, поскольку это «даст лишнее обоснование тезиса трёх агрессоров о большевизации Китая» и создаст впечатление о «стремлении СССР захватить Китай». СССР подтвердил готовность вступить в войну при наличии одного из следующих условий: 1) непосредственное нападение Японии на СССР; 2) совместное выступление с Англией или США; 3) постановление Лиги Наций о применении санкций против Японии ²⁵⁷.

Таким образом, Чан Кайши стремился постепенно склонить СССР к войне против Японии, заключив договор о взаимопомощи, но эта линия противоречила стратегическим интересам Москвы. Ответ советского правительства не содержал

²⁵⁶ АВПРФ. Ф. 100. Оп. 22. П. 190. Д. 10. Л. 111-113.

²⁵⁷ АВПРФ. Ф. 100. Оп. 22. Д. 10. Л. 142–143

прямого отказа, однако в нём явно указывалось, что цель Чан Кайши – втянуть СССР в войну против Японии, и поэтому он не может взять на себя договорные обязательства по взаимопомощи.

9 сентября 1938 г. советский посол И.Т. Луганец-Орельский заявил Чан Кайши протест в связи с публикацией статьи бывшего китайского дипломата Гань Цзэхоу «Почему Советский Союз ещё не вступил в войну», расценив её как провокационную по отношению к СССР ²⁵⁸. К этому моменту Чан Кайши уже понимал, что надежды на участие Советского Союза в войне против Японии посредством советско-японского конфликта нет.

В конечном счёте, начало конфликта у озера Хасан было обусловлено случайными факторами: ни одна из сторон не стремилась к его продолжению. И.В. Сталин рассматривал оборону от Германии как главную стратегическую задачу СССР, тогда как Япония планировала начать Уханьскую битву. Иными словами, ни Москва, ни Токио не считали друг друга врагом № 1. Руководство обеих стран избрало стратегию максимального контроля за масштабами боевых действий и сдерживания их эскалации.

После потери Уханя война Китая с Японией перешла в патовую фазу. Чан Кайши считал, что 1939 г. станет «самым большим изменением, так называемым быстрым изменением, капризным временем». Он отмечал, что «взаимосвязь между изменениями в России и Советском Союзе ещё более важна, но она всё равно

²⁵⁸ АВПРФ. Ф. 100. Оп. 22. П. 190. Д. 10. Л. 155.

принесёт больше пользы, чем вреда для будущего нашей войны сопротивления»²⁵⁹. Однако изменение международной ситуации стало для него неожиданностью.

23 августа 1939 г. СССР в ходе секретных переговоров подписал с Германией пакт о ненападении. В это время конфликт у реки Халхин-Гол достигал апогея. Перед лицом новой международной и внутренней обстановки Чан Кайши был вынужден прилагать дополнительные усилия для заключения китайско-советского пакта. Любой вооружённый конфликт между СССР и Японией он рассматривал как «лучшую возможность» для сближения Китая и Советского Союза, постоянно подчёркивая в дневнике, что «с Россией следует вести агрессивные переговоры».

Чан Кайши полагал, что подписание Советским Союзом пакта о ненападении с Германией освободит его от германской угрозы и позволит сосредоточиться на Японии и решении проблем Дальнего Востока. В послании он отмечал: «Советско-германский шаг заставил жестокого врага потерять позиции, нанёс большой удар по его духу, и антикоммунистическая государственная политика, которой он хвастался, была разбита вдребезги»²⁶⁰.

В то время Внешняя Монголия и Маньчжоу-го юридически считались частью территории Китая, поддерживаемой соответственно СССР и Японией. Разочарованная исходом инцидента у озера Хасан, Япония обратила внимание на пограничную зону между Маньчжоу-го и Внешней Монголией. Советский Союз,

²⁵⁹ 蒋介石日记. [Дневник Чан Кайши. 31 декабря 1938 г].

²⁶⁰ 邓野. 蒋介石的战略布局: 1939-1941”[Дэн Е. Стратегический расчёт Чан Кайши: 1939-1941. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам]. 北京: 社会科学文献出版社, 2019. С.11.

руководствуясь договором о взаимопомощи с Внешней Монголией, в ноябре 1937 г. направил Красную армию в район Внешней Монголии²⁶¹.

11 мая 1939 г. пограничная кавалерия Внешнемонгольской армии, патрулировавшая восточный берег реки Хараха, была вынуждена отступить на западный берег после столкновения с пограничниками Маньчжоу-го. Позднее монгольская армия переправилась через Халхин-Гол и построила укрепления на восточном берегу²⁶². 28 мая японская Квантунская армия численностью более 2000 человек при поддержке авиации продвинулась к реке Халхин-Гол, но подверглась контратаке советско-монгольских войск, понесла тяжёлые потери и 31 мая получила приказ отступить. В июле японцы предприняли новые атаки, также безуспешные. Масштабы конфликта у Халхин-Гола постепенно возрастали²⁶³.

Если инцидент у озера Хасан был пограничным столкновением ограниченного масштаба, то события у Халхин-Гола стали настоящим вооружённым конфликтом. 10 июля Чан Кайши подчеркнул необходимость «изучить развитие русско-японской войны»²⁶⁴.

25 августа в беседе с советским послом А.С. Панюшкиным Чан Кайши заявил: «Вопрос о заключении договора о взаимопомощи между СССР и Китаем был поднят задолго до поездки Сунь Фо в Советский Союз. В то время этот вопрос

²⁶¹ 〈蘇聯與各國邊境衝突〉,《外交部》,國史館藏,數位典藏號: 020-021602-0056[〈Пограничные конфликты СССР с иностранными государствами〉. Министерство иностранных дел. Государственный исторический архив (Тайбэй). Цифровой архивный номер: 020-021602-0056.]

²⁶² Бушueva Т.С., Серегин А.В. Халхин-Гол: Исследования, документы, комментарии. М.: ИКЦ «Академкнига», 2009. С. 47.

²⁶³ 高培. 对张鼓峰与诺门坎事件的再认识[Гао Пэй. Реконцептуализация Чжан Гофэна и инцидента в Норманкане]. 军事历史 1994 年第 2 期. С.46.

²⁶⁴ 蒋介石日记[Дневник Чан Кай-ши. 11 июля 1939 г].

считался несвоевременным²⁶⁵. Считает ли советское правительство, что это время пришло?» Чан Кайши считал, что инцидент у Халхин-Гола создал возможность для подписания китайско-советского договора о взаимопомощи²⁶⁶.

Вопреки его ожиданиям, советско-японский конфликт у реки Халхин-Гол не способствовал развитию китайско-советских отношений, а, напротив, ускорил реализацию стратегии Москвы по нейтрализации Японии. С середины июля 1939 г. СССР начал массовую мобилизацию вооружённых сил и материальных средств для подготовки к широкомасштабному наступлению под командованием Г.К. Жукова. 20 августа советско-монгольские войска внезапно перешли в наступление по всему фронту, после интенсивного артобстрела атаковали позиции японцев с применением 250 самолётов. Бои продолжались 12 дней; к 31 августа большая часть японских войск была уничтожена²⁶⁷.

После инцидента 18 сентября 1931 г. Советский Союз стремился к заключению договора о ненападении с Японией, однако из-за наступательной политики последней эта цель долгое время оставалась недостижимой. В ходе конфликта на Халхин-Голе, когда СССР сосредоточил превосходящие силы и нанёс Японии тяжёлый удар, японское руководство убедилось, что военная мощь Советского Союза слишком велика, чтобы недооценивать её. В этих условиях

²⁶⁵ Горбачев Б.Н. Военные события на Халхин-Голе летом 1939 года в китайских оценках прошлого и настоящего // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. . 2024. № 4 . С. 41.

²⁶⁶ 〈蘇聯與各國邊境衝突〉,《外交部》,國史館藏,數位典藏號: 020-021602-0056[〈Пограничные конфликты СССР с иностранными государствами〉. Министерство иностранных дел. Государственный исторический архив (Тайбэй). Цифровой архивный номер: 020-021602-0056.]

²⁶⁷ Катасонова Е.Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы. Ежегодник Япония. 2009;38:С.293.

Токио отказался от плана «северного наступления» и стал готовиться к южной экспансии, одновременно проявив инициативу в предложении СССР заключить японо-советский договор о нейтралитете или ненападении²⁶⁸.

Таким образом, советско-японские вооружённые столкновения 1938–1939 гг. не оправдали расчётов Чан Кайши на их трансформацию в широкомасштабную войну между СССР и Японией и последующее формирование формального китайско-советского военно-политического союза. Если инцидент у озера Хасан ещё сохранял в глазах китайского руководства потенциал дипломатического манёвра, то конфликт на Халхин-Голе продемонстрировал ограниченный характер советских целей: Москва стремилась не к расширению войны на Дальнем Востоке, а к силовому принуждению Японии к отказу от курса «северного наступления» и к стабилизации границ. Победа Красной армии под командованием Г. К. Жукова обеспечила СССР выгодные позиции для последующей нейтрализации Японии и создала предпосылки для пересмотра всей конфигурации отношений в Северо-Восточной Азии. В стратегическом плане это означало углубление расхождения интересов Москвы и Чунцина: Китай по-прежнему стремился к долговременному антияпонскому союзу, тогда как Советский Союз, добившись военного баланса, перешёл к политике избирательного невовлечения и поиску договорной стабилизации с Токио²⁶⁹. В результате попытки Чан Кайши использовать приграничные конфликты как инструмент втягивания СССР в войну против

²⁶⁸ Победа на Халхин-Голе: в поисках исторической истины: (Коллективная монография) / Отв. ред. А.С. Железняков, Е.Л. Катасонова; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2021. С.45.

²⁶⁹ Лю Т. Потенциальные противоречия между Китаем и СССР после конфликта у озера Хасан (с 1938 года) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2025. Т. 69, № 2. С. 29.

Японии потерпели неудачу, а советско-китайские отношения вступили в фазу прагматической кооперации без формальных союзных обязательств, что предопределило их дальнейшую эволюцию накануне Второй мировой войны.

3.3. Военная помощь СССР Китайской Республике

как неотъемлемая часть внешнеполитических концепций обеих сторон

Чан Кайши понимал, что Китай играет роль фактора, сковывающего японские войска для Советского Союза, и, естественно, требовал от Москвы определённой компенсации за этот вклад, добиваясь предоставления Китаю более масштабной военной помощи. Он неоднократно подчёркивал, что непрерывная и стабильная поддержка является необходимым условием продолжения сопротивления Японии. И Чан Кайши, и И.В. Сталин ясно осознавали: пока Китай продолжает вести войну с Японией, японская армия не сможет предпринять наступление против СССР. Хотя в вопросе привлечения СССР к непосредственным военным действиям на стороне Китая Чан Кайши не достиг существенных результатов, в деле получения советской помощи он имел значительные успехи²⁷⁰. Советская поддержка включала предоставление кредитных займов, поставки вооружений и военных материалов, направление военных советников и авиационного добровольческого отряда. В самые опасные и тяжёлые моменты войны Китая против Японии эта военная помощь СССР несомненно стала

²⁷⁰ Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). М.: 1977. С. 77.

важнейшей поддержкой и мощным стимулом для продолжения китайского сопротивления японской агрессии²⁷¹.

На следующий день после подписания советско-китайского договора о ненападении советское правительство удовлетворило просьбу китайской стороны и приняло решение о предоставлении Китаю кредитного займа. С целью сохранения секретности переговоры и подписание договора о займе проходили в Москве. В 1938–1939 гг. Китай и СССР заключили три кредитных соглашения на общую сумму 250 млн долларов США для закупки в Советском Союзе остро необходимых для войны самолётов, орудий, танков, стрелкового оружия, боеприпасов, бензина и других военных материалов. В период войны между Китаем и Японией советская военная помощь, за исключением незначительных поставок бензина, машинного масла и других товаров по системе товарообмена, полностью оплачивалась за счёт предоставленных Китаю советских кредитов²⁷². При этом цены на самолёты и другие виды вооружения, поставлявшиеся Советским Союзом Китаю, были значительно ниже цен, действовавших на мировом рынке того времени. И.В. Сталин заверил, что «будет сделано всё возможное для помощи великому китайскому народу в его героической освободительной войне против агрессора»²⁷³.

Советские кредитные займы, предоставленные Китаю, каждый раз использовались на основании заключённых контрактов на поставку. Первая сумма

²⁷¹ Чудодеев Ю. В. СССР и Китай накануне и в годы Второй мировой войны // Общество и государство в Китае. 2015. №2. С. 750-772.

²⁷² Сотникова И.Н. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937-1945 гг// Проблемы Дальнего Востока. 2011. Выпуск №3 С.130.

²⁷³ РГВА. Ф 40939. Оп.1. Д.19. Л.2.

в размере 50 млн долларов США была освоена в три этапа, всего на 48577436 долларов. Вторая сумма в 50 млн долларов США была освоена в два этапа, всего на 51442564 доллара (из них 1 442 564 доллара – это остаток от первого займа)²⁷⁴. Из третьей суммы в 150 млн долларов США было фактически освоено четыре транша на общую сумму 73175810,36 доллара. Оставшиеся средства не были перечислены в связи с началом советско-германской войны. При этом по поставкам советских самолётов и других видов вооружений Китаю длительное время не существовало точной статистики²⁷⁵.

Китайский исследователь Ли Цзягу, основываясь на неполных сохранившихся контрактах на поставки, пришёл к выводу, что в Китай было поставлено: 904 самолёта различных типов, в том числе 318 лёгких и тяжёлых бомбардировщиков; 82 танка, 1 526 автомобилей, 24 артиллерийских тягача, 1 190 орудий различных систем, 9 720 лёгких и тяжёлых пулемётов, 50 тыс. винтовок, свыше 1 670 млн винтовочных патронов, более 170 млн патронов к пулемётам, 31 100 авиабомб, свыше 1,87 млн артиллерийских снарядов, 221 авиационный двигатель, а также полный комплект запасных частей к самолётам, бензин и другие материалы²⁷⁶. Российский исследователь Ю.В. Чудодеев считает, что всего с октября 1937 г. по июнь 1941 г. Советский Союз поставил Китаю 1 250 самолётов, 82 танка, более 1 600 артиллерийских и зенитных орудий различных калибров,

²⁷⁴ Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. М.: 1957. С. 131.

²⁷⁵ Астафьев Г. В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917-1945 гг.) // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 77-82.

²⁷⁶ 李嘉谷. 抗战时期苏联援华飞机等军火物资数量问题的探讨 [Ли Цзягу. обсуждение вопроса о количестве советских самолетов и других вооружений, поставленных в Китай в период войны] // 近代史研究. 1993 年第 6 期, 141-142.

свыше 14 тыс. пулемётов, 50 тыс. винтовок, около 180 млн патронов, более 30 тыс. авиабомб, около 2 млн артиллерийских снарядов, а также бензин, грузовые автомобили, прочее оборудование и снаряжение²⁷⁷.

Независимо от разницы в оценках конкретных количественных показателей, советская военная помощь Китаю была, несомненно, весьма значительной. Эти поставки из СССР непрерывно поступали в Китай, оказывая мощную поддержку его сопротивлению японской агрессии. Благодаря самоотверженным усилиям и помощи Советского Союза Китай не только выстоял под мощным ударом агрессора, но и сумел к середине 1939 г. восстановить и развернуть крупные вооружённые силы²⁷⁸.

После начала полномасштабной войны сопротивления национальное правительство использовало советские кредиты для закупки большого количества вооружений и военной техники из СССР, которые доставлялись в основном морским и сухопутным путём. Морской маршрут проходил из советской Одессы в Гонконг, а также во вьетнамский Хайфон и бирманский Рангун, откуда грузы переправлялись вглубь страны. Однако под давлением Японии в 1940 г. Франция закрыла китайско-вьетнамскую автомобильную дорогу, а Великобритания перекрыла бирманскую дорогу, что привело к прекращению морских поставок²⁷⁹.

²⁷⁷ Чудодеев Ю.В. На земле и в небе Китая. Советские военные советники и лётчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны. 1937-1945 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С.22.

²⁷⁸ Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости, 1898-1949 гг. М.: 1996. С. 265.

²⁷⁹ Астафьев Г. В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917-1945 гг.) // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 76.

Сухопутный путь начинался в Сиане, проходил через Ланьчжоу, затем через Синьцзян, пересекал советско-китайскую границу по реке Хоргос и выходил к станции Сарые-Озёк Туркестано-Сибирской железной дороги в СССР. Общая протяжённость этой автотрассы составляла 3 750 км, из которых участок Хоргос – Сарые-Озёк длиной 230 км находился на территории СССР, а остальные 3 520 км пролегали по территории Китая. Эта дорога, получившая название Северо-Западная автотрасса, была построена в ноябре 1937 г. и в годы войны являлась основной магистралью северо-западной международной транспортной линии. Она стала «самой протяжённой по территории Китая, действовавшей дольше всех и наиболее безопасной международной транспортной линией», превратившись в жизненную артерию, от которой зависело выживание китайской нации²⁸⁰.

С конца 1937 г. до 1940 г. на китайско-советской транспортной линии на территории Китая трудились тысячи советских военных и гражданских специалистов, которые, рискуя жизнью и не жалея сил, внесли вклад как в реализацию внешнеполитической стратегии СССР, так и в дело китайской борьбы против японской агрессии. В первые годы войны, если бы не эта советско-китайская «линия жизни», все закупленные Китаем советские вооружения и военное снаряжение не смогли бы поступить из СССР и сыграть свою роль на фронтах войны сопротивления, а положение на китайском фронте было бы ещё более тяжёлым. Таким образом, военные советско-китайские коммуникации,

²⁸⁰ 陈开科. 抗战前期中苏交通线 与苏联军事物资输华[Чэнь Кайкэ: «Китайско-советские линии связи и советские военные поставки в Китай в предвоенный период».]//俄罗斯学刊, 2021 年第 4 期. 19-38.

особенно северо-западная транспортная линия в Китае, по праву могут считаться «линией жизни» Китая и заслуживают пристального изучения и памяти²⁸¹.

И.В. Сталин, хотя и не согласился на ввод советских войск в войну, в самый критический момент войны сопротивления по просьбе китайского правительства направил в Китай военных советников и военных технических специалистов для оказания прямой помощи в борьбе с японской агрессией. Эти советники и специалисты обладали высоким уровнем военной теоретической подготовки, значительным боевым опытом и высокой технической квалификацией, что позволило им оказать Китаю весьма эффективную помощь в ведении войны сопротивления. По статистическим данным, к середине февраля 1939 г., то есть через полтора года после начала японо-китайской войны, в Китае работали и участвовали в борьбе с агрессором 3 665 советских военных специалистов²⁸². У Чан Кайши имелся положительный опыт сотрудничества с советскими военными советниками. Во время Северного похода советские военные советники во главе с В.К. Блюхером оказали ему помощь в занятии провинции Цзянси, что заложило основу для установления его власти над всей страной. Чан Кайши высоко ценил В.К. Блюхера, считая, что один Блюхер может заменить 100 000 солдат. Ещё 2 августа 1937 г. Чан Кайши в беседе с Д.В. Богомоловым выразил надежду, что В.К. Блюхер сможет приехать в Китай и оказать содействие²⁸³. В мае 1938 г. Германия

²⁸¹ Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974). М.: 1977. С.172.

²⁸² Чудодеев Ю.В. На земле и в небе Китая. Советские военные советники и лётчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны. 1937-1945 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С.26.

²⁸³ 秦孝仪. 中华民国重要史料初编--对日抗战时期第三编--战时外交 (二) [Цинь Сяоюи. Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики: Период сопротивления

отозвала всех своих военных советников и специалистов из Китая. После этого Чан Кайши обратился к Советскому Союзу с просьбой направить военных советников и, по возможности, прислать в Китай В.К. Блюхера в качестве главного военного советника²⁸⁴.

Одной из важнейших задач советской дипломатии в тот момент было добиться, чтобы Чан Кайши не капитулировал перед Японией. После утраты Нанкина Чан Кайши не склонился к капитуляции, а призвал китайский народ продолжать борьбу до окончательной победы²⁸⁵. Действия китайских армии и народа на фронте серьёзно подорвали боевой дух японских войск и в значительной степени улучшили обстановку на советском Дальнем Востоке. В этих условиях И.В. Сталин охотно согласился на просьбу Чан Кайши о направлении военных советников²⁸⁶.

Из-за неполноты архивных материалов и высокой текучести кадров точное число советских советников в Китае установить пока не представляется возможным. По данным, предоставленным в последние годы российскими исследователями, общее число советских военных советников к концу 1939 г. составляло 75 человек; они были объединены в группы специалистов, подчинявшиеся китайскому Верховному главнокомандованию. Наибольшее количество советников в Китае наблюдалось в 1941 г. – 140 человек. Служба

Японии (часть III) -- Дипломатия военного времени (II)].台北: “国史馆”,1981. С. 341.

²⁸⁴ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.4. Кн. 1. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С.274.

²⁸⁵ Там же. С.79.

²⁸⁶ Галенович Ю.М. Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М.: ИДВ РАН, 2008. С.134.

советских советников и специалистов в Китае осуществлялась по ротационной системе, как правило, сроком на один год, иногда более. Всего за годы войны в Китай в разные периоды прибыли более 300 советских военных советников²⁸⁷.

Главный военный советник Советского Союза одновременно являлся начальником советской военной миссии в Китае, возглавлял группу советских советников при штабе Военного совета Китая и осуществлял общее руководство и координацию деятельности советников в различных военных округах. Численность группы советников при штабе, включая главного советника, постоянно составляла от 12 до 15 человек²⁸⁸.

Основной задачей главного военного советника было руководство работой советских советников и военных специалистов по оказанию помощи китайскому верховному командованию и штабам военных округов в разработке оперативных планов, анализе боевого опыта, а также в подготовке китайских войск к использованию современных видов вооружений в соответствии с последними требованиями тактики. Особое внимание уделялось обучению частей и соединений высокотехнологичных родов войск – авиации, танковых войск, артиллерии, инженерных подразделений. В период, когда должность главного советника занимал В.И. Чуйков, на него также была возложена задача предотвращения попыток Чан Кайши развязать гражданскую войну и сохранения единого национального фронта с целью мобилизации всех вооружённых сил на борьбу

²⁸⁷ Бородин Б.А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне, 1937-1941. М.: 1965. С. 161.

²⁸⁸ 周黎扬. 抗日战争期间苏联军事顾问在中国[Чжоу Лиян. Советские военные советники в Китае во время антияпонской войны]//百年潮. 2005 年第 8 期. С.28.

против японской агрессии. Советские военные советники были тщательно отобранными, высокоподготовленными офицерами, обладавшими выдающимися военными и политическими качествами, и внесли значительный вклад в подготовку и проведение крупных сражений под Уханем, Чанша, Ичаном и в других районах²⁸⁹.

В начале июня 1938 г. в составе китайских войск Первого, Второго, Третьего и Девятого военных округов, принимавших участие в Уханьском сражении, находились около 50 советских техников и инструкторов, занимавшихся подготовкой китайских подразделений, 200 советских лётчиков-добровольцев и примерно 400 советских военных советников, которые совместно с китайской армией участвовали в обороне города²⁹⁰. Советские советники активно занимались полевой подготовкой войск, обучали офицеров и солдат ведению боевых действий в условиях фронта, обращению с различными видами вооружений, освоению техники и оборудования, а также организации фортификационных работ. Они оказывали практическое руководство по повышению боевой эффективности штабной деятельности, авиации, артиллерии, танковых войск и других родов войск²⁹¹.

В то время большинство китайских генералов получили образование в США, Великобритании, Германии, Японии и других странах, что обуславливало наличие у них различных военных стандартов, подходов и привычек в решении военных

²⁸⁹ Чуйков В.И. Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983. С.202-221.

²⁹⁰ 薛衔天、金东吉.民国时期中苏关系（中）[юэ Цзиньтянь, Цзинь Дуңцзи. китайско-советские отношения в период Китайской Республики.]/北京：中共党史出版社，2009 年. С.109.

²⁹¹ Новиков М. В. Советские военные советники в Китайской Республике в 1938-1943 гг. (по материалам воспоминаний) // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 4(32). С. 56.

задач. Кроме того, части, подчинённые различным политическим группировкам, зачастую были связаны с региональными интересами, что нередко приводило к невыполнению приказов высшего командования на местах. Для реализации замыслов операций советским советникам часто приходилось терпеливо разъяснять их необходимость, лично выезжать на передовую, подавать личный пример и преодолевать многочисленные, порой непредвиденные, трудности²⁹².

В сентябре 1941 г. японское верховное командование разработало план наступления на Чанша. Обстановка стала чрезвычайно напряжённой. В случае победы агрессоров в Чаншаском сражении под угрозой оккупации оказывался весь юго-восток Китая. Главный советский военный советник в Китае В.И. Чуйков в своих мемуарах писал: «29 сентября меня срочно вызвал к себе Чан Кайши для беседы с глазу на глаз. Он желал получить совет о том, как противостоять японскому наступлению. Группа советских военных советников не сомкнула глаз всю ночь, а утром передала верховному главнокомандующему план обороны Чанша. Основной замысел заключался в том, чтобы центральная группировка китайских войск постепенно отступала с занимаемых позиций, втягивая противника в узкие горные проходы к северу и северо-востоку от города. В горах японцев ожидала советская артиллерия при полном боекомплекте»²⁹³. «Этот план был крайне рискованным. Сначала Чан Кайши не собирался принимать его целиком. Однако после проведённых убеждений и доказательств отсутствия иных

²⁹² *Калягин А. Я.* По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае). М.: 1979. С.132-134.

²⁹³ *Чуйков В.И.* Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983. С.209.

вариантов он в конце концов согласился с моими предложениями и отдал приказ от своего имени»²⁹⁴.

Разработанный советскими военными советниками план был выполнен на сто процентов: японцы не ожидали, что китайская армия применит столь дерзкий приём. Несмотря на то, что численность японских войск в этой операции превышала 100 тыс. человек, они потерпели полное поражение. Победа в этом сражении укрепила авторитет китайской армии как в глазах собственного народа, так и среди союзников²⁹⁵.

В августе 1937 г. Чан Кайши выразил надежду, что советское правительство позволит советским лётчикам в качестве добровольцев вступить в ряды китайской армии для участия в боевых действиях против агрессора. В январе 1938 г. Чан Кайши телеграфировал Яну Цзе с указанием, что для немедленного вступления в бой следует запросить у Советского Союза присылку по одной эскадрилье истребителей и бомбардировщиков. Советское правительство удовлетворило просьбу китайской стороны и, под видом авиационного добровольческого отряда, организовало и направило в Китай боевых лётчиков для участия в войне²⁹⁶.

Первая группа советских авиационных добровольцев, прибывшая в Китай, состояла из 254 лётчиков и технического персонала. 21 октября 1937 г. в Алма-Ате была сформирована вторая группа советских авиационных добровольцев численностью 447 человек, которая отправилась в Китай и вместе с первой группой

²⁹⁴ Там же. С.210.

²⁹⁵ Там же. С.211.

²⁹⁶ 李玉贞: “中苏外交文书选译 (上)” [Ли Южэнь. Избранные переводы китайско-советских дипломатических документов] // 近代史资料, 第 79 期, С.204.

образовала четыре авиационных эскадрильи, располагавшие 124 самолётами²⁹⁷. В ноябре того же года в Китай прибыла ещё одна группа советских авиационных добровольцев, расквартированная на аэродроме Ханькоу; в её составе было 150 лётчиков из Забайкалья. В конце декабря в Китай прибыла очередная группа, разместившаяся на аэродроме Наньчан. Впоследствии аэродромы Ханькоу и Наньчан стали основными базами советских авиационных добровольцев²⁹⁸.

Фактически советские авиационные добровольческие отряды представляли собой штатные подразделения ВВС СССР, находившиеся под командованием офицеров своих прежних частей и располагавшие собственным полным штатом тылового персонала и материальной базы. Для маскировки от японской разведки советские военнослужащие, прибывшие в Китай, переодевались в гражданскую одежду, однако сохраняли свои воинские звания и после возвращения в СССР, как правило, получали повышение. Ротация личного состава проводилась каждые шесть месяцев, обычно по 200–300 человек за раз²⁹⁹.

Помимо выполнения боевых задач, СССР создал в Ланьчжоу крупную авиационную учебную базу, а в Илийском крае – авиационную школу, где советские военные специалисты занимались интенсивной подготовкой китайских авиационных кадров. По статистике, к концу 1939 г. советская сторона подготовила для Китая 1045 лётчиков, 81 штурмана, 198 радистов и 8354

²⁹⁷ Вартанов В.Н. Операция "Z": Советские добровольцы в антияпонской войне китайского народа в 30-40-е гг. М.: 1992. С.9.

²⁹⁸ В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских лётчиков-добровольцев. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М.: 1980. С.7.

²⁹⁹ Вартанов В.Н. Операция "Z": Советские добровольцы в антияпонской войне китайского народа в 30-40-е гг. М.: 1992. С.9. С.21.

авиационных техника. Советские авиационные добровольцы включали китайских пилотов в свои боевые группы, что способствовало повышению их боевой подготовки и реального опыта. Воспитанные советскими специалистами кадры стали впоследствии костяком китайской авиации в войне против японских ВВС³⁰⁰.

При Китайском авиационном комитете была создана группа советских авиационных советников, в состав которой входили главный советник ВВС СССР, начальник штаба и заместитель начальника штаба. Общая численность группы составляла 8–10 человек³⁰¹.

Первым главным советником был военный атташе ВВС СССР П.Ф. Жигарев; в мае 1938 г. его сменил Г.И. Техаур³⁰².

Советские авиационные добровольцы добились значительных успехов в боевых действиях против японцев. По данным китайской стороны, годовые результаты уничтожения японской авиации советскими добровольцами в 1937–1941 гг. составили: в декабре 1937 г. – сбито 91 и уничтожено на земле 43 самолёта; в 1938 г. – сбито 130 и уничтожено 136; в 1939 г. – сбито 33 и уничтожено 71; в 1940 г. – сбито 16 и уничтожено 14; в 1941 г. – сбито 5. Всего за этот период было сбито и уничтожено 539 японских самолётов³⁰³.

С конца 1937 г. до 1941 г. в Китае побывало более 2000 советских военнотружущих ВВС – лётного и наземного состава. Среди них было много героев,

³⁰⁰ На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М.: 1977. С.140–141.

³⁰¹ Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза 1936–1939 гг. М.: Наука, 1987. С.330.

³⁰² 李嘉谷. 中苏国家关系史资料汇编 (1933–1945) [Ли Цзягу. Сборник данных по истории отношений Китай и Советского государства (1933–1945)].北京:中国社会科学文献出版社,1997年. 第 198 页.

³⁰³ В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских лётчиков-добровольцев. М.: 1980. С.12.

более 200 советских лётчиков погибли в боях. За проявленные доблесть и героизм 14 человек были удостоены звания Героя Советского Союза (22 февраля 1939 г.), ещё 14 человек – ордена Ленина, 193 – ордена Боевого Красного Знамени, а 125 – ордена Красной Звезды³⁰⁴.

Несмотря на то, что советские авиационные добровольцы были инструментом реализации стратегических и тактических целей СССР, для Китая они представляли собой наиболее значимую помощь в сопротивлении японскому фашизму и имели неоценимое военное значение. Советские авиационные добровольческие отряды стали первыми иностранными авиационными подразделениями, оказавшими помощь Китаю в войне с Японией, опередив американский «Авиакорпус “Тигров”» на четыре года. Хотя китайская авиация на раннем этапе воздушных боёв достигала определённых успехов, с течением времени, из-за потерь самолётов, её боеспособность резко снижалась. Прибытие советских самолётов и добровольцев стало своевременной и жизненно необходимой поддержкой, обеспечив пополнение сил³⁰⁵.

На протяжении восьмидесяти лет китайский народ бережно хранит память о дружбе между Китаем и Россией, скреплённой кровью и потом в бою, глубоко чтит советских авиационных добровольцев, оказавших помощь в борьбе с японской агрессией. Советские авиационные добровольцы способствовали восстановлению китайских ВВС, совместные действия китайских и советских авиационных сил

³⁰⁴ Вартанов В. Н. Военная помощь СССР китайскому народу накануне и в годы Второй мировой войны (1937-1945). М.: 1990. С.190.

³⁰⁵ 张青松. 中国上空的鹰—苏联援华志愿队战史（1937-1941）[Чжан Цинсун. Орлы над Китаем - военная история советского добровольческого корпуса для Китая (1937-1941)]. 北京：中国致公出版社. С. 33.

разрушили миф о непобедимости японской авиации и обеспечили блестящие результаты в боях, сыграв значительную роль в победе Китая в войне с Японией.

Около 430 советских авиационных добровольцев были награждены правительством Китайской Республики различными степенями ордена «Юньмо». После образования Нового Китая средства массовой информации, такие как газеты «Жэньминь Жибао» и «Чанчзян Жибао», неоднократно публиковали материалы о советских авиационных добровольцах. В Ухане, Чунцине, Нанкине, Ваньчжоу и других городах были сооружены памятники героям – самоотверженным добровольцам, а подвиг советского лётчика Кулишенко включён в систему национального патриотического воспитания. Таким образом, на протяжении десятилетий как государство, так и широкие слои населения Китая продолжают чтить память о помощи советских авиационных добровольцев в сопротивлении японской агрессии³⁰⁶.

На памятнике советским авиационным добровольцам в Ухане написано:

«В 1938 г., когда китайский народ подвергался яростной агрессии японских фашистов, советский народ бескорыстно послал своих лучших сыновей – советских авиационных добровольцев – в Китай, чтобы оказать помощь китайскому народу в великой и справедливой борьбе против японских фашистов.

Советские авиационные добровольцы вместе с китайским народом совершили множество героических подвигов в борьбе с японским фашизмом. Базируясь в Ухане, они совершали смелые дальние вылеты в Тайбэй, наносили

³⁰⁶ 陈开科. 中苏外交战略协调背景下的苏联援华航空志愿队”[Чэнь Кайкэ. Советский авиационный добровольческий корпус для Китая в контексте китайско-советской дипломатической стратегической координации]//抗日战争研究, 2015 年第 4 期. С.72.

мощные удары по вражеским кораблям на Янцзы и мужественно участвовали в защите Уханя, нанося серьёзные удары по японской агрессии и укрепляя боевой дух китайского народа. Во время ожесточённых боёв многие добровольцы отдали свои жизни, среди них командир тяжёлого бомбардировочного авиаполка Кулишенко и командир истребительного авиаполка Рахманов. Ради освобождения китайского народа кровь советских добровольцев слилась с кровью китайского народа. Они навсегда останутся в сердцах китайского народа. Пусть благородный интернационалистский дух рабочего класса всегда укрепляет нерушимую дружбу народов Китая и СССР!

Вечная слава героям!»³⁰⁷

Военная помощь Советского Союза Китайской Республике в период антияпонской войны 1937–1945 гг. была неотъемлемой частью внешнеполитических концепций обеих стран, основанной на взаимных стратегических интересах и стремлении к противодействию японской агрессии. Как Чан Кайши, так и И.В. Сталин ясно осознавали ключевую роль Китая как фактора, сковывающего японские войска, что определило масштаб и характер советской поддержки, а также её значимость для продолжения китайского сопротивления.

Советская военная помощь имела комплексный характер и включала несколько взаимосвязанных направлений: предоставление кредитных займов на закупку военной техники и вооружений, организованную доставку этих материалов по специальным транспортным линиям, направление военных

³⁰⁷ 党史研究资料[Исследовательские материалы по истории партии]//1988 年第 7 期. С. 23-24.

советников и авиационного добровольческого отряда. Кредитные соглашения, заключенные в 1938–1939 гг. на сумму 250 млн долларов США, стали финансовой основой для закупки в СССР самолётов, танков, артиллерии, стрелкового оружия и боеприпасов, при этом цены на поставляемые товары были значительно ниже мировых. Северо-Западная автотрасса, ставшая основной «линией жизни» для доставки военных материалов, несмотря на сложности и риски, обеспечивала непрерывность поддержки в критические периоды войны, особенно после закрытия морских и других сухопутных маршрутов под давлением Японии.

Важнейшим компонентом советской помощи стали военные советники и авиационные добровольцы. Более 300 советских военных советников, обладающих высоким боевым опытом и теоретической подготовкой, оказывали прямое руководство китайским командованием в разработке оперативных планов, обучении войск использованию современного вооружения и проведении крупных боёв – в частности, при обороне Уханя и Чанша, где советские специалисты разработали ключевые тактические решения, приведшие к победе над японскими силами. Советский авиационный добровольческий отряд, являющийся фактически штатным подразделением ВВС СССР, кроме боевых действий (в ходе которых было уничтожено более 500 японских самолётов), принимал активное участие в подготовке китайских авиационных кадров, создав основу для восстановления и развития китайской авиации.

Несмотря на различия в оценках конкретных количественных показателей поставок вооружений (согласно данным китайских и российских исследователей), несомненно, что советская помощь была весьма значительной и сыграла

решающую роль в том, чтобы Китай выстоял под ударом японского агрессора, восстановил свои вооружённые силы и смог продолжать активное сопротивление. Это сотрудничество не только соответствовало стратегическим интересам СССР по обеспечению безопасности Дальнего Востока, но и стало важным вкладом в общую антифашистскую борьбу, скреплением дружбы между народами Китая и СССР кровью и подвигом.

Советская военная помощь Китаю в период антияпонской войны стала важным этапом в истории советско-китайских отношений, а подвиги советских военных советников и авиационных добровольцев сохранились в национальной памяти Китая, получившие отражение в памятниках, исторических исследованиях и патриотическом воспитании. Таким образом, эта помощь была не только фактором военного успеха Китая в борьбе с японской агрессией, но и выражением взаимной поддержки двух стран в критический период мировой истории, подтверждая значимость международного сотрудничества в противодействии агрессии.

Глава 4. Сворачивание военной помощи СССР Китаю и смещение дипломатического фокуса во внешней политике Чан Кайши (1939–1941 гг.)

Четвёртая глава посвящена анализу завершающего этапа активной фазы советско-китайского военно-политического взаимодействия в конце 1930-х – начале 1940-х гг., когда произошло постепенное сворачивание военной помощи СССР Китайской Республике и одновременно наметилось смещение дипломатических приоритетов во внешней политике Чан Кайши. Указанный период характеризовался существенными изменениями международной обстановки, связанными с началом Второй мировой войны в Европе, заключением советско-германского пакта о ненападении и трансформацией системы международных союзов. Новые геополитические реалии обусловили переоценку стратегических ориентиров всеми вовлечёнными сторонами. Для СССР приоритетным становилось обеспечение безопасности западных рубежей и предотвращение одновременного вовлечения в крупномасштабный конфликт на двух фронтах. В этих условиях объёмы и характер советской поддержки Китая объективно изменялись. Со своей стороны, Чан Кайши был вынужден учитывать как сокращение материально-технической помощи со стороны Москвы, так и изменение расстановки сил в международной системе, что стимулировало активизацию поиска альтернативных источников поддержки и укрепление контактов с другими державами.

В рамках главы предполагается проанализировать причины и механизмы сворачивания советской военной помощи, её влияние на стратегию китайского руководства, а также процесс смещения дипломатического фокуса во внешней политике Китайской Республики в 1939–1941 гг. Особое внимание будет уделено взаимосвязи внешнеполитических решений с внутренними факторами – состоянием фронта, отношениями с Коммунистической партией Китая и необходимостью сохранения политической устойчивости режима.

4.1. Реакция Чан Кайши на советско-финляндский конфликт в контексте многосторонней дипломатии

Временной промежуток между 1937 г., когда в полную силу разгорелась китайско-японская война, и 1941 г., когда началась советско-германская война, был сложным периодом в мире. Международный единый фронт против фашизма ещё не был сформирован. Германия находилась в конфронтации с Великобританией и Францией. В то же время Великобритания, Франция и США враждовали с Советским Союзом на идеологической почве. На этом фоне Германия готовилась напасть на СССР, а Чан Кайши нуждался в советской военной помощи, чтобы противостоять японской агрессии. Однако он опасался ухудшения отношений с США и Великобританией в случае чрезмерного сближения с Советским Союзом.

Соединённые Штаты и Британия рассматривали возможность привлечь на свою сторону Японию, «пожертвовав» Китаем, чтобы противостоять Германии и Советскому Союзу. Экспансия Японии набирала обороты, и она встала перед

выбором: напасть на Советский Союз на севере или же вступить в войну с Соединёнными Штатами и Британией на юге. В последнем случае Советский Союз, скорее всего, также пошёл бы на компромисс с Германией и Японией. Очевидно, что Советский Союз, несомненно, находился в эпицентре меняющейся мировой ситуации, и любые дипломатические шаги Советского Союза оказали бы большое влияние на китайское национальное правительство, которое могло рассчитывать только на военную помощь СССР в борьбе с Японией. Поэтому для Чан Кайши было крайне важно точно изучать дипломатические шаги Советского Союза и принимать своевременные и разумные контрмеры, чтобы не быть целиком зависимым от внешней политики Советского Союза, занять выгодную позицию на международной дипломатической арене и стремиться к большей международной помощи.

Началу советско-финляндского конфликта предшествовали переговоры между СССР и Финляндией, проходившие в Москве с 12 октября по 9 ноября 1939 г. На переговорах обсуждался вопрос о заключении пакта о взаимопомощи между странами в условиях начавшейся Второй мировой войны, а также о продаже, аренде или обмене спорных территорий, имевших стратегическое значение в случае начала боевых действий на этом направлении. Все предложения СССР были отвергнуты финляндской стороной. 29 ноября 1939 г. посланнику Финляндии в Москве была вручена нота о разрыве дипломатических отношений между СССР и Финляндией. 30 ноября в 8 часов утра войска Ленинградского фронта получили приказ перейти границу с Финляндией. В тот же день президент Финляндии К. Каллио объявил войну СССР. Так начался советско-финляндский конфликт 1939—

1940 гг.³⁰⁸ В ходе конфликта западные державы оказывали Финляндии масштабную военную помощь³⁰⁹. Как следствие, отношения между Советским Союзом и западными державами ещё больше ухудшились. Эти сложные изменения в мировой ситуации обеспокоили Чан Кайши, который в значительной степени полагался на международную военную помощь.

Почти сразу после начала советско-финляндского конфликта, 1 декабря 1939 г., Чан Кайши направил И.В. Сталину два письма, в которых выразил благодарность за военную помощь, предоставленную Советским Союзом. В своих посланиях он подчеркнул, что Китай и СССР связаны тесными отношениями, и успехи или неудачи одной стороны неизбежно влияют на другую. Чан Кайши также отметил, что в вопросах внешней политики необходимо достигать консенсуса, особенно в условиях растущей напряжённости в Европе³¹⁰. Из этого видно, что Чан Кайши предпочитал видеть ситуацию в Европе стабильной и надеялся, что Советский Союз, европейские державы и США будут уделять больше внимания ситуации на Дальнем Востоке, и даже мечтал о том, чтобы Дальний Восток также был включён в систему коллективной безопасности. Как говорилось в письме, «отношения Великобритании с СССР не столь близки, как до войны в Европе, и существуют некоторые различия между советскими и американскими взглядами, а по дальневосточному вопросу интересы и позиции Великобритании,

³⁰⁸ См.: По обе стороны Карельского фронта, 1941-1944: Документы и материалы / ред. В.Г. Макуров. Петрозаводск: Карелия, 1995. С. 7-9.

³⁰⁹ Зимняя война. 1939-1940 гг. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию советско-финляндской войны / М.: 2009. С. 405-406.

³¹⁰ Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Кн. 1. 1937-1944 гг. / ред. С.Л. Тихвинский. М.: 2010. С. 547-549.

США и СССР не всегда совпадают»³¹¹. Гу Вэйцзюнь (顾维钧), китайский посол во Франции, хорошо знакомый с ситуацией в Европе, 4 декабря отправил телеграмму в Министерство иностранных дел Китая, в которой он подробно изложил свои взгляды на то, как следует правильно и дипломатично реагировать на советско-финляндский конфликт. Гу Вэйцзюнь указал, что, несмотря на глубокое сочувствие Национального правительства Китайской Республики (во главе с Чан Кайши) к положению Финляндии и других уязвимых стран, реальная геополитическая ситуация требовала особого внимания к позиции Советского Союза. Это объяснялось тем, что СССР на тот момент являлся главным поставщиком военной помощи для Китая.

Однако если бы Китай хранил молчание в отношении советско-финляндского конфликта, это вызвало бы недовольство Китаем на Западе и риск потерять поддержку Запада в войне Китая против Японии³¹². Столкнувшись с такой неоднозначной ситуацией, Гу Вэйцзюнь предположил, что, когда обе стороны в советско-финляндском конфликте ещё не вошли в активную фазу противостояния, Китай должен был обозначить свою позицию, добиться её понимания и стремиться к мирному урегулированию конфликта. Чан Кайши записал в своём дневнике 6 декабря 1939 г.: «Лига Наций созвала заседание 9 числа для обсуждения разногласий между Россией и Финляндией, это – ещё один новый [неожиданно] возникший вопрос, [над которым я] без устали думаю»³¹³. Чан Кайши не мог не

³¹¹ Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Кн. 1. 1937-1944 гг. / ред. С.Л. Тихвинский. М.: 2010. С. 359.

³¹² 顾维钧回忆录 (第四册) [Мемуары Гу Вэйцзюня. Т.4]. 北京: 中华书局. 1986. С. 115.

³¹³ 蒋介石日记 (手稿), 1939 年十二月六日 [Дневник Чан Кайши (рукопись), 6 декабря 1939 г].

сокрушаться: «Международная ситуация с началом войны между Советским Союзом и Финляндией вызывает всё больше споров, в это время следует обратить внимание на отношения с Советской Россией как на ключевые, поэтому если я выступлю против Советской России, отношение англичан и французов ко мне будет всё более и более холодным»³¹⁴.

Гу Вэйцзюнь подробно разъяснил позицию Китая представителям Великобритании и Франции на заседании Лиги Наций, надеясь, что они поймут сложное положение китайского правительства. 5 декабря 1939 г. Гу Вэйцзюнь поочередно обсудил советские и финляндские претензии с британским послом во Франции сэром Р.Х. Кэмпбеллом (Ronald Hugh Campbell) и генеральным секретарём французского министерства иностранных дел А. Леже (Alexis Léger)³¹⁵. От них Гу Вэйцзюнь узнал, что Великобритания и Франция полностью поддерживали Финляндию и единодушно требовали от Китая осудить Советский Союз. Гу Вэйцзюнь, напротив, отметил, что Китаю будет трудно сделать это, так как продолжающееся сопротивление Китая японской агрессии в то время в значительной степени зависело от советской военной помощи, а Советский Союз занимал прокитайскую позицию на всех заседаниях Лиги Наций, где обсуждался китайско-японский конфликт. Таким образом, Китаю было бы крайне невыгодно занять позицию осуждения Советского Союза на заседании Лиги Наций. Генеральный секретарь Министерства иностранных дел Франции А. Леже считал, что в такой ситуации для Китая было бы большой ошибкой занять позицию

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ 顾维钧回忆录 (第四册) [Мемуары Гу Вэйцзюня. Т.4]. 北京: 中华书局. 1986. С. 150.

уклончивого нейтралитета и что таким образом Китай будет изолирован от мира. Китай также должен был учитывать позицию США, где общественное мнение единодушно выступало против СССР и симпатизировало Финляндии, при этом именно Соединённые Штаты могли бы внести большой вклад в решение проблем Дальнего Востока, чем любая другая страна³¹⁶. В связи с этим Гу Вэйцзюнь заявил, что если Китай займёт антисоветскую позицию, то Советский Союз немедленно прекратит военную помощь Китаю, и спросил, могут ли Великобритания и Франция в таком случае взять на себя бремя военных поставок Китаю в тех объёмах, которые предоставлял СССР. Было очевидно, что Великобритания и Франция были совершенно неспособны сделать то, о чём просит Китай, с точки зрения своих собственных интересов³¹⁷.

В начале 1939 г. Франция направила в Китай военно-консультативную миссию, но под давлением японцев французское правительство отозвало её и даже не разрешило оставить двух-трёх человек для преподавания в китайских военных училищах. Таким образом, очевидно, что Китай не мог рассчитывать на то, что Франция отправит в Китай тяжёлые вооружения, такие как самолёты, танки и артиллерию, как это сделал Советский Союз³¹⁸. В свою очередь, с октября 1937 г. по июнь 1941 г. Советский Союз поставил Китаю 1250 самолётов, 82 танка, более 1600 артиллерийских и зенитных орудий различных калибров, свыше 14 тыс. пулемётов, 50 тыс. винтовок, около 180 млн патронов, более 30 тыс. авиабомб,

³¹⁶ 顾维钧回忆录 (第四册) [Мемуары Гу Вэйцзюня. Т.4]. 北京: 中华书局. 1986. С. 152.

³¹⁷ Там же. С. 153.

³¹⁸ 陈晋文. 法国军事顾问团来华与抗战前期中法关系[Чэнь Цзиньвэнь. Французская военно-консультативная группа в Китае и китайско-французские отношения в предвоенный период] // 民国档案. 1998. 第 2 期. С. 77-82.

около 2 млн снарядов, а также бензин, грузовые автомашины и другое оборудование и снаряжение³¹⁹. Независимо от конкретной суммы, советские военные поставки в Китай были, несомненно, значительными. Постоянный приток этих советских военных материалов в Китай оказывал мощную поддержку упорному сопротивлению Китая японской агрессии. Благодаря самоотверженным усилиям Китайская Республика при помощи СССР не только выстояла под натиском агрессора, но и одержала победу в битве при Чанша в 1941 г.³²⁰. С конца 1937 по 1941 гг. в Китай для участия в войне прибыло более 2000 лётчиков и членов наземных экипажей Добровольческого корпуса советских ВВС, более 200 лётчиков советских ВВС погибли, выполняя интернациональный долг³²¹. Мао Цзэдун говорил: «Со времён войны сопротивления против Японии ни одно империалистическое правительство не оказало нам реальной помощи, только Советский Союз, предоставивший большое количество авиации и материалов»³²². Даже последовательно проамерикански настроенная Сун Мэйлин (宋美龄) открыто признавала: «Материальная помощь от Советского Союза за три года войны сопротивления Китая фактически в несколько раз превышала общую сумму, полученную от Великобритании и США»³²³. В феврале 1940 г. тогдашний министр

³¹⁹ Чудодеев Ю.В. На земле и в небе Китая. Советские военные советники и лётчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны. 1937-1945 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С.22.

³²⁰ Чуйков В.И. Миссия в Китае. М.: 1983. С. 219.

³²¹ В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских лётчиков-добровольцев. М.:1980. С. 12.

³²² 毛泽东选集 (第二卷) [Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 2]. 北京: 人民出版社, 1967 年. 第 619 页.

³²³ 中国抗日战争大事记 / 中国抗日战争史学会, 中国人民抗日战争纪念馆编 [Хронология китайской войны сопротивления против Японии / Сост.: Научное общество истории Войны сопротивления Японии, Мемориальный музей Войны сопротивления Японии]. 北京: 北京出版社, 1997. С. 402.

финансов Китая Кун Сянси также отмечал: «Все страны говорят о помощи Китаю, но фактически только Советский Союз оказывает нам реальную помощь. Советский Союз предложил нам заём в 50 миллионов долларов, затем еще 50 миллионов, и, наконец, 150 миллионов, итого 250 миллионов долларов. Могу ли я спросить, какая страна в мире оказала нам такую же помощь, как Советский Союз?»³²⁴. Всё вышеперечисленное явно говорит о понимании и осознании руководством Республиканского Китая и КПК масштабов и важности советских поставок.

Тем не менее, считая, что добиться понимания со стороны Соединённых Штатов крайне важно, Гу Вэйцзюнь 6 декабря встретился с Р.Д. Мерфи (R.D. Murphy), американским поверенным в делах во Франции. От него стало известно, что Соединённые Штаты крайне недовольны европейской политикой Советского Союза и, учитывая растущее возмущение американского общества, хотят, чтобы Лига Наций исключила Советский Союз из своего состава³²⁵. На заседании Исполнительного совета Лиги Наций 9 декабря Финляндия заняла относительно сдержанную позицию, надеясь, что конфликт удастся разрешить мирным путём при посредничестве, но по предложению южноамериканских стран Лига Наций обсудила вопрос об исключении СССР из членов организации. Для того чтобы Лига Наций могла исключить члена организации, было необходимо единогласное решение членов Исполнительного совета Лиги Наций, и обязательно положительный голос Китая как члена Исполнительного совета Лиги Наций. Лига

³²⁴ Панюшкин А.С. Записки посла Китай 1939-1944 гг. М.:1981. С. 47.

³²⁵ 顾维钧回忆录 (第四册) [Мемуары Гу Вэйцзюня. Т.4]. 北京: 中华书局. 1986. С. 157.

Наций, в свою очередь, дала понять, что она хочет принять предложение об исключении Советского Союза из своего состава, но при этом в курсе, что Китай по собственным причинам не может голосовать за это предложение, и поэтому опасается, что Китай будет голосовать против³²⁶.

Столкнувшись с такой ситуацией, Ж. Авеноль (J. Avenol), генеральный секретарь Лиги Наций, предложил так называемое взаимовыгодное решение. В то время, когда срок полномочий Китая в качестве общего непостоянного члена Лиги Наций истечёт, Лига, чтобы достичь цели исключения Советского Союза из своего состава, примет специальные меры для проведения двух выборов – общих непостоянных членов и временных членов. В такой ситуации Лига Наций может голосовать без присутствия Китая, чтобы обеспечить принятие предложения. После принятия резолюции Лигой Наций Китай избирается в Исполнительный совет Лиги Наций³²⁷. Однако вечером 13 декабря Гу Вэйцзюнь получил от Чан Кайши инструкции о том, что китайское национальное правительство решило отказаться от своей кандидатуры на место в Исполнительном совете Лиги Наций, чтобы не оказаться в затруднительном положении, когда Исполнительный совет будет обсуждать вопрос об исключении Советского Союза из Лиги Наций в более поздний срок³²⁸.

В то же время советская сторона внимательно следила за дипломатическими ходами Китая в Лиге Наций. 30 ноября 1939 г. советский посол в Китае А.С. Панюшкин встретился со специальным посланником Национального

³²⁶ Там же. С. 159.

³²⁷ Там же. С. 161.

³²⁸ Там же. С. 162.

правительства Хэ Яоцзу (贺耀祖)³²⁹, который собирался поехать в Советский Союз. А.С. Панюшкин заявил, что Советско-финляндская война была полностью провокацией финляндского правительства и что целью советского правительства не был «захват финляндских земель», как сообщила японская газета Ёмиури Симбун (Yomiuri Shimbun). Он спросил у Хэ Яоцзу, что китайское правительство думает о конфликте между Советским Союзом и Финляндией. Однако на тот момент у китайского правительства не было официального мнения, поэтому Хэ мог лишь высказать своё личное отношение и выразить надежду на мирное разрешение инцидента³³⁰. Чтобы продолжить знакомство с позицией китайского правительства, 7 декабря А.С. Панюшкин вновь встретился с Фэн Юйсяном, в то время членом Постоянного комитета Высшего совета национальной обороны Национального правительства Китайской Республики. В ходе беседы Фэн Юйсян сообщил, что на состоявшемся утром заседании Высшей конференции национальной обороны обсуждался в основном вопрос о том, какую позицию займёт китайское правительство в деле Финляндии против Советского Союза на предстоящей 9 декабря конференции Лиги Наций. Далее Фэн сообщил, что на заседании Высшего совета национальной обороны 16 из 18 участников придерживались мнения, что Советский Союз – единственный друг Китая, что Китай не должен занимать позицию осуждения Советского Союза вслед за Великобританией и Францией, что так называемая «беспристрастная позиция» США по отношению к Финляндии

³²⁹ Хэ Яоцзу (贺耀祖) (1889–1961) – генерал Китайской Республики, политик и дипломат. После начала антияпонской войны стал начальником Главного управления Военной комиссии (Управления обследования и статистики Военного комитета) Национального правительства и получил звание генерала армии. Он был близким соратником Чан Кайши.

³³⁰ АВПРФ. Ф. 100. Оп. 24. Д. 196. Л. 8.

сомнительна, и что значительная часть военных поставок Японии осуществляется из Соединённых Штатов. В то же время было принято решение не публиковать в отечественных газетах неблагоприятные для Советского Союза новости, а только сообщения о солидарности с ним³³¹. 8 декабря Чан Кайши поручил Чжан Цюню (张群) ³³² передать советскому послу в Китае А.С. Панюшкину, что на данном заседании Лиги Наций у Китая нет причин отказываться от участия в конференции ввиду того, что Лига ранее приняла ряд благоприятных для Китая резолюций по вопросу китайско-японского конфликта, но что на конференции он будет выступать против всех предложений, неблагоприятных для Советского Союза³³³. Однако при этом Чан Кайши также опасался, что если он полностью поддержит советскую позицию, то это вызовет недовольство западных держав. Международная дипломатия Китая находилась в очень сложном положении, и Чан Кайши не мог не сокрушаться: «На сердце горько и тело в муках, и внутри [страны] и снаружи [события развиваются] стремительно, очень боюсь, что все труды пойдут прахом, и не будет никакой [пользы] ни партии, ни стране» (心苦身亡, 内外交急, 甚恐功亏一篑, 无以对党国耳)³³⁴.

³³¹ Там же. Л. 26.

³³² Чжан Цюнь (张群) (1889–1990) – китайский государственный, политический и военный деятель, дипломат. В декабре 1935 г. главой правительства Китая вновь стал Чан Кайши и назначил министром иностранных дел государства Чжан Цюня. Летом 1937 г. началась война с Японией, Чжан Цюнь к этому времени оставил пост министра и был первым вице-премьером у Чан Кайши. После того как новым главой правительства стал Кун Сянси, он остался на этом посту. В декабре 1939 г. в очередной раз правительство Китая возглавил Чан Кайши, место в новом правительстве Чжан Цюнь не сохранил.

³³³ АВПРФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 311. Л. 277.

³³⁴ 蒋介石日记 (手稿), 1939 年十二月九日 [Дневник Чан Кайши (рукопись), 9 декабря 1939 г].

Двадцатая сессия Ассамблеи Лиги Наций была созвана 14 декабря. По инициативе представителя Аргентины в повестку заседания был включён вопрос об исключении СССР из числа членов организации. Чтобы предотвратить возможность того, что Китай в итоге проголосует против исключения Советского Союза из Конгресса Лиги Наций, глава британской делегации попросил китайского делегата Гу Вэйцзюня заверить его, что он не будет голосовать против. Гу Вэйцзюнь заявил, что ему было дано указание просить воздержаться от голосования. Дабы другие страны не последовали примеру Китая и не воздержались, Генеральная ассамблея распорядилась, чтобы Китай выступал последним³³⁵. Из 40 государств – членов Лиги Наций, участвовавших на тот момент в Генеральной Ассамблее, 28 проголосовали за резолюцию о высылке. 9 государств воздержались (Швеция, Норвегия, Дания, Латвия, Эстония, Литва, Болгария, Китай и Швейцария). Ещё 3 страны (Перу, Иран, СССР) не прислали своих представителей³³⁶.

В соответствии с правилами процедуры Лиги Наций, проект сессии, принятый Ассамблеей Лиги Наций, должен быть рассмотрен Советом Лиги Наций, прежде чем он будет официально одобрен для принятия. В этот день Совет Лиги Наций ознакомился с резолюцией, принятой ассамблеей Лиги Наций, и вынес постановление об исключении СССР из её состава³³⁷. На это сразу же

³³⁵ 顾维钧回忆录 (第四册) [Мемуары Гу Вэйцзюня. Т.4]. 北京: 中华书局. 1986. С. 162.

³³⁶ Хормач И.А. СССР в Лиге Наций, 1934–1939 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 397.

³³⁷ United Nations Library & Archives Geneva. File R5208/14/39544/1139 – 107th Session of the Council, December 1939 – Verbatim Records // United Nations Library & Archives. November 2, 2021. URL: <https://archives.ungeneva.org/107th-session-of-the-council-december-1939-verbatim-records> (дата обращения: 29.04.2025).

отреагировали в Советском Союзе. В сообщении ТАСС отмечалось: «Не приходится уже говорить, что сама обстановка, при которой готовилась и выносилась резолюция Лиги Наций, направленная против СССР, разоблачает скандальные махинации, к которым прибегли англо-французские представители в Лиге Наций для достижения указанной цели. Как известно, Совет Лиги Наций состоит из 14 членов, за резолюцию же об «исключении» СССР было подано только 7 голосов, то есть резолюция принята меньшинством членов Совета Лиги. Остальные 7 членов Совета относятся либо к числу воздержавшихся (Греция, Югославия, Китай и сама Финляндия), либо к числу отсутствовавших (Перу, Иран, и сам СССР). Состав представителей 7 государств, голосовавших за «исключение» СССР, говорит сам за себя: Англия, Франция, Бельгия, Боливия, Египет, Южно-Африканский Союз, Доминиканская Республика»³³⁸. Большинство Ассамблеи и почти половина Совета проголосовали за резолюцию. С юридической точки зрения решение подобного рода являлось спорным, что дало Москве повод квалифицировать его как «скандальное и незаконное»³³⁹. Такой шаг Лиги Наций, несомненно, был неэффективен для мирного урегулирования конфликта и нанёс ущерб созданию всемирного антифашистского альянса.

Такие действия Китая вызвали недовольство Советского Союза, и 23 декабря А.С. Панюшкин спросил Фэн Юйсяна, почему Китай не проголосовал против этого проекта на заседании Лиги Наций. Фэн объяснил, что шаг Гу Вэйцзюня был полностью его собственным решением в свете ситуации, сложившейся на тот

³³⁸ Правда. 1939. 16 декабря.

³³⁹ Зимняя война 1939-1940. Книга первая. Политическая история / Отв. ред. Е.Н. Кульков, О.А. Ржешевский. М.: 1998. С. 238.

момент³⁴⁰. А.С. Панюшкин также выразил недовольство по поводу того, что китайское общественное мнение сравнивает СССР с царской Россией, а китайская пресса тиражирует неблагоприятные сообщения об СССР из западных СМИ³⁴¹. 28 декабря советский посол в Китае вновь встретился с министром иностранных дел Китайской Республики Ван Чунхуэем, заявив ему: «Учитывая помощь Советского Союза Китаю, единственный правильный выбор Китая – голосовать против проекта Финляндии»³⁴². Чан Кайши в своём дневнике 6 января 1940 г. сетовал: «Позиция России неопределённая, и это не то, на что Китай может повлиять в одностороннем порядке»³⁴³.

8 января 1940 г. китайский посол в СССР сложил свои полномочия, подав прошение об отставке народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову. В.М. Молотов жаловался Ян Цзе (杨杰): «СССР по-прежнему последователен в своём отношении к китайскому правительству, но, когда Лига Наций исключила СССР из своего состава, если бы китайские делегаты возражали против этого, такого исхода событий можно было бы избежать, а действия китайских делегатов в Лиге Наций по этому поводу равносильны тому, чтобы помочь англичанам и французам нанести удар по СССР, и каковы истинные намерения Республиканского Китая – трудно понять. Я надеюсь, что ваш посол доложит об этом вашему правительству»³⁴⁴.

³⁴⁰ АВПРФ. Ф. 100. Оп. 24. Д.196. Л. 62.

³⁴¹ *Панюшкин А.С.* Записки посла: Китай 1939-1944 гг. Москва: Институт Дальнего Востока, 1981. С. 162.

³⁴² АВПРФ. Ф. 100. Оп. 24. Д.196. Л. 71.

³⁴³ 蒋介石日记 (手稿), 1940 年一月六日 [Дневник Чан Кайши (рукопись), 6 января 1940 г].

³⁴⁴ 中华民国重要史料初编--对日抗战时期第三编--战时外交 (二) / 秦孝仪主编 [Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики: Период сопротивления

Недовольство советской стороны отразилось и на визите китайского посланника Хэ Яоцзу в Советский Союз, где его встреча с народным комиссаром обороны СССР К.Е. Ворошиловым дважды откладывалась. 11 января, в ходе встречи с Хэ Яоцзу, В.М. Молотов спросил, почему китайское правительство молчаливо согласилось с действиями китайских делегатов без разъяснения причин. Как только разговор был закончен, В.М. Молотов встал, чтобы проводить своих гостей, избегая при этом обсуждения вопросов о военной материальной помощи Китаю³⁴⁵.

Конференция Лиги Наций в то время находилась под контролем Великобритании и Франции. Положение Китая было многократно объяснено Советскому Союзу, так почему же Советский Союз продолжал обвинять Китай? В ответе Хэ Яоцзу Чан Кайши говорилось, что намерения Советского Союза были двоякими: 1) быть «холодным» с Китаем, чтобы вести переговоры с Японией; 2) испытать Китай, чтобы понять, будет ли он противостоять Советскому Союзу вместе с Великобританией и Соединёнными Штатами³⁴⁶.

Предложение Хэ Яоцзу было следующим: «Поскольку Советский Союз не договорился с Китаем заранее, было неуместно догадываться о замыслах Советского Союза... Китай, находившийся перед лицом врага и не видевший даже проблеска в решении проблемы японского вторжения, был первым брошен в

Японии (часть III) -- Дипломатия военного времени (II) / Сост.: Цинь Сяои.]. 台北: 国史馆, 1981 年. 第 362 页.

³⁴⁵ Там же. С.364-365.

³⁴⁶ Там же. С.362.

водоворот европейских споров, чего не допускала ситуация в Китае и что не шло на пользу Советскому Союзу.

Если бы Китай проголосовал против, то это бы лишь поспособствовало опасности союза Великобритании, Франции и Японии. Поэтому он мог занять лишь пассивную позицию неучастия» (因苏联事前未与中国协商, 故未便揣度苏联意思.....惟是中国在敌人深入之今日, 本身问题未见解决曙光, 而先投入欧洲纠纷漩涡, 此为中国经济所不许, 而亦非苏联之利益, 若投反对票, 有促成英、法与日本联合之危险, 故祇能采取消极的不参加态度耳)³⁴⁷. Чтобы умерить недовольство советской стороны, 21 января Чан Кайши лично беседовал с К.М. Качановым, главным советским военным советником в Китае, и объяснил ему причины, по которым Китай был вынужден воздержаться от голосования³⁴⁸. Затем Чан Кайши отправил Шао Лицзы (邵力子)³⁴⁹ послом в Советский Союз, и только после этого недовольство Советского Союза Китаем снизилось³⁵⁰. Советский Союз продолжал оказывать военную помощь Китаю вплоть до начала советско-германской войны, а советские военные советники в Китае были отозваны только в 1944 г.³⁵¹.

³⁴⁷ Там же. С.369-370.

³⁴⁸ Там же. С.370

³⁴⁹ Шао Лицзы (邵力子) (1882–1967) – в феврале 1937 г. стал министром пропаганды ЦК Гоминьдана, в марте 1938 г. – генеральным секретарём Военного комитета партии и правительства, директором Всекитайской литературно-художественной ассоциации по борьбе с врагом, а в конце года – вице-президентом Китайско-советской культурной ассоциации. В апреле 1940 г. Шао Лицзи был назначен послом в Советском Союзе после Ян Цзе. В январе 1943 г. освобожден от этой должности.

³⁵⁰ Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937-1945 гг. Кн.1.1937-1944 гг. / ред. С.Л. Тихвинский. М.: С. 586.

³⁵¹ По дорогам Китая, 1937-1945: Воспоминания советских военных советников и специалистов. М.: 1989. С. 267.

Подведем итоги. Чтобы противостоять японской агрессии, Чан Кайши придерживался двух линий в дипломатии: с одной стороны, он пытался добиться военной помощи у Европы, Америки и других капиталистических держав, рассчитывая на совместные международные санкции против японской агрессии; с другой стороны, он активно искал военной помощи у Советского Союза, социалистической страны с противоположной идеологией, и даже ожидал, что Советский Союз направит свои войска для борьбы против Японии. По возможности Чан Кайши надеялся создать антияпонский военный альянс на Дальнем Востоке. Однако внезапно вспыхнувшая Советско-финляндская война вызвала рост напряженности в отношениях между СССР и западными державами, такими как США, Великобритания и Франция. Внешняя политика национального правительства под руководством Чан Кайши была поставлена перед большой дилеммой. Только после вторжения Германии в Советский Союз и начала Тихоокеанской войны был окончательно создан Всемирный антифашистский альянс, и положение в антияпонской войне в Китае существенно улучшилось.

Таким образом, советско-финляндский конфликт 1939–1940 гг. поставил дипломатию Чан Кайши перед сложнейшим выбором, обнажив всю глубину противоречий между его стратегической целью – получением максимальной международной поддержки для продолжения войны с Японией – и реальными политическими условиями того времени.

В условиях, когда международный антифашистский фронт ещё не сложился, а Советский Союз и западные державы находились в состоянии острого идеологического и геополитического противостояния, Чан Кайши был вынужден

проводить политику лавирования. С одной стороны, он стремился сохранить жизненно важную для выживания Китая военную помощь СССР, а с другой – избежать окончательного разрыва с США, Великобританией и Францией, чья поддержка также рассматривалась им как стратегически важная, несмотря на их временные колебания и даже готовность «пожертвовать» Китаем в своих интересах.

Позиция «нейтралитета» и воздержания при голосовании в Лиге Наций по вопросу об исключении СССР стала для Чан Кайши единственно возможным тактическим шагом, продиктованным не столько моральными соображениями, сколько суровой необходимостью обеспечить непрерывность советских военных поставок.

Однако эта тактика не позволила ему полностью избежать недовольства обеих сторон: СССР воспринял воздержание Китая как недостаточную благодарность и уступку давлению Запада, в то время как западные державы были разочарованы отказом Чан Кайши открыто осудить советскую агрессию.

Данная ситуация наглядно продемонстрировала ограниченность и уязвимость внешнеполитического курса гоминьдановского правительства, которое, будучи не в состоянии влиять на глобальные процессы, оказалось в положении объекта, а не субъекта международной политики, вынужденного реагировать на внешние вызовы ценой огромных дипломатических усилий.

Лишь коренное изменение всей военно-политической ситуации в мире – нападение Германии на СССР и вступление в войну США – позволило снять остроту этого противоречия и создать наконец ту самую антифашистскую коалицию, о необходимости которой Чан Кайши заявлял с самого начала.

4.2. Обострение противоречий между Гоминьданом и КПК и ухудшение отношений Чан Кайши с Советским Союзом

Период 1937–1941 гг. занимает особое место в истории китайской государственности и международных отношений Восточной Азии. После начала полномасштабной японо-китайской войны и оформления Второго единого фронта против агрессора противоречия между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая не были преодолены, а лишь временно отодвинуты на второй план. По мере затягивания войны и усложнения международной обстановки внутривластическое соперничество между двумя ведущими силами Китая вновь обострилось, что сопровождалось нарастанием взаимного недоверия, борьбой за контроль над вооружёнными силами и расширением влияния на освобождённых территориях. Одновременно происходило постепенное охлаждение отношений между правительством Чан Кайши и СССР, несмотря на сохранявшуюся советскую военную и финансовую помощь. Эти процессы разворачивались на фоне глубоких трансформаций международной системы в преддверии Второй мировой войны и отражали сложное переплетение внутренних и внешних факторов, определявших стратегию Чан Кайши. В настоящем разделе ставится задача проанализировать взаимосвязь между эскалацией гоминьдано-коммунистического конфликта и динамикой советско-китайских отношений в 1937–1941 гг., выявив структурные причины их обострения и оценив влияние международного контекста на эволюцию позиций сторон.

К моменту образования антияпонского единого фронта в 1937 г. взаимодействие между Чан Кайши и Москвой развивалось в условиях структурной асимметрии: Советский Союз выступал источником военной, технической и финансовой поддержки, тогда как правительство Чан Кайши стремилось использовать этот ресурс для укрепления собственных позиций в войне и во внутренней политике. Такая конструкция соответствовала типу асимметричного альянса ограниченного доверия, в котором одна сторона (Китай) зависела от партнёра материально, но сохраняла настороженность к его политическим мотивам.

Однако именно усиление внутривластного конфликта между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая (КПК) стало главным фактором, подрывавшим устойчивость антияпонского единого фронта – основы советско-китайского сотрудничества. Для Чан Кайши советская помощь представляла собой не только инструмент укрепления обороны против Японии, но и потенциальный источник угрозы внутреннему балансу сил: Москва поддерживала связи с КПК, рассматривая её как идеологически близкую силу и политический резерв на случай трансформации китайской власти.

С точки зрения стратегических интересов сторон, это противоречие выражало расхождение внутренних приоритетов: союзник, обеспечивавший внешнюю поддержку, одновременно воспринимался Чан Кайши как фактор потенциальной внутренней нестабильности. Усиление конфликта между Гоминьданом и КПК объективно ослабляло антияпонский единый фронт, снижало эффективность военных действий против Японии и тем самым входило в противоречие с советской стратегией, ориентированной на укрепление Китая как

барьера против японской экспансии. Для Москвы поддержание единства антияпонских сил являлось необходимым условием результативности военной помощи, оказываемой Чан Кайши; поэтому нарастание гражданских противоречий внутри Китая неизбежно снижало мотивацию СССР к дальнейшему углублению двустороннего сотрудничества.

Начиная с 1939 г., противоречия между Гоминьданом и КПК приобрели системный характер и напрямую влияли на восприятие советской политики. Периоды временного сотрудничества сменялись вооружёнными столкновениями и взаимными обвинениями, что подрывало доверие между Чунцином и Москвой. Для Чан Кайши внутренняя консолидация власти имела приоритет над сохранением стратегического альянса с СССР. В этой логике советская помощь воспринималась как тактический инструмент, обеспечивающий военную устойчивость, но не как элемент долгосрочного партнёрства.

Советское руководство, со своей стороны, рассматривало внутривнутриполитическую динамику Китая как фактор, осложнявший реализацию его антияпонской линии. В Москве опасались, что эскалация напряжённости между Гоминьданом и КПК ослабит сопротивление Японии и приведёт к утрате Китаем роли стратегического буфера на дальневосточных рубежах СССР. В силу этого советская дипломатия была вынуждена балансировать между поддержкой Чан Кайши как главы признанного правительства и сохранением каналов влияния на КПК, стремясь не допустить окончательного распада антияпонского фронта. Однако сама эта двойственность советской политики, направленная на удержание

обеих сторон в рамках минимального взаимодействия, лишь усиливала взаимное недоверие и, в конечном счёте, способствовала эрозии двусторонних отношений.

При сохранении высокой интенсивности внешней угрозы – японской агрессии – падение уровня внутриполитического доверия и разрушение механизмов антияпонского единства привели к постепенному охлаждению китайско-советских отношений. Они перешли из стадии активного сотрудничества в фазу скрытого расхождения интересов, когда формальные союзнические обязательства всё больше вступали в противоречие с реальными политическими практиками.

Таким образом, внутриполитические факторы стали не просто фоном, а ключевым детерминантом трансформации отношений Чан Кайши с Москвой. Конфликт между Гоминьданом и КПК, подрывавший единство антияпонских сил, объективно противоречил стратегическим интересам СССР и снижал эффективность его военной поддержки китайского правительства. Отсутствие прочного внутриполитического консенсуса в Китае и взаимного институционального доверия между союзниками делали даже внешне прочное сотрудничество временным и подверженным эрозии при первых же признаках изменения как международной, так и внутренней обстановки.

Особенность советско-китайских отношений заключалась в том, что, помимо обычных межгосударственных связей, существовали также и отношения между двумя партиями. До роспуска Коминтерна в 1943 г. имели место его контакты как с Коммунистической партией Китая (КПК), так и с Гоминьданом. Ранее связи между ВКП(б), Коминтерном, КПК и Гоминьданом обычно рассматривались

изолированно: целостная история советско-китайских отношений искусственно делилась на государственные и межпартийные и изучалась без учёта их взаимосвязи, что нередко приводило к противоречивым выводам. Между тем без комплексного анализа этих двух аспектов невозможно адекватно отразить общую картину советско-китайских отношений и, тем более, понять причины их крупных поворотных этапов. На деле Чан Кайши и руководство Гоминьдана неизменно воспринимали КПК, Коминтерн и СССР как единое целое. Улучшение советско-китайских межгосударственных связей, как правило, сопровождалось улучшением отношений между Гоминьданом и КПК; и наоборот, их обострение неизбежно влекло за собой ухудшение двусторонних отношений³⁵².

В период восьмилетней войны Китая против японской агрессии эволюцию советско-китайских отношений условно можно разделить на три этапа. Первый этап (21 августа 1937 г. – по 22 июня 1941 г.) – от пакта о ненападении до начала советско-германской войны – «медовый месяц» двусторонних связей. Второй этап (июнь 1941 – конец июня 1945) – от начала советско-германской войны до прибытия китайской делегации в Москву – период охлаждения. Третий этап (начало советско-китайских переговоров – окончание войны против Японии) – этап примирения. На всех трёх стадиях идеологический фактор оказывал значительное воздействие, проявляясь, во-первых, в ограничении возможностей сближения государств с различными общественными системами и идеологиями, а во-вторых,

³⁵² 王真. 抗日战争时期中苏关系中的意识形态问题研究”[Ван Чжэнь. исследование идеологических вопросов в китайско-советских отношениях в период войны сопротивления японской агрессии]//См:徐曰彪主编:“中苏历史悬案的终结”[Конец исторических загадок в отношениях между Китаем и Советским Союзом].北京: 中共党史出版社. 2010. С. 191.

в определении форм урегулирования отношений между Гоминьданом и КПК, носивших ярко выраженный идеологический характер.

Советско-китайские межгосударственные связи и межпартийные отношения взаимно влияли на направление своего развития. Обострение конфликта между Гоминьданом и КПК вело к постепенному ухудшению отношений между национальным правительством Чан Кайши и СССР. Как известно, внешняя политика Советского Союза определялась высшим партийным руководством. Специфика функционирования советского внешнеполитического механизма заключалась в реализации единой стратегии по двум каналам: через Народный комиссариат иностранных дел (НКИД), выступавший в качестве обычного дипломатического ведомства, и через Коммунистический интернационал.

Формально Коминтерн считался самостоятельной международной организацией коммунистов, но фактически находился под строгим контролем Политбюро ЦК ВКП(б). Все важнейшие акции и кадровые назначения Коминтерна утверждались Политбюро, которое также координировало деятельность Коминтерна и НКИД. Представители Коминтерна в Китае поддерживали тесный контакт с советским дипломатическим представительством, совместно решая поставленные задачи. Дипломатические работники оказывали содействие представителям Коминтерна, что обеспечивало проведение единой линии, хотя степень её реализации на центральном и местном уровнях могла различаться.

Иными словами, Коммунистический интернационал фактически являлся одним из подразделений советской внешней политики. Если сравнить её с движущимся поездом, то Коминтерн и НКИД выступали как два колеса,

приводящие его в движение. Вместе с тем между ними существовало функциональное различие: НКИД ориентировался на правительство Китая, тогда как Коминтерн – на КПК; первый занимался общей дипломатией, второй – экспортом революции³⁵³.

До роспуска Коминтерна в 1943 г. КПК являлась одной из его секций и была обязана подчиняться его решениям. Это обуславливало прямую зависимость успехов и неудач китайской революции от внешней политики СССР. Специфика советско-китайских отношений заключалась в их двойственном характере – сочетании межгосударственного и межпартийного компонентов. Поэтому при исследовании начального периода войны Китая с Японией необходимо учитывать конфликты и противоречия между Гоминьданом и КПК.

Чан Кайши, считая себя верным последователем трёх народных принципов Сунь Ятсена, в отличие от учителя не смог проводить политику «союза с Россией и сотрудничества с коммунистами» и занимал по отношению к СССР настороженно-отрицательную позицию. В 1950-е гг. в книге «Советская Россия в Китае» он назвал марксизм реакционным течением Французской революции, «контрреволюционной волной» с целью разрушения демократии и установления деспотизма³⁵⁴. Это высказывание концентрированно выражает идеологическую позицию Чан Кайши, лишавшую его доверия к СССР.

³⁵³ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920-1925: Документы / ред. Го Хэньюй, М.Л. Титаренко. М.: 1994. С.3-10.

³⁵⁴ 蔣中正. 苏俄在中国—中国与俄共三十年经历纪要[Цзян Чжунчжэн. Советская Россия в Китае - хроника тридцатилетнего опыта взаимодействия Китая и Коммунистической партии России],台北: 中央文物, С.15.

Недоверие Чан Кайши порождало нестабильность советской политики по китайскому направлению³⁵⁵. В идеологическом плане он занимал прозападные позиции, что отразилось на внешнеполитическом курсе. Позднее он писал, что правительство решило отвергнуть пути, угрожавшие стране, и выбрать линию содействия сотрудничеству демократических государств в рамках Лиги Наций, развивая при этом отношения с СССР³⁵⁶.

Другая характерная черта его установок заключалась в жёстком связывании СССР с КПК: он рассматривал их как единое целое и подозревал Москву в стремлении с помощью поддержки коммунистов свергнуть его власть: «Коммунистическая партия Китая – не порождение Китая, а приёмный советской коммунистической империи»³⁵⁷. Здесь Чан Кайши фактически смешивал идеологическое родство СССР и КПК с политической поддержкой Москвы китайских коммунистов.

С идеологической точки зрения СССР и КПК были близки, однако в определении линии поведения в отношении Китая Советский Союз исходил прежде всего из задач войны против Японии и антифашистской борьбы. В годы войны советская политика была сосредоточена главным образом на правительстве Чан Кайши, а не на КПК, что особенно проявлялось в сфере материально-технической помощи.

³⁵⁵ 王真.抗战时期中苏关系恶化初探[Ван Чжэнь. Исследование ухудшения китайско-советских отношений во время войны]//历史研究.1990年第4期. С. 63.

³⁵⁶ 蔣中正. 苏俄在中国—中国与俄共三十年经历纪要[Цзян Чжунчжэн. Советская Россия в Китае - хроника тридцатилетнего опыта взаимодействия Китая и Коммунистической партии России],台北: 中央文物. С.56.

³⁵⁷ Там же. С. 7.

С началом всенародной антияпонской войны КПК получила статус легальной силы и расширила контроль над рядом районов. СССР прилагал усилия к поддержанию сотрудничества между Гоминьданом и КПК, заключил союзнические отношения с Китаем и оказал значительную помощь в войне против Японии, чем КПК воспользовалась для укрепления своих позиций.

К концу 1938 г. численность КПК возросла с более 40 тыс. до свыше 500 тыс. членов, партия превратилась в крупную политическую силу, опирающуюся на широкую народную базу³⁵⁸. Войска под руководством КПК (8-я армия, Новая 4-я армия и др.) развернули в тылу врага партизанскую войну, создали опорные базы, охватившие до 100 млн населения, и сковывали значительные силы японской армии³⁵⁹.

На этом фоне регулярные силы Гоминьдана отступали, неся тяжёлые поражения. Изменение соотношения сил вызвало у Чан Кайши чувство кризиса. С января 1939 г. Гоминьдан принял курс «растворить, сдерживать, ограничивать, бороться» с коммунистами³⁶⁰.

Антикоммунистические кампании 1939–1940 гг., а затем инцидент в Южном Аньхое (4 января 1941 г.), когда войска Новой 4-й армии попали в засаду восьми дивизий Гоминьдана, стали кульминацией противостояния³⁶¹. После этого Чан

³⁵⁸ 中共中央党史研究室. 中国共产党历史（第一卷）1921-1949[История Коммунистической партии Китая (Том 1) 1921-1949],北京: 中共党史出版社. С. 345.

³⁵⁹ Там же. С. 346.

³⁶⁰ 王桧林. 中国现代史[Ван Хуэйлинь. Современная история Китая]. 北京师范大学出版社. 2016. С.259—260.

³⁶¹ 杨奎松. 皖南事变的发生、善后及结果[Ян Куйсонг. Происхождение, урегулирование и последствия инцидента в Южном Аньхое] \\\近代史研究. 2003 年第 3 期, С. 9.

Кайши объявил армию «мятежной» и упразднил её номер. Единый фронт оказался на грани распада.

Советский Союз оказал на Чан Кайши давление, требуя сохранить единый фронт³⁶². С.А. Лозовский заявил китайскому послу, что уничтожение армии, сражавшейся против врага, может привести к гражданской войне и ущербу независимой борьбе Китая. Главный советский военный советник В.И. Чуйков передал группе Чан Кайши сигнал: враждебные действия против войск КПК вызовут недовольство СССР³⁶³.

СССР, требуя прекращения гражданской войны, исходил из задачи сохранения антияпонского единого фронта. Однако Чан Кайши расценивал это как поддержку КПК и попытку подорвать его позиции. В дневнике 17 января 1941 г. он отмечал, что ради независимости и свободы государства готов отдать приказ о строгом наказании, «даже если Россия перестанет поставлять оружие и самолёты»³⁶⁴. Для него борьба с коммунистами была важнее войны с Японией.

Под давлением СССР Чан Кайши предпринял шаги по улучшению отношений с КПК и советской стороной: направил И.В. Сталину письмо с выражением благодарности и надеждой на продолжение сотрудничества³⁶⁵; сохранял уважительное отношение к советским военным советникам, запрашивал их рекомендации и предписывал генералам активизировать взаимодействие с

³⁶² Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.4. Кн. 1. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С. 623-624.

³⁶³ Чуйков В.И. Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983.С. 63.

³⁶⁴ 蒋介石日记[Дневник Чан Кайши. 1 марта 1940 г.]

³⁶⁵ Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: 2000. Т.4. Кн. 1. Советско-китайские отношения. 1931-1945 гг. С.629.

ними³⁶⁶. Эти меры частично смягчили советско-китайские отношения после инцидента в Южном Аньхое, но они уже не вернулись к уровню начала войны. После подписания 13 апреля 1941 г. советско-японского пакта о нейтралитете отношения между двумя странами продолжили ухудшаться.

Таким образом, проведённый анализ позволяет утверждать, что в период 1937–1941 гг. обострение противоречий между Гоминьданом и КПК и ухудшение отношений Чан Кайши с Советским Союзом представляли собой два неразрывно связанных процесса, развивавшихся в едином внешнеполитическом и внутривнутриполитическом контексте. Ключевой особенностью советско-китайских отношений в годы войны являлся их двойственный характер – органическое переплетение межгосударственных связей и межпартийных отношений, что предопределяло прямую зависимость динамики двустороннего сотрудничества от состояния гражданского мира в Китае. Москва, рассматривая КПК как идеологически близкую силу, объективно становилась заложницей собственной политики: поддержка Чан Кайши как главы признанного правительства сочеталась с сохранением каналов влияния на китайских коммунистов, что усиливало недоверие нанкинскому (чунцинскому) руководства и воспринималось им как угроза внутренней стабильности.

Для Чан Кайши внутривнутриполитическая консолидация власти и борьба с коммунистическим влиянием постепенно приобретали приоритетное значение, вступая в противоречие с задачей сохранения стратегического альянса с СССР, обеспечивавшего жизненно важную военно-техническую помощь. Эскалация

³⁶⁶ Чуйков В.И. Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983. С. 77.

конфликта между Гоминьданом и КПК, кульминацией которой стал инцидент в Южном Аньхое в январе 1941 г., объективно подрывала антияпонский единый фронт и снижала эффективность советской поддержки, входила в противоречие с интересами Москвы, видевшей в Китае ключевой барьер против японской экспансии на Дальнем Востоке. Давление СССР на Чан Кайши с требованием сохранить единство антияпонских сил, продиктованное стратегическими соображениями, воспринималось китайским лидером сквозь призму идеологической непримиримости – как вмешательство во внутренние дела и поддержка коммунистической оппозиции.

Примечательно, что, несмотря на идеологическую близость Москвы и китайских коммунистов, в практической политике Советский Союз в рассматриваемый период делал основную ставку на сотрудничество с правительством Чан Кайши, предоставляя ему подавляющую часть военной помощи. Однако двойственная природа советской политики и отсутствие взаимного институционального доверия делали это сотрудничество неустойчивым. При сохранении высокой интенсивности внешней угрозы – японской агрессии – нарастание внутривнутриполитических противоречий в Китае привело к постепенному охлаждению китайско-советских отношений, переходу их из стадии активного взаимодействия в фазу скрытого расхождения интересов. Инцидент в Южном Аньхое стал водоразделом, после которого двусторонние связи уже не вернулись к уровню начального периода войны, а подписание советско-японского пакта о нейтралитете в апреле 1941 г. лишь закрепило эту тенденцию.

Таким образом, внутривнутриполитические факторы, и прежде всего конфликт между Гоминьданом и КПК, выступили не просто фоном, а ключевым детерминантом эволюции отношений Чан Кайши с Москвой. Отсутствие прочного внутривнутриполитического консенсуса в Китае и взаимного доверия между союзниками делали даже внешне прочное сотрудничество временным и подверженным эрозии при первых же признаках изменения как международной, так и внутренней обстановки. Опыт 1937–1941 гг. наглядно продемонстрировал, что в условиях двойственной природы советско-китайских отношений успешное развитие межгосударственного взаимодействия было невозможно без урегулирования межпартийных противоречий и сохранения единства антияпонских сил.

4.3. Прекращение военного сотрудничества

Советского Союза с Чан Кайши

Японо-китайская война 1937–1945 гг., являвшаяся неотъемлемой частью Второй мировой войны, стала важнейшим фактором, формирующим международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе и определяющим вектор взаимодействия между крупными мировыми державами и региональными силами. В первые годы конфликта правительство Чан Кайши, возглавлявшее национальное правительство Китая и партию Гоминьдан, вынуждено было искать внешнюю военную и политическую поддержку для противодействия японской агрессии, так как военно-техническое превосходство японской армии и внутренние противоречия в Китае (в том числе вооружённый конфликт между Гоминьданом и

КПК) серьёзно ослабляли позицию китайской стороны в войне. В этих условиях Советский Союз стал одним из ключевых партнёров Чан Кайши, поскольку оба государства имели общего врага – японскую империю, а агрессия Японии на Дальнем Востоке представляла угрозу безопасности советских дальневосточных рубежей.

Военное сотрудничество между Чан Кайши и Советским Союзом формировалось на основе взаимных интересов: СССР предоставлял Китаю военную технику, военных советников и тренировку военнослужащих, а китайская армия, вступая в борьбу с японскими захватчиками, обеспечивала безопасность советским границам от возможного нападения Японии с востока. Это сотрудничество достигло своего пика в период 1937–1940 гг., когда советская помощь играла решающую роль в поддержании боеспособности китайской армии и замедлении экспансии Японии на территории Китая. Однако к началу 1941 г. сложившаяся международная ситуация и внутренние политические изменения в Китае и СССР начали кардинально менять характер отношений между двумя странами, постепенно приводя к распаду их военного сотрудничества.

1941–1942 гг. стали переломным периодом в истории советско-китайских военных отношений, когда ранее сложившаяся кооперация между Чан Кайши и Советским Союзом перешла в фазу постепенного разрыва. Причины этого процесса носят сложный, многоаспектный характер и включают как внешние факторы – изменение глобальной конфигурации сил в ходе Второй мировой войны (в частности, нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г.), так и внутренние факторы – идеологические противоречия между Гоминьданом и советским

руководством, изменение стратегических приоритетов Чан Кайши в войне с Японией и его стремление к усилению связей с западными державами. Сталин, как лидер СССР, прекрасно осознавал, что сотрудничество с Чан Кайши носило утилитарный характер, и его поддержка была обусловлена необходимостью защиты собственных национальных интересов, а не идеологической солидарностью³⁶⁷.

Распад военного сотрудничества между Чан Кайши и Советским Союзом в 1941–1942 гг. не был спонтанным событием, а стал результатом долгих процессов, связанных с перестройкой международной повестки и изменением стратегических расчётов обеих сторон. Этот процесс повлиял не только на ход японо-китайской войны, но и на дальнейшее развитие советско-китайских отношений в послевоенный период, а также на баланс сил в Азии. Исследование причин и механизмов распада этого сотрудничества позволяет глубже понять логику международных отношений в эпоху Второй мировой войны, роли идеологических и геополитических факторов в формировании военных коопераций между странами с разными социально-политическими системами.

В конце 1930-х гг., перед лицом усиливающейся германской угрозы, Советский Союз первоначально выступал за создание системы коллективной безопасности в Европе и за объединение усилий с Великобританией и Францией. Однако эти попытки оказались безрезультатными, что вынудило Москву скорректировать свою политику в отношении Германии³⁶⁸. 3 мая 1939 г. В.М.

³⁶⁷ Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжен, или Неизвестный Чан Кайши. М.: 2002. С. 112.

³⁶⁸ Вершинин А. А. Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции Версальской системы международных отношений в 1930-е гг. //

Молотов сменил на посту наркома иностранных дел М.М. Литвинова, сторонника сближения с западными державами, что дало Берлину возможность активизировать контакты с СССР. Германия неоднократно информировала Советский Союз о готовности улучшить двусторонние отношения ³⁶⁹. СССР, последовательно выступавший в пользу создания системы коллективной безопасности в Европе, убеждённым сторонником которой был наркоминдел М.М. Литвинов, оказался перед лицом фактического саботажа этой линии со стороны Англии и Франции. Проводившиеся в течение длительного времени переговоры СССР, Англии и Франции о заключении соглашения о взаимопомощи (проект такого документа был представлен СССР в апреле 1939 г.) явно пробуксовывали. Это убедительно продемонстрировал очередной раунд трёхсторонних переговоров по военным вопросам в Москве в августе 1939 г.: делегации Великобритании и Франции прибыли без надлежащим образом оформленных полномочий и не были готовы к подписанию соответствующей военной конвенции. 21 августа, когда стало ясно, что переговоры зашли в тупик, советское руководство дало согласие на переданное ранее предложение Берлина о приезде в Москву министра иностранных дел Германии для заключения пакта о ненападении между двумя странами. Наскоро составленные документы были подписаны в ночь с 23 на 24 августа ³⁷⁰.

Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 15. № 2. С. 108–140.

³⁶⁹ Мельтюхов М. И. Советский Союз в европейской политике осени 1938 лета 1939 гг // Вестник МГИМО. 2009. №4. С.132.

³⁷⁰ Мягков М. Ю. Ржевский О. А. Упущенный шанс: англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. И советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. // Вестник МГИМО. 2009. №4. С.178.

Заключение пакта означало фактический отход Германии от союзнических обязательств перед Японией, что укрепило стратегические позиции СССР на Дальнем Востоке. Между тем в советско-японских отношениях в 1938–1939 гг. произошли два крупных вооружённых инцидента – у озера Хасан (август 1938 г.) и на р. Халхин-Гол (май – август 1939 г.). Они были вызваны территориальными спорами, но отражали и стратегические устремления сторон. Токио, стремившийся к полному контролю над Северо-Восточным Китаем и распространению влияния на Внешнюю Монголию, рассматривал эти акции как средство давления на СССР за поддержку Китая. В свою очередь Москва намеревалась «карательной войной» усмирить японскую агрессию и настоять на политике нейтрализации Японии. 9 сентября 1939 г. японский посол в Москве предложил перемирие; 15 сентября оно было подписано. В результате столкновения Япония осознала невозможность продолжения жёсткого курса и стала рассматривать перспективу мирного урегулирования³⁷¹.

С 1 сентября 1939 г. Германия начала наступление на Польшу, а правительства Великобритании и Франции 3 сентября объявили ей войну³⁷². Это лишило европейские державы возможности уделять внимание своим азиатским колониям, что создало благоприятные условия для японской экспансии. 27 сентября 1939 г. Япония, Германия и Италия подписали союзный договор. Для СССР угроза со стороны Германии представлялась более серьёзной, чем со

³⁷¹ Горбачев Б.Н. Военные события на Халхин-Голе летом 1939 года в китайских оценках прошлого и настоящего // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. . 2024. № 4 . С. 44.

³⁷² История второй мировой войны 1939-1945. М.: Воениздат, 1982. Т. 1. С.5.

стороны Японии, поэтому Москва сосредоточила стратегическое внимание на европейском театре, предпочитая стабилизацию отношений с Токио³⁷³.

Постепенное улучшение советско-японских отношений вызвало серьёзную обеспокоенность у Чан Кайши, добивавшегося активных контактов с СССР и рассчитывавшего на продолжение его поддержки в антияпонской борьбе. С одной стороны, Национальное правительство Китая стремилось заключить договор о взаимопомощи с Москвой, с другой – внимательно следило за её дипломатией на японском направлении. 25 августа 1939 г. Чан Кайши телеграфировал послу Китая в СССР Ян Цзюю, поручив задержаться в Москве для оперативных контактов и дожждаться прояснения международной обстановки³⁷⁴. В сентябре китайские представители передали советской стороне обеспокоенность слухами о возможном советско-японском пакте. Москва эти слухи отрицала, называя их «совершенно беспочвенными».

16 сентября 1939 г. в Москве было подписано соглашение о прекращении конфликта на Халхин-Голе. На следующий день Сунь Фо донёс Чан Кайши заверения советской стороны о мирном характере соглашения³⁷⁵. Тем не менее Сунь Фо предупреждал, что Япония может использовать этот момент для изменения своей политики и достижения примирения с СССР³⁷⁶. Во время встречи

³⁷³ Смирнов В. П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // Вестник МГИМО. 2009. №4. С.185.

³⁷⁴ 秦孝仪主编:“中华民国重要史料初编--对日抗战时期第三编--战时外交(二)”[Цинь Сяои. Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики: Период сопротивления Японии (часть III) -- Дипломатия военного времени (II)].台北: “国史馆”,1981. С. 352.

³⁷⁵ Там же. С. 346.

³⁷⁶ Там же. С. 431.

с А.И. Микояном советский представитель вновь заявил: «Япония до настоящего момента не выдвигала предложений о заключении пакта о ненападении»³⁷⁷.

31 октября 1939 г. В.М. Молотов в докладе на V сессии Верховного Совета констатировал: «В советско-японских отношениях наметилась тенденция к улучшению»³⁷⁸. Это усилило опасения Чан Кайши. 4 ноября Ван Шицзе записал в дневнике: «Ни слова о Китае, при этом выражено стремление к улучшению отношений с Японией»³⁷⁹. 1 декабря 1939 г. Чан Кайши в письме И.В. Сталину подчёркивал, что устранение японских захватнических устремлений зависит от решительной позиции СССР, и предупреждал, что примирение Москвы с Токио подтолкнёт Великобританию и США к уступкам Японии³⁸⁰.

Министерство иностранных дел Китая поручило своим дипломатам отслеживать переговоры СССР и Японии. 5 октября посол Шао Лицзы сообщил советской стороне, что заключение пакта нанесёт китайскому народу «удар сильнее, чем бомбардировка тысячи вражеских самолётов»³⁸¹. Советская сторона заверила, что возможные переговоры с Японией не нанесут ущерба Китаю и не приведут к прекращению военной помощи: «Так было в прошлом, так будет и в будущем».

³⁷⁷ Там же. С. 346.

³⁷⁸ *Молотов В.М.* О внешней политике Советского Союза Москва : Гос. изд. полит. лит., 1939. С. 2.

³⁷⁹ 王世杰日记 (上册) [Дневник Ван Шицзе (Т.1)]. 台北: 中研院近史所, 2012. С. 322.

³⁸⁰ 秦孝仪主编:“中华民国重要史料初编--对日抗战时期第三编--战时外交 (二)”[Цинь Сяои. Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики: Период сопротивления Японии (часть III) -- Дипломатия военного времени (II)].台北: “国史馆”,1981. С. 356.

³⁸¹ Там же. 381.

Тем не менее 13 апреля 1941 г. был подписан советско-японский пакт о нейтралитете, по которому стороны обязались сохранять нейтралитет в случае нападения третьей державы. В совместной декларации говорилось о гарантиях территориальной целостности Маньчжоу-го и Монгольской Народной Республики³⁸². Фактически СССР обменял признание марионеточного Маньчжоу-го на признание Японией Внешней Монголии. Это стало полной неожиданностью для Чан Кайши³⁸³. 14 апреля МИД Китайской Республики выступил с заявлением, подчеркнув, что Маньчжурия и Внешняя Монголия являются неотъемлемой частью Китая, а советско-японская декларация «абсолютно недействительна» для Китая³⁸⁴. Гоминьдан распорядился широко освещать эту позицию, чтобы продемонстрировать решимость в защите территориального суверенитета³⁸⁵.

19 апреля советский посол в Китае заверил Чан Кайши, что пакт не изменяет советско-китайские отношения и не означает прекращения помощи³⁸⁶. Тем не менее, как отмечал С.А. Лозовский, в первый период войны СССР был заинтересован в сохранении пакта больше, чем Япония³⁸⁷.

³⁸² 国际条约集（1934-1944）[Сборник международных договоров (1934-1944)].北京：世界知识出版社. С. 34-35.

³⁸³ Чуйков В.И. Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983.С. 34-35.

³⁸⁴ 秦孝仪主编：“中华民国重要史料初编--对日抗战时期第三编--战时外交（二）”[Цинь Сяои. Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики: Период сопротивления Японии (часть III) -- Дипломатия военного времени (II)].台北：“国史馆”,1981. 第 390 页.

³⁸⁵ 曹艺：“苏日中立条约与二战时期的中国及远东”[Цао И. Советско-японский договор о нейтралитете и Китай и Дальний Восток во время Второй мировой войны]. 北京：社科文献出版社, 2012, 第 55 页.

³⁸⁶ АВПРФ Ф. 100. Оп.25. П. 200. Д. 8. Л. 96-97.

³⁸⁷ Славинский Б. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М.: 1995. С.233.

Коммунистическая партия Китая (КПК), стремясь минимизировать негативное влияние договора, рассматривала его в контексте мировой антифашистской войны. «Синьхуа жибао» 15 апреля 1941 г. писала, что пакт – это свидетельство приверженности СССР нейтралитету и «наиболее конкретное проявление того, что Япония вынуждена была уступить»³⁸⁸. 16 апреля КПК подчеркнула, что мир и развитие Советского Союза соответствуют интересам трудящихся и угнетённых наций³⁸⁹. 18 апреля партия вновь отметила, что пакт наносит удар по тройственному союзу Германии, Италии и Японии, ослабляя фашистский блок³⁹⁰.

В информационной политике КПК акцент делался на позитивном образе СССР, последовательной помощи угнетённым народам и напоминании об истории советской поддержки слабых государств³⁹¹.

Подписание пакта совпало с тяжелейшим периодом антияпонской войны Китая. Первой реакцией Гоминьдана стал протест против нарушающих суверенитет положений, но руководство избегало открытой антисоветской риторики. Получив заверения Москвы о неизменности политики поддержки, Чан Кайши провёл анализ пакта, признал его позитивные стороны и укрепил уверенность партийных и военных кадров. Одновременно он активизировал дипломатические контакты с США³⁹².

³⁸⁸ 新华日报[Синьхуа жибао, 15 апреля 1941 г.]

³⁸⁹ 中共中央文件选集第 13 册[Избранные документы Центрального комитета Коммунистической партии Китая, том 13].北京: 中共中央党校出版社, 1991. С. 77-78.

³⁹⁰ Там же. С. 88.

³⁹¹ 新华日报[Синьхуа жибао, 27 апреля 1941 г.].

³⁹² Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне / под ред. С. Г. Лузянина. Москва : ИДВ РАН, 2012.С.38.

С 1941 г. Советский Союз, обезопасив себя от нападения с востока, фактически приостановил военную помощь Китаю, ограничившись поставками по уже заключённым соглашениям и советнической поддержкой. В этой ситуации Чан Кайши усилил внимание к позиции США на Дальнем Востоке³⁹³.

Пакт о нейтралитете, по замыслу Японии, был направлен против Великобритании и США. 9 августа 1941 г. Генштаб Императорской армии утвердил «Основные положения оперативного плана», предусматривавшие усиление охраны советского направления, продолжение прежней стратегии в Китае и подготовку к войне против Великобритании и США к концу ноября³⁹⁴. Заключение пакта усилило противоречия между Токио и Вашингтоном. Национальное правительство Китая, возглавляемое Чан Кайши, переориентировало внешнюю политику на США³⁹⁵.

14 апреля 1941 г. Чан Кайши поручил Суну Цзывэню немедленно обратиться к американским властям с просьбой о конкретном плане поддержки Китая³⁹⁶. Вскоре Ф.Д. Рузвельт заявил, что «никакие события не могут изменить политики

³⁹³ Хироаки Куромия. "Советскому Союзу придется воевать с Японией": два письма Сталина Чан Кайши (1939 и 1941 гг.) / Хироаки Куромия // Клио. 2021. № 3(171). С.31.

³⁹⁴ 复旦大学历史系编译.日本帝国主义对外侵略史料选编 1931-1945 年[Избранные материалы по истории внешней агрессии японского империализма 1931-1945 гг.].上海人民出版社 1983 年版, 第 337 页.

³⁹⁵ Волкова И. В. Между Китаем и Японией: внешняя политика СССР на Дальнем Востоке в контексте подготовки к заключению советско-японского пакта о нейтралитете (1939-1941 гг.)(1939-1941 ГГ.) // История: факты и символы. 2020. №4 (25). С.121.

³⁹⁶ 秦孝仪主编:“中华民国重要史料初编--对日抗战时期第三编--战时外交(二)”[Цинь Сяои. Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики: Период сопротивления Японии (часть III) -- Дипломатия военного времени (II)].台北: “国史馆”, 1981. С. 129.

Соединённых Штатов в оказании помощи государствам, подвергшимся агрессии» и одобрил передачу Китаю первой партии ленд-лиза на 45 млн долл³⁹⁷.

В последующие месяцы американская помощь стала постепенно заменять советскую. Сун Мэйлин и Сун Цзывэнь активно способствовали росту сочувствия Китаю в США³⁹⁸. Советско-японский пакт о нейтралитете оказал непосредственное влияние на внешний курс Китая и стал важной вехой в формировании стратегического союза с США³⁹⁹.

7 декабря 1941 г. Япония атаковала Пёрл-Харбор, начав полномасштабную Тихоокеанскую войну. Вскоре Рузвельт и Чан Кайши договорились о создании Китайского театра военных действий, главнокомандующим которого стал Чан Кайши. Советские военные советники были заменены американскими, включая «Добровольческий авиационный корпус»⁴⁰⁰. Своевременная помощь США усилила боеспособность китайской армии и укрепила решимость народа продолжать борьбу до победы⁴⁰¹.

Исследование процесса распада военного сотрудничества между Чан Кайши и Советским Союзом в 1941–1942 гг. позволяет сделать вывод о том, что этот

³⁹⁷ 陶文钊. 中美关系史 (1911-1949) 上册[Тао Вэньчжао. История китайско-американских отношений (1911-1949)]上海人民出版社, 2004. С. 177.

³⁹⁸ 齐锡生. 从舞台边缘走向中心: 美国在中国抗战初期外交视野中的转变(1937-1941) [Ци Сишэн. От края сцены к центру: сдвиг американской дипломатической перспективы в первые годы войны сопротивления в Китае (1937–1941)]. 北京: 社会科学文献出版社. 2017. С. 499-531.

³⁹⁹ См: Левин Я. А. Выстраивание отношений между США и Китайской республикой в 1941-1942 гг (по материалам Библиотеки президента Франклина Рузвельта) // Вопросы истории. 2021. № 7-1. С. 227-239.

⁴⁰⁰ Чуйков В.И. Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983. С. 34-35.

⁴⁰¹ Foreign relations of the United States, 1941. The Far East. U.S. Government Printing Office, 1941. Vol. IV. URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v04> (дата обращения: 2.0.2026).

процесс был не случайным, а стал логическим результатом совокупности внешних геополитических факторов и внутренних стратегических расчётов обеих сторон. Начавшийся на основе взаимных интересов в борьбе с общей угрозой – японской агрессией – кооперация постепенно разрушилась под влиянием кардинальных изменений в международной ситуации в эпоху Второй мировой войны, а также идеологических противоречий и переориентации стратегических приоритетов как Москвы, так и правительства Чан Кайши.

Ключевым фактором, повлекшим распад сотрудничества, стало подписание советско-японского пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 г. Этот документ, направленный на обеспечения безопасности Советского Союза от нападения с востока в условиях угрозы со стороны Германии, фактически лишил Чан Кайши основы для надежд на дальнейшую активную военную поддержку Москвы. Несмотря на заверения советского руководства о сохранении отношений и непрерывности помощи, СССР уже с 1941 г. фактически приостановил новые поставки военной техники и сосредоточил все свои ресурсы на европейском театре военных действий, что оказало решающее влияние на переориентацию внешней политики Чан Кайши⁴⁰².

Переключение Чан Кайши на сотрудничество с США стало прямым следствием ослабления связей с Советским Союзом. После подписания советско-японского пакта и особенно после нападения Японии на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г., американская помощь постепенно заменила советскую, став ключевым источником военной и политической поддержки для национального правительства

⁴⁰² Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. М.: 1999, С. 243-244.

Китая⁴⁰³. Это переориентирование не только окончило военное сотрудничество Чан Кайши с СССР, но и кардинально изменило баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе, увязав Китай в стратегические интересы США в ходе Второй мировой войны⁴⁰⁴.

Распад военного сотрудничества между Чан Кайши и Советским Союзом в 1941–1942 гг. имел глубокие исторические последствия. С одной стороны, он окончательно разорвал практические военные связи между двумя странами, усилил идеологические разрывы и заложил предпосылки для напряжённых советско-китайских отношений в послевоенный период. С другой стороны, этот процесс продемонстрировал утилитарный характер международных военных коопераций в эпоху глобальных конфликтов, где национальные интересы и стратегические расчёты всегда стоят на первом плане, а идеологическая солидарность играет вспомогательную роль⁴⁰⁵.

Исследование данных событий не только дополняет представления о истории советско-китайских отношений в период Второй мировой войны, но и даёт возможность глубже понять логику формирования и разрыва международных военных альянсов, роли геополитических факторов в определении вектора внешней политики государств. Особенно важным остаётся анализ того, как переориентация стратегических приоритетов СССР и Чан Кайши повлияла на ход

⁴⁰³ Foreign relations of the United States, 1941. The Far East. U.S. Government Printing Office, 1941. Vol. V. URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v05> (дата обращения: 2.03.2026).

⁴⁰⁴ *Мировицкая Р.А.* Китайская государственность и советская политика в Китае. Годы Тихоокеанской войны. 1941-1945. М.: 1999. С. 77.

⁴⁰⁵ См: *Соколов В. В.* Предложение Чан Кайши об открытии "второго фронта" на Дальнем Востоке в 1941 году // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 89-95.

японо-китайской войны и общую динамику Второй мировой войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также на формирование поствоенного миропорядка в Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование структуры взаимоотношений двух стран в напряжённый для них исторический период, в условиях динамично меняющейся международной ситуации всегда представляет собой сложный и не однонаправленный процесс. Специфика рассмотренного нами случая обусловлена целым комплексом факторов. К ним относятся: внешняя агрессия со стороны третьего государства, политико-идеологическая обособленность одного из участников от мирового сообщества, а также изначальная конфронтация между самими акторами. Кроме того, политическая организация обеих стран схожа: это однопартийные государства, чьи правящие партии позиционируют себя как продолжатели революционных идей (национальной или всемирной социалистической). Наконец, важную роль играет фигура единоличного лидера, стоящего во главе как государства, так и партии.

Указанные и другие совпадения заставляют фиксироваться на признаках не столько общих закономерностей, сколько развёрнутой во времени единичной ситуации – исторического кейса.

Ещё одна специфическая черта обусловлена таким сходством акторов, как доминирование в обеих странах партийных инстанций с их идеологиями над государственными, в данном случае в вопросе формирования внешней политики. С этим доминированием сопряжено также существенное различие между акторами: Гомиьдан как правящая партия с национальной идеологической доминантой в идейно-политическом плане была ориентирована внутрь страны, тогда как ВКП(б)

– партия, проповедовавшая интернационализм, проецировала свою идеологию и преобразовательную практику за пределы одного государства. Данная интенция государственной политики и обусловила важную роль Коммунистического Интернационала, международной коммунистической организации со штаб-квартирой в Москве, как ключевого внешнеполитического инструмента, находящегося в распоряжении Советского Союза. Соответственно, внешняя политика СССР подкреплялась также деятельностью зарубежных коммунистических партий, являвшихся членами Коминтерна и исполнявших его директивы.

Советско-китайские связи с момента их официализации в начале 1932 г. и до рубежа 1941–1942 гг. можно разделить на четыре главных этапа, фиксирующих смену политических моделей двусторонних отношений по признаку изменения особенностей структуры этих отношений.

В период с 1932 по 1935 г., наладив дипломатические отношения с СССР, Китай смог внести в региональную систему сдержек и противовесов сил новый компонент, потенциально недружественный Японии, совершившей агрессию в Маньчжурии осенью 1931 г. Кроме того, это позволило Китаю «держать руку на пульсе» военной и политической активности Советского Союза, который поддерживал КПК, противника Гоминьдана.

В условиях полного невмешательства держав установление дипотношений расширяло пространство для военно-дипломатической игры и позволяло искать новые возможности манёвра, даже при том, что СССР проявлял крайнюю уступчивость и осторожность в отношении Японии. Чан Кайши и его сторонники,

стремясь избежать обострения отношений с оккупационными силами, одновременно работали над созданием благоприятных условий для будущих переговоров с Советской Россией. В период с 1933 по 1934 г., несмотря на внутренние разногласия в Гоминьдане, они значительно усилили военное давление на «советские районы». Это включало в себя организованную блокаду, которая в конечном итоге вынудила руководство КПК и часть Красной армии Китая отступить на север.

Окончание этого перехода стало маркером завершения данного этапа наряду с другим событием, VII конгрессом Коминтерна, состоявшимся летом 1935 г., и начала следующего этапа, 1935–1936 гг.

Конгресс официально провозгласил изменение внешнеполитического курса Коминтерна и СССР в направлении межклассовых союзов, нацеленных против фашизма. Этот период для советско-китайских отношений проходил под знаком активного поиска сторонами новых возможностей для будущего взаимодействия, но для Чан Кайши данный поиск осуществлялся с прежних позиций – попыток вывести из игры КПК как фигуру, значимую для политики. Такая активность осуществлялась в условиях политической консолидации «оси Токио – Берлин – Рим», потенциально угрожавшей и Китаю, и СССР. Завершением данного этапа правомерно считать Сианьские события декабря 1936 г., когда Чан Кайши был арестован командованием войск, которые прибыл инспектировать перед наступлением на базы КПК, и был отпущен только на условиях обязательств вступить в борьбу с японцами в союзе со всеми патриотами страны. В течение последующих шести месяцев Чан Кайши пытался «заморозить» импульс, заданный

Сианьским инцидентом, но ему не дали такой возможности японцы, сорвав стратегические замыслы лидера Гоминьдана на подготовку переговоров с СССР при отсутствии значимого фактора КПК.

Третий этап, с 1937–1938 гг., ознаменовался японской военной провокацией под Пекином в июле. Это событие послужило толчком к осуществлению ранее разработанных планов, причем в версии, в большей степени соответствовавшей намерениям советской стороны, нежели ожиданиям представителей китайского правительства: нарастание военно-технического сотрудничества предварялось введением вооружённых формирований КПК в состав Национально-революционной армии, пусть и на условиях жёстких ограничений численности личного состава, возможностей для дислокации частей и так далее. Данный этап подошёл к концу с началом нового цикла вооружённых столкновений между формированиями Гоминьдана и КПК. Завершился этот этап возобновлением вооружённых столкновений между Гоминьданом и КПК.

К тому времени уже начиналось поступление финансовой помощи из США, пока в скромных масштабах, и комплектование на контрактных основаниях авиационных формирований с американским персоналом.

1939–1941 гг. стали периодом сокращения объёмов военно-технического сотрудничества, снижения его разнообразия и интенсивности, вплоть до ограничения его предоставлением советнических услуг. Окончательно завершился этот этап после событий в Пёрл-Харборе, когда Китайская Республика объявила войну Германии, Италии и Японии, став участником союзной коалиции и войдя в орбиту влияния США.

Главными побудительными мотивами к взаимодействию для обеих сторон были те, которые действовали на всех этапах развития их отношений, то есть представляли их постоянные интересы. Для властей Китайской Республики основными внешними факторами такого рода были необходимость защиты от японской агрессии и той латентной угрозы, которую гоминьдановские власти усматривали со стороны Москвы (в том числе в поддержке, которую КПК получала от СССР), а потому источник этой угрозы должен был контролироваться по многим направлениям, что требовало широкого диапазона контактов. Из внутренних факторов наибольшее значение представляли угроза со стороны КПК (которую они усматривали и в ситуации формального взаимодействия с ней в рамках государственной системы), а также конкурирующих гоминьдановских фракций и региональных военных клик. Общий стратегический курс Чан Кайши заключался в стремлении избежать таких шагов, которые вынудили бы Китай расстаться с надеждами на обретение полной независимости, а это могло произойти в случае его окончательного военного разгрома. Поэтому режим Чан Кайши сначала стремился не допустить втягивания армии в крупномасштабные боевые действия, а когда они стали фактом — делал всё, чтобы обойтись без официального объявления войны агрессору (оставляя себе свободу манёвра). В текущей ситуации он искал возможность использовать СССР против Японии, что также предполагало вероятность использования в будущем Японии (побеждённой или как-то иначе выведенной из конфронтации с Китаем) против СССР.

Устойчивые интересы, служившие мотиваторами внешней политики, были и у СССР. Главным таким мотиватором, относящимся к сфере внутренней

активности, становилась необходимость в достаточно длительном экономическом развитии, прежде всего индустриальном, которое обеспечило бы экономическую безопасность страны и её обороноспособность. Поэтому внешним фактором, определявшим политику Советского Союза в отношении Китая (как и вообще внешнюю политику), в 1930-е гг. была потребность в максимально длительной мирной передышке перед считавшимися неизбежными в будущем военными катаклизмами. Отсюда и специфическая активность по линии Коминтерна, приведшая, в частности, к возникновению Всемирного комитета против войны и фашизма в 1933 г. СССР старался максимально избегать серьёзных военных конфликтов до того момента, как будет полностью готов к ним. Соответственно, угроза со стороны Японии была общей для обеих стран, хотя для Китая и актуальной, а для СССР – потенциальной.

На каждом из этапов действовали также специфические для них факторы, влиявшие на структуру и характер взаимоотношений двух стран. Так, на первом этапе стороны преимущественно были заняты возрождением систем дипломатических учреждений и связей по официальной линии. Тем самым Китай получал новые возможности: увеличивал число акторов в регионе, заинтересованных в контактах с ним, и получал возможность подготовить противовес Японии на границе с ней⁴⁰⁶, получить потенциального союзника и одновременно дополнительные средства контроля за активностью Советского

⁴⁰⁶ В тот период в состав Японской империи официально входила территория Корейского полуострова, граничащая с СССР. Создание Маньчжоу-го так же по факту делало границу с этим марионеточным образованием линией разграничения с территориями, оккупированными Японией.

Союза. В свою очередь СССР обретал право официальной деятельности на территории Китая, что могло способствовать развитию экономических и культурных связей, а также поддержанию контактов с КПК. При этом Китайская Республика, воздерживаясь, за исключением отдельных оборонительных акций, от широкого прямого вооружённого сопротивления агрессору, активизировала карательные кампании против «советских районов» на юге Центрального Китая, стремясь их полностью уничтожить. Эта активность имела прямое касательство к советско-китайским отношениям, так как одной из её задач было обеспечение Нанкину выгодных позиций на переговорах с СССР. Кроме того, результатом этой активности и параллельных репрессий в городах стало прекращение работы в Шанхае в 1933–1934 гг. штаб-квартиры ЦК КПК и Дальбюро ИККИ. В 1934 г. руководство партии и часть армии ушли из Центрального советского района на Север, и связь с ними надолго прервалась. Свой отпечаток наложило на развитие отношений между Москвой и Нанкином специфическое для данного этапа обстоятельство: ещё в начале него Коминтерн придерживался установки на жёсткий классовый антагонизм, а с 1933 г. начался его поворот в сторону политики единого антифашистского фронта на основе сотрудничества демократических сил, в условиях Китая вполне отчётливо проявившийся лишь в 1935 г. Вынужденно осторожная политика СССР в отношении Японии, вылившаяся в уступки Маньчжоу-го и контакты с этим марионеточным «государством», в частности, по поводу продажи ему КВЖД и открытия консульств на территории СССР, встречали раздражение властей Китайской Республики и сопровождалась дипломатическими демаршами.

Важными особенностями отношений второго этапа были, во-первых, решение Чан Кайши о проведении переговоров с Советским Союзом по военным вопросам (толчком к чему послужил японский ультиматум – «три принципа Хироты»), во-вторых, его приказ о начале контактов с руководством КПК по линии военно-корпоративных связей, сложившихся во времена сотрудничества двух партий в рамках гоминьдановской Военной школы Хуанпу. Но оба эти начинания продолжали прежние усилия Чан Кайши, направленные к тому, чтобы вести переговоры на своих условиях, фактически выводя из игры КПК – и как политического актора, и как «карту», которую мог «разыграть» СССР. Чан Кайши не мог не принять во внимание решение освещавшегося в прессе VII конгресса Коминтерна о политическом движении в направлении единого фронта с буржуазными организациями (конгресс состоялся в июле – августе 1935 г., а «три принципа» были предъявлены 28 октября). В расчёте на смягчение позиции Москвы и китайских коммунистов, Чан Кайши к силовым методам укрощения КПК присоединил переговорный, оставаясь принципиально на прежних позициях. КПК действительно по линии Коминтерна получала директивы об установлении сотрудничества с другими политическими силами и военными группировками для сопротивления Японии, а также указания подталкивать Чан Кайши к такому сотрудничеству.

Особенности третьего этапа были сопряжены с тем, что Япония фактически инициировала широкомасштабную войну в расчёте на то, что армии Чан Кайши не выдержат массированного натиска. В результате Чан в основном был вынужден принять фактически тот план сотрудничества, который соответствовал расчётам

СССР (то есть на условиях сотрудничества Гоминьдана с КПК). Стоит учесть и то обстоятельство, что еще за четыре месяца до японской провокации, в марте 1937 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о поставке Китаю самолётов и танков на 100 млн кит. долл. (около 28 млн долл. США) и принятии на обучение группы китайских лётчиков и танкистов, то есть принципиальное решение, подытоживающее подготовительную работу 1935–1936 гг., и сообщило об этом Чан Кайши. В августе правительство Китайской Республики объявило о включении войск КПК в состав Национально-революционной армии и заключило Договор о ненападении с СССР. В сентябре КПК заявила о признании руководящей роли Гоминьдана, а Чан Кайши – о создании единого антияпонского фронта всех национальных политических сил. Советский Союз развернул масштабные поставки вооружения и техники в Китай, направил туда своих лётчиков и техников.

Специфику четвёртого этапа определяет в первую очередь последовательное сворачивание процесса военно-технического сотрудничества. Инициатива таких перемен принадлежала правительству СССР, а её причиной стала завершённость тех задач, которые оно перед собой ставило на Дальнем Востоке. Осознав, что лидер Гоминьдана не намерен прекращать сопротивление, поскольку капитуляция означала бы для него политическое самоубийство (учитывая, что его недруги в партии уже перебежали к японцам, а расчёты оккупантов на блицкриг явно провалились), руководство Советского Союза решило сосредоточиться на подготовке к тем событиям, которые назревали в Европе. Тогда же Китай начал добиваться первых успешных результатов на другом фланге международного

взаимодействия – в блокировании с США, которые почувствовали опасность со стороны Японии для своих позиций в Тихоокеанском регионе.

Основные компоненты системы советско-китайских отношений в рассматриваемый период могут быть схематично представлены в следующем виде:

- фактические индивидуальные лидеры правящих партий и государств (не обязательно занимавшие номинально высшие должности), оказывавшие определяющее влияние на государственные решения;

- партийные инстанции и зависимые от их решений государственные органы, отвечавшие за выработку и проведение внешней политики;

- «неформальные», то есть не предусмотренные уставными партийными и государственными конституционными установлениями институциональные образования (в Китае – КПК, фракции Гоминьдана, конкурировавшие и сотрудничавшие с провластной группировкой, локальные военные группировки; в СССР – структуры Коминтерна, имевшие статус надпартийных руководящих инстанций в мировом коммунистическом движении и фактически выполнявшие роль особых внешнеполитических органов);

- сферы деятельности и общественных отношений, на которые главным образом были ориентированы китайско-советские отношения в рассматриваемый период: дипломатия, политика, идеология, оборона и экономика.

На разных этапах эволюции системы китайско-советских отношений в её структуре преобладали разные сферы взаимодействия, в которых доминировали тенденции либо к конкуренции, либо к сотрудничеству.

В 1931–1935 гг. в структуре двусторонних отношений Китайской Республики и СССР фактически преобладали задачи по восстановлению механизмов дипломатических связей, а также антагонистические тенденции в областях политики и идеологии. КПК – политический соратник Советского Союза, следуя установкам Коминтерна, до 1934 г. вела борьбу за свержение гоминьдановского правительства под лозунгами создания советов и отказа от союзов с буржуазными партиями и группами. Национальное правительство пыталось путём военных кампаний и репрессий уничтожить коммунистов как военную и политическую силу; те старались дискредитировать Гоминьдан в глазах общественности, обвиняя правительство в капитулянтстве перед Японией и расправах над патриотами. Для китайского правительства отношения с СССР стали той «картой», которой они искали способы «отыграть» против Японии, но без серьёзных успехов. В свою очередь, борьба КПК становилась для СССР средством подтолкнуть Нанкин к большей уступчивости, что тоже не удавалось.

В 1935–1936 гг. тенденции к конкуренции и сотрудничеству вступили в непростое взаимодействие. Чан Кайши начал прощупывать позиции СССР по поводу военного сотрудничества, но практически до 1937 г. намеревался начать предметный переговорный процесс только после силового решения проблемы КПК как организованной политической и военной силы. Модель советско-китайских взаимоотношений эволюционировала под влиянием политико-идеологической тенденции, ставшей доминантной после VII конгресса Коминтерна. Этот конгресс рекомендовал компартии сотрудничество с локальными военными группировками, прежде всего теми, кто потерял из-за японской агрессии свои позиции на Северо-

Востоке и Севере. Кроме того, ставилась задача склонить Гоминьдан к активной вооружённой борьбе с Японией в союзе с другими патриотическими силами. Тем самым компартия второй раз в своей истории становилась на путь консолидации разных социальных сил для осуществления общенациональной идеи, а от дискредитации Гоминьдана обратилась к моральному воздействию на его членов и руководителей.

С июля 1937 до конца 1938 г. развивалась та политическая модель китайско-советских отношений, которая была максимально адаптирована к нуждам военного сотрудничества. Ему было подчинено и сотрудничество политическое: после японского наступления получение советской финансовой и военно-технической помощи фактически было обусловлено налаживанием взаимодействия Гоминьдана с КПК. Объявление её войск частью правительственной военной системы был призвано показать, что политические и идеологические убеждения компартии и той страны, от которой исходит помощь, не являются препятствием для участия в благом деле, совершающемся во имя национальной идеи. Однако правительство Чан Кайши не оставляло попыток диверсифицировать источники получения помощи, обращая свои надежды в первую очередь к США. Эти усилия дали свои плоды после того, как в 1938 г. возобновились трения Гоминьдана и КПК, которые Москва сочла поводом к тому, чтобы задуматься об изменении качества и объёма содействия Китайской Республике.

Заклучив в мае 1941 г. пакт о ненападении с Японией и на время обезопасив себя от агрессии с восточного направления, Москва в преддверии войны с Германией и её союзниками получила повод прекратить поставки вооружения

Китаю, ограничившись отправкой военных советников. Урегулирование отношений Гоминьдана с КПК утратило непосредственное практическое значение для Советского Союза на ближайшую перспективу, как и вся сложившаяся в 1937 г. политическая модель отношений с Китаем, в рамках которой интеграция КПК в правовое поле Китайской Республики была неременным условием взаимодействия двух стран. Однако миссия связи КПК в Чунцине стала атрибутом взаимодействия Китая с Соединёнными Штатами, подтверждавшего готовность и способность Гоминьдана обеспечить сотрудничество политических сил страны в оказании отпора врагу. Смена моделей советско-китайских отношений отразила изменение всей структуры международных отношений в регионе – переход от модели позднеколониальной эпохи, основанной на коллективных договорах о распределении сфер влияния между державами и дополняемой двусторонними договорами и соглашениями между государствами, к модели, базировавшейся в первую очередь на многосторонних военно-политических союзах.

На всех этапах эволюции и смены политических моделей советско-китайских отношений гоминьдановское правительство Китая играло роль самостоятельного актора, упорно отстаивавшего своё понимание национальных интересов и концепцию национального строительства. Китайская сторона выступала с собственными инициативами, стремилась к улучшению своих переговорных позиций, регулярно предпринимала попытки склонить Москву к прямому конфликту с Токио и так далее. Одной из принципиальных для Чан Кайши была линия на устранение из политической жизни страны компартии или хотя бы принуждение её к признанию верховенства Гоминьдана. Чан Кайши по своей

инициативе установил контакты с КПК еще в 1935 г., но, не достигнув договорённостей, снова пытался физически исключить фактор компартии из переговоров с СССР. КПК, отстояв своё существование перед Гоминьданом в качестве самостоятельной политической силы, тем самым подкрепила переговорные позиции Москвы. Партия установила практически союзнические отношения с крупными военными группировками на Севере, не допустила их конфликта с правительством вовремя Сианьского инцидента 1936 г., чем внесла весомый вклад в строительство советско-китайских отношений и системы национального сопротивления Японии.

Советская сторона отклонила предложение Чан Кайши подписать договор о взаимной военной помощи по соображениям собственной стратегической безопасности. В конце 1939 г., с началом европейской войны, Советский Союз, оказавшись перед угрозой войны на два фронта, принял компромиссную стратегию в отношении Японии. После нескольких пограничных столкновений японская армия осознала военную мощь СССР и отказалась от стратегии «продвижения на север». Подписание советско-японского договора о ненападении существенно охладило отношения между Китаем и Советским Союзом, окончательно склонив Чан Кайши к блокированию с Соединёнными Штатами.

Однако оказанная Китаю значительная военно-техническая помощь обеспечила его способность противостоять Японии на самом сложном этапе войны и содействовала СССР в укреплении безопасности его дальневосточных рубежей. Тот факт, что советские военные советники и авиационные добровольческие части сражались бок о бок с китайской армией, стал важнейшим свидетельством

дружеских отношений между Китаем и Советским Союзом, заслуживающих вечной памяти поколений. Опыт совместной борьбы двух стран в отражении общей угрозы остался вечным достоянием истории и заслуживает глубокого изучения.

1. Архив внешней политики Российской Федерация (АВПРФ). Ф. 100, Оп. 22, П. 190, Д. 10; Ф. 100 ,Оп. 24, П. 7 , Д. 196.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 21.
3. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. ОП. 3а. Д. 1303; Ф.33987. ОП.3а. Д.1261.
4. United Nations Library & Archives Geneva. File R5208/14/39544/1139 – 107th Session of the Council, December 1939 – Verbatim Records // United Nations Library & Archives. November 2, 2021. URL: <https://archives.ungeneva.org/107th-session-of-the-council-december-1939-verbatim-records> (дата обращения: 9.03.2026).
5. 台北“国史馆”档案史料文物查询系统: 002 全宗.蒋介石档案[Система поиска архивных материалов и документов «Государственного исторического архива» (Тайбэй): Фонд 002. Архив Чан Кайши] URL:<https://ahonline.dnzh.gov.tw/index.php?act=Archive/search/eyJxdWVyeSI6W3siZmllbGQiOiJ6b25nX2lkIiwidmFsdWUiOiIwMDIiLCJhdHRyIjoieyJ9XSwiZG9tY29uZiI6eyJxdWVyeV9oaXN0b3J5X2NvbnRlbnQiOiJibG9jayIsInBvc3RfcXVlcnlfY29udGVudCI6ImJsbnRlIiwzMmFjZXRzYnkiOiJ6b25nX25hbWUiLCJ6b25nX25hbWUiOiJibG9jayIsInllYXJudW0iOiJub25lIiwicGVyc29uIjoibm9uZSI6ImxvY2F0aW9uIjoibm9uZSJ9fQ%3D%3D>.(дата обращения: 9.03.2026).
6. 台北“国史馆”档案史料文物查询系统: 005 全宗.蒋经国档案 [Система поиска архивных материалов и документов «Государственного исторического архива»

(Тайбэй): Фонд 005. Архив Цзян Цзинго.] URL:
<https://ahonline.drn.gov.tw/index.php?act=Display/image/7846452WT9=WVK#84l>.

(дата обращения: 9.03.2026).

7. 台北“国史馆”档案史料文物查询系统：127 全宗.抗战史料 [Система поиска архивных материалов и документов «Государственного исторического архива» (Тайбэй): Фонд 127. Архивные материалы по истории Антияпонской войны]. URL:

Опубликованные архивные источники

9. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920-1925: Документы / ред. Го Хэньюй, М.Л. Титаренко. М.: АО «Буклет», 1994. 792 с.
10. ВКП(б), Коминтерн и Китай / ред. колл. *М. Л. Титаренко, М. Лейтнер* и др. М.: РОССПЭН, 2007. Т. V. ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. 1937 – май 1943. 752 с.
11. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931-1937. В 2 ч. М.: РОССПЭН, 2003. 856 с.
12. Документы внешней политики СССР: в 24 т. Т. 20: 01 января – 31 декабря 1938. М.:1977. 814 с.
13. Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. *С. Л. Тихвинский*. Т. 3: Советско-китайские отношения, сентябрь 1931 – сентябрь 1937. М.:2010. 859 с.
14. Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. *С. Л. Тихвинский*. Т. 4. Кн. 1: С- к отн 1937–1944 гг. М.:2010. 869 с.
15. Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов / отв. ред. *И. Ф. Курдюков* [и др.]. М.:1959. 468 с.
16. 李嘉谷：“中苏国家关系史资料汇编（1933-1945）”[*Ли Цзягу*. Сборник данных по истории отношений Чжунго и Советского государства (1933-1945)]//北京:中国社会科学文献出版社,1997 年,683 页.
17. 秦孝仪主编：“中华民国重要史料初编--对日抗战时期第三编--战时外交(二)”[*Цинь*

Сяои. Первый сборник важных исторических материалов Китайской Республики: Период сопротивления Японии (часть III) -- Дипломатия военного времени (II)]. 台北: “国史馆”, 1981. 883 页.

18. Коллекция 127. Исторические материалы о войне сопротивления против Японии // Тайбэй: Система поиска по архивам и историческим материалам Национального исторического музея. URL: <https://ahonline.drn.gov.tw/index.php?act=Archive> (дата обращения: 29.04.2025).

Дневники и воспоминания

蒋介石日记 Дневник Чан Кайши.

王世杰日记 (上册) [Дневник Ван Шицзе (Т.1)]. 台北: 中研院近史所, 2012 年. 896 页.

颜惠庆日记 (第 1-3 卷) [Дневник Янь Хуэйцина (тома 1-3)]. 北京: 中国档案出版社, 1996.

Периодическая печать

申报[Шэньбао.14 декабря].

Правда. 16 декабря 1939 г.

Список литературы

На русском языке

19. Агеев К.П., Бобылев П.Н., Манаенков Т.С. [и др.]. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975. 188с.

20. *Астафьев Г.В.* Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945) // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 74–82.
21. *Астафьев Г.В.* Советские лётчики в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 4. С. 131–139.
22. *Барский К.М.* Полпредство СССР в Китае в 1933 - 1937 годах: сильные люди и сложные задачи, которые они решали // Международная жизнь. 2020. № 6. С.128-157.
23. *Барский К. М.* Полпред СССР в Китае Д.В.Богомолов: дипломатический подвиг и личная трагедия // Международная жизнь. 2020. № 7. С. 84-103.
24. *Барышников В.Н.* СССР и Финляндия: к вопросу об обстоятельствах и времени принятия решения о начале «Зимней войны» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. №2. С.18-36.
25. *Батурин Ю.М.* История спецоперации по поставке советского оружия в Китай (1937-1943 гг.). М.: РАН, 2017. 42 с.
26. *Бородин Б.А.* Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне, 1937-1941. М., 1965. 200с.
27. *Бушуева Т.С., Серегин А.В.* Халхин-Гол: Исследования, документы, комментарии; Отв. М.: 2009. 248 с.
28. *Вартанов В. Н.* Военная помощь СССР китайскому народу накануне и в годы Второй мировой войны (1937-1945). М.: 1990. 290 с.
29. *Вартанов В.Н.* Операция "Z": Советские добровольцы в антияпонской войне китайского народа в 30-40-е гг. М.:1992. 160 с.

30. *Верченко А.Л.* Значение образования Общества советско-китайской дружбы для советско-китайских отношений // *Modern oriental studies*. 2022. №4. С. 88-101.
31. *Верченко А.Л.* Советско-китайское взаимодействие в годы японо-китайской войны(1931-1945) // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2020. №25. С. 382-399.
32. *Верченко, А. Л.* Роль Сунь Кэ в советско-китайских отношениях накануне Второй мировой войны / А. Л. Верченко // *Россия - Китай: история и культура : сборник статей и докладов участников VIII Международной научно-практической конференции*. С. 50-56.
33. *В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских лётчиков-добровольцев*. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. 381с.
34. *Военная помощь СССР китайскому народу накануне и в годы Второй мировой войны (1937–1945)*. М., 1990. 404 с.
35. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.:1999. 408с.
36. *Волкова И.В.* Военно-политическое сотрудничество СССР с Гоминьданом (1923–1942гг.). Комсомольск-на-Амуре, 2020. 375 с.
37. *Волкова И.В.* Между Китаем и Японией: внешняя политика СССР на Дальнем Востоке в контексте подготовки к заключению советско-японского пакта о нейтралитете(1939-1941) // *История: факты и символы*. 2020. №4 (25). С.111-122.
38. *Волкова И. В.* Позиция СССР по вопросу о Сианьских событиях 1936 года // *Научный диалог*. 2016. №2 (50). С.220-231.
39. *Воронцов В.Б.* Судьба китайского Бонапарта. М.: Политиздат, 1989. 336 с.

40. Гаврилов В. А. Дальневосточный фронт: вклад Китая в Победу//Вторая мировая война и Восток. Кн. II: колл. моногр. отв. ред. и сост. Н.Г. Романова, КВ. Орлова. М.: ИВ РАН, 2024. С. 99-127.
41. *Галенович Ю.М.* «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. Т. 1: От октября 1917 г. до октября 1949 г. М.: ИДВ, 1992. 170 с.
42. *Галенович Ю.М.* Два генералиссимуса: И. В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М.: ИДВ РАН, 2008. 372 с.
43. *Галенович Ю.М.* Нация Китая в борьбе против японской агрессии в 1930-х - 1940-х гг // Общество и государство в Китае. 2018. №1. С. 71-81.
44. *Галенович Ю.М.* Россия – Китай: шесть договоров. М.: Муравей, 2003. 407 с.
45. *Галенович Ю.М.* Российско-китайские отношения (конец XIX - начало XXI в.). М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007. 271 с.
46. *Галенович Ю.М.* Цзян Чжунчжэн, или Неизвестный Чан Кайши. М.:2002.358 с.
47. *Гальперин А.* Обзор международных отношений на Дальнем Востоке (1930–1939) // Историк-марксист. 1940. № 4–5. С. 85–99.
48. *Глунин В.И. Григорьев А.М., Кукушкин К.В., Никифоров В.Н.* Новейшая история Китая. 1917 – 1970 гг. / отв. ред. М.И. Сладковский. М.: Мысль, 1972. 437 с.
49. *Го Ян.* Роль Советского Союза в противостоянии коммунистической партии Китая и Гоминьдана : 1920-1940-е годы : дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2018. 221 с.
50. *Горбачев Б.Н.* Китайский фронт // Азия и Африка сегодня. 1995. № 7. С. 14-22.
51. *Горбачев Б.Н.* Внешняя помощь Китаю в годы войны с Японией (1937-1945 гг.)/Проблемы Дальнего Востока. 2015, № 3. С. 123-135.

52. *Горбачев Б.Н.* Военные события на Халхин-Голе летом 1939 года в китайских оценках прошлого и настоящего // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. . 2024. № 4 . С. 41-47.
53. *Горбачев Б.Н.* Китайский фронт Второй мировой войны в оценках советских (российских) авторов: историографический очерк // Проблемы Дальнего Востока. 2025, № 4. С. 139-154.
54. *Грайворонский В.В.* Лузянин С.Г. Война на Халхин-Голе: место в мировой истории // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 1. С. 156-164.
55. *Дацышен В. Г.* История русско-китайских отношений. 1917-1949 гг. : учебное пособие. Красноярск : СФУ, 2023. 216 с.
56. *Дубинин Ю. А.* Политика и дипломатия СССР на Дальнем Востоке в канун и в годы Второй мировой войны // Вестник МГИМО. 2023. №6. С.92-123.
57. *Дубинский А.М.* Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937-1945. М.: Мысль, 1980. 279 с.
58. *Дубинский А.М.* Международные отношения и внешняя политика СССР на Дальнем Востоке: (1931 – 1939 гг.). М.: Мысль, 1951. 59 с.
59. *Иващенко А.С.* Советско-китайские отношения в работах российских синологов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2021. №4 (212). С. 70-78.
60. История второй мировой войны 1939-1945. Т. 1. М.: Воениздат, 1982. 366с.
61. История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. Т. VII. Китайская Республика (1912–1949). М., 2013. 791с.

62. *Калягин А. Я.* По незнакомым дорогам (Записки военного советника в Китае). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 445с.
63. *Катица М. С.* Советско-китайские отношения. Москва : Госполитиздат, 1958. 424 с.
64. *Каткова З.Д.* Внешняя политика гоминьдановского правительства Китая в период антияпонской войны (1937-1945). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. 240 с.
65. *Каткова З.Д.* Китай и державы. 1927-1937 гг. М.: Вост. лит., 1995. 278 с. (101)
66. *Каткова З.Д.* Чан Кайши и его немецкие советники // 42-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М., 2012. С. 183–189.
67. *Косов А.П.* Внешняя политика США в отношении Китая в 1918–1949 гг. // Вестник Брестского государственного технического университета. 2011. № 6. С. 27–30.
68. Кризис и война: международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 30-40-х годах / отв. ред. А.Д. Богатуров. Москва : МОНФ, 1998. 351 с.
69. *Кузнецов В. В.* Советско-китайские отношения перед началом Великой Отечественной войны (1937-1941 гг.)// под ред. Е. В. Дроботушенко. Том Часть 1. Чита: Забайкальский государственный университет, 2015. С. 63-67.
70. *Лавренов С.Я.* Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ; Астрель, 2003. 778 с.
71. *Ларин.А.Г, Лукин.А.В.* Жизнь Цзян Цзинго в СССР и становление его мировоззрения // Общество и государство в Китае. 2023. №43.С.297-340.

72. *Левин Я. А.* Выстраивание отношений между США и Китайской республикой в 1941-1942 гг (по материалам Библиотеки президента Франклина Рузвельта) // Вопросы истории. 2021. № 7-1. С. 227-239.
73. *Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937 – 1952. М.: Памятники ист. мысли, 1999. 340 с.
74. *Лузянин С.Г.* Китай в годы Второй мировой войны (1939-1945 гг.) // На азиатском направлении. Том 1. Канун трагедии. М.: МГИМО, 2010. С. 364-380.
75. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках. М.: Восток-Запад, 2007. 598с.
76. *Лукин А.В.* Иванов А.В. Российско-китайские отношения: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО. 2011. №2. С. 312-317.
77. *Лукин А.В.* Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // Сравнительная политика. 2019. №2. С. 135-151.
78. *Лю Т.* Потенциальные противоречия между Китаем и СССР после конфликта у озера Хасан (с 1938 года) / Т. Лю // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2025. Т. 69, № 2. С. 14-30.
79. *Мамаева Н.Л.* Советско-китайские отношения и Коминтерн в период обострения международной обстановки (1931-1937) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. №4 (62). С. 5-15.
80. *Мельтюхов М. И.* Советский Союз в европейской политике осени 1938 - лета 1939 гг. // Вестник МГИМО. 2009. №4. С.126-142.
81. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840-1949) / Под ред. *Е. М. Жукова*. М.: Политиздат, 1956. 784 с.

82. *Мировицкая Р.А.* Отношения СССР с Китаем в годы кризиса Версальско-Вашингтонской системы международных отношений (1931-1937 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. Т. 14, вып. 14. С. 241-271.
83. *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана. М.: 1990. 234 с.
84. *Мировицкая Р.А.* Советско-китайское взаимодействие накануне и на первом этапе Второй мировой войны (1937-1941 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 102-112.
85. *Мировицкая Р.А.* Советский Союз и Китайская Республика. 1930-е годы, проблемы внутривосточной стабильности в Китае / Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М.:2012. С.18-29.
86. *Мичурин А. Н.* Советско-китайские отношения накануне Второй мировой войны // Россия в глобальном мире. 2016. № 8(31). С. 92-103.
87. *Молотов В.М.* О внешней политике Советского Союза. М.:1939. 19 с.
88. *Муравьева Л.А.* Курс на «социалистическую индустриализацию» // Финансы и кредит. 2003. № 7(171). С. 69-78.
89. *Мухин М.Ю.* Советский авиазавод в западном Китае. // Великая Отечественная – известная и неизвестная: историческая память и современность. М., 2015. С.281-287.
90. *Мухин М.Ю.* Советско-китайское сотрудничество в области авиастроения в 1937-1941 гг. // 70-я годовщина победы во Второй Мировой войне в анти-японской войне. Чунцин. 2015. С.557-573.

91. *Мухин М.Ю.* Советский авиазавод в западном Китае // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй Мировой войне. М., 2015. С.46-52.
92. *Мясников В. С.* Россия и Китай. 400 лет межгосударственных отношений. Т. 24. Нью-Йорк: Edwin Mellen press, 2001. 619 с.
93. *Мягков М. Ю.* Ржешевский О. А. Упущенный шанс: англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. И советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. // Вестник МГИМО. 2009. №4. С.177-184.
94. *Назаренко И.С.* Оказание Советским Союзом военно-технической помощи Китаю в национально-освободительной войне, 1937-1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2022. 270 с.
95. *Назаренко И.С.* Проблемы и противоречия, возникшие в ходе оказания военно-технической помощи Советского Союза Китаю в 1937-1941 гг. // Материалы военно-истор. семинара «Военные конфликты XX в.: история и современность». СПб.: 2022. С. 33-38.
96. *Новиков М.В.* Советские военные советники в Китайской Республике в 1938-1943 гг. (по материалам воспоминаний // Вестник гуманитарного образования. 2023. № 4(32). С. 53-62.
97. *Окороков А.В.* Русские добровольцы. Москва : Яуза : Эксмо, 2007. 368 с.
98. *Ополев В. Г.* Роль Чан Кайши в советско-китайских отношениях (вопросы отечественной историографии) // ОНВ. 2007. №4 (58). С. 31-34.
99. *Панцов А.В.* Непобежденный: подлинная история Чан Кайши. Москва : Молодая гвардия, 2019. 505с.

100. *Панов А.Н.* Саркисов К.О., Стрельцов Д.В. 2019. История внешней политики Японии 1868-2018 гг. Москва: Международные отношения. 456 с.
101. *Панюшкин А.С.* Записки посла: Китай 1939-1944 гг. М., 1981. 309с.
102. *Петрунина Ж.В.* Чан Кайши и Чжан Цзолинь: выбор Китая в 1920-х гг // Общество: философия, история, культура. 2018. №12 (56). С. 107-111.
103. Победа на Халхин-Голе: в поисках исторической истины: (Коллективная монография) / Отв. ред. *А.С. Железняков, Е.Л. Катасонова*; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2021. 348с.
104. *Полиновская Е.А.* Антифашистская концепция Коминтерна: история формирования и эволюция // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 1 (834). 2019. С. 152-162.
105. *Примак П.В.* Укрепление Советско-китайских отношений в 30-х годах XX века // Заметки ученого. 2022. № 3-2. С. 43-47.
106. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 704с.
107. Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне / под ред. С. Г. Лузянина. Москва : ИДВ РАН, 2012.162 с.
108. Романова Г.Н. Военная помощь СССР Китаю в период Второй мировой войны (1939-1945) в оценке отечественных и китайских историков // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 1(90). С. 113-122.
109. *Рябченко Н. П.* О Китае и российско-китайских отношениях. Владивосток: Дальнаука, 2016. 258 с.

110. *Рябченко Н. П.* Советско-китайское сотрудничество в антияпонской войне: этапы и проблемы // Россия и АТР. 2015. №3 (89). С.61-77.
111. *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны (1931–1950). М., 1977. 353с.
112. *Севостьянов Г.Н.* Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. Москва : Изд-во социально-экономической литературы, 1961. 557 с.
113. *Сидоров А.Ю.* Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932-1937 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 122-138.
114. *Сиполс В.Я.* Внешняя политика Советского Союза 1936-1939 гг. М.: Наука, 1987. 335 с.
115. *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. Москва : Международные отношения, 1979. 320 с.
116. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917-1974). М.: Наука, 1977. 366 с.
117. *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957. 455 с.
118. *Славинский Б.Н.* СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. Москва: ЗАО «Япония сегодня», 1999. 540 с.
119. *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941-1945 гг. М.: ТОО Новина, 1995. 335 с.
120. *Смирнов В. П.* Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // Вестник МГИМО. 2009. №4. С.185-203.

121. Советско-китайские отношения. Москва : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1969. 335 с.
122. *Соколов В. В.* Предложение Чан Кайши об открытии "второго фронта" на Дальнем Востоке в 1941 году // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 89-95.
123. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны/Отв. ред. *В.В.Наумкин*. М.: ИВ РАН, 2010.459 с.
124. СССР и Китай в совместной борьбе с японской агрессией в годы Второй мировой войны / Центральный музей Великой Отечественной войны; Мемориальный музей антияпонской войны китайского народа. М.: Вече, 2015. 160 с.
125. *Соколов В.В.* «Забытый дипломат» Д.В. Богомолов (1890-1938) // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С.165-195.
126. *Сотникова И.Н.* Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937-1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. №3. С. 123-133.
127. *Тихвинский С.Л.* Китай в моей жизни (30-90-е годы). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1992. 159 с.
128. *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости, 1898-1949 гг. М., 1996. 574 с.
129. *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. 30-ые годы XX века. - М.: «Товарищество научных изданий КМК», 2007. 454 с.
130. VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: (Сборник документов). М., Политиздат, 1975. 527 с.

131. *Хироаки Куромия*. "Советскому Союзу придется воевать с Японией": два письма Сталина Чан Кайши (1939 и 1941 гг.) / Хироаки Куромия // Клио. 2021. № 3(171). С. 28-31.
132. *Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши)*. Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. 2-е изд., исправленное и дополненное. М., 2009. 440с.
133. *Черникова Л.П.* Российско-китайские отношения: история и современность // Проблемы востоковедения. 2015. №2 (68). С. 42-47.
134. *Ченнолт К.Л.* Путь бойца: американская авиация в войне на Тихом океане. М: АСТ : АСТ Москва : Транзиткнига, 2006. 555 с.
135. *Черепанов К.В.* Между Китаем и Японией. Дальневосточная стратегия СССР в 1931-1941 гг // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. №4. С.102-118.
136. *Черепанов К.В.* О позиции И. В. Сталина в отношении японо-китайской войны // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. №3. С. 16-24.
137. *Чуйков В.И.* Миссия в Китае. М.: 1983. 270с.
138. *Чудодеев Ю.В.* На земле и в небе Китая. Советские военные советники и лётчики-добровольцы в Китае в период японо-китайской войны. 1937-1945 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. 216с.
139. *Чудодеев Ю.В.* Роль СССР в отражении японской агрессии в Китае и проблема взаимодействия советского руководства с лидерами Китайской Республики // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49, № 3. С. 278-283.
140. *Чудодеев Ю.В.* Советские военные советники в Китае (1937-1942 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 2. С. 117–124.

141. *Чудодеев Ю.В.* Советские лётчики в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 4. С. 131–139.
142. *Чудодеев Ю.В.* СССР и Китай накануне и в годы Второй мировой войны // Общество и государство в Китае. 2015. №2. С.750-772.
143. *Шэн Юэ.* Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания / Пер. с англ. Л. И. Головачёвой и В. Ц. Головачёва. М.:2009. 320 с.
144. *Широкопад А. Б.* Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. Москва: «Вече», 2004. 446с.
145. *Юркевич А.Г.* Советские советники и Чан Кайши: две стратегии военного строительства (1920-е гг.) // Вестн. РУДН. Серия История России. 2009. № 3. С. 41-48.
146. *Ян Итин.* Внешнеполитическая стратегия Китая в отношении СССР (1931–1937 гг.) // Россия и АТР. 2021. № 3. С. 82–93.
147. *Зиновьева О.О.* Изменения в китайской политике США после начала Второй мировой войны // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3 (203). С. 85-89.

На английском языке

148. *Pantsov A.V.* Victorious in Defeat: The Life and Times of Chiang Kai-shek, China: 1887-1975. New Haven: Yale University Press, 2023. 736 p.
149. *Amerasia.* A review of America and Asia. N.Y., 1941. Vol.V. No.6. 48p.

150. *Beloff M.* Soviet Policy in China // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-), 1951, 27(3): 285-296.
151. *Bottelier T.W.* 'Not on a purely nationalistic basis': the internationalism of Allied coalition warfare in the Second World War. *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, 2020, 27(1-2): 152-175.
152. *Bunker G.E.* The Peace Conspiracy: Wang Ching-wei and the China War, 1937-1941. Cambridge: Harvard University Press, 1972. 327 p.
153. *Ch'i Hsi-sheng.* Nationalist China at War: Military Defeats and Political Collapse, 1937-45. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1982. 309 p.
154. *Chudodeev Y.V.* Relations between the Soviet Union and China on the eve and during the second world war. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2016, 86(3): 258-267.
155. *Denny H.* Son Repudiates Chiang Kai-Shek // *The New York Times*. February 12, 1936.
156. Foreign relations of the United States, 1941. The Far East. U.S. Government Printing Office, 1941. Vol. IV. 1044p.
URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v04> (дата обращения: 2.0.2026).
157. Foreign relations of the United States, 1941. The Far East. U.S. Government Printing Office, 1941. Vol. V. 938p.
URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v05> (дата обращения: 2.03.2026).
158. *Garver J.W.* Chiang Kai-shek's Quest for Soviet Entry into the Sino-Japanese War. *Political Science Quarterly*, 1987, 102(2): 295-316.

159. *Garver J.W.* China's Wartime Diplomacy // China's Bitter Victory. Routledge, 2016: 3-32.
160. *Garver J.W.* The "New Type" of Sino-Soviet Relations. *Asian Survey*, 1989, 29(12): 1136-1152.
161. *Garver J.W.* Chinese-Soviet Relations, 1937-1945. The Diplomacy of Chinese Nationalism. New York, Oxford: Oxford University Press, 1988. 301 p.
162. *Haslam J.* The Sino-Japanese War and Soviet Aid to China, 1937–38 // The Soviet Union and the Threat from the East, 1933–41: Moscow, Tokyo and the Prelude to the Pacific War. London: Palgrave Macmillan UK, 1992: 88-111.
163. Historical Dictionary of United States– China Relations. Lanham; Maryland; Toronto; Oxford, 2006. 239 p.
164. *Israel J.* Student Nationalism in China 1927-1937. Stanford: Stanford University Press, 1966. 209 p.
165. *Jersild A.* Sino-Soviet alliance: An international history. Chapel Hill: UNC Press Books, 2014. 356 p.
166. *Lisk G.* Nations in Alliance: The Limits of Interdependence. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1968.
167. *Mah N.W.* Sino-Soviet Relations in Retrospect. *Russian Review*, 1950, 9(4): 267-274.
168. *Mancall M.* Soviet Historians and the Sino-Soviet Alliance // Contemporary History in the Soviet Mirror. Routledge, 1964: 177-198.
169. *Moore H. L.* Soviet Far Eastern Policy, 1931-1945. New York: Howard Fertig, 1973. 284 p.

170. *Prete R.A.* Coalition Warfare: an uneasy accord. Wilfrid Laurier Univ. Press, 1984. 146 p.
171. *Riley B.P.* The partnership of unequals: A short discussion on coalition war. *Defence Studies*, 2002, 2(3): 103-118.
172. *Sinha R.* Sino-American Relations. Mutual Paranoia. Hampshire, N.Y., 2003. 255 p.
173. *Sutter R.* The United States in Asia. Lanham; Boulder; N. Y.; Toronto; Plymouth (UK), 2009. 303 p.
174. *Tolstov S.* The Political and Military Alliances and Coalition Relations Before and During the Second World War: Nature, Modality and Peculiarities. *Проблеми всесвітньої історії*, 2016 (1): 79-108.
175. *Tuchman B.W.* Stilwell and the American Experience in China 1911–45. N. Y.: The Macmillan Company, 1971. 621 p.
176. *Varg P.A.* The Closing of the Door. Sino-American Relations, 1936–1946. Michigan State University Press, 1973. 300p.
177. *Walsh B.K.* The Germany Military Mission in China. 1928–1938. *Modern History*, Vol. 46, № 3 (Sep. 1974), pp. 502–513.
178. *Walt. Stephen.* The Origins of Alliances. Cornell University Press, 1987. 321 p.
179. *Ward M.D.* Research Gaps in Alliance Dynamics. Denver: University of Denver, 1982. 107 p.
180. *Wu A.K.* China and the Soviet Union: A Study of Sino–Soviet Relations. Routledge, 1950. 452 p.
181. *Young A.N.* China and the Helping Hand 1937-1945. Cambridge: 1962. 502 p.

На китайском языке

182. 艾智科.抗战时期的中苏文化协会[*Ай Чжикэ. Китайско-советское культурное объединение в годы войны*]//红岩春秋,2020 年第 12 期.62-65.
183. 安德 (Ананян Армаис Мартуниевич) . “正义之剑”：苏联志愿队在中国，1937-1941[“Меч справедливости”: Советские добровольцы в Китае, 1937-1941].台北：政治大学历史系博士论文，2017.
184. 卞岩 .1932 年中苏复交档案史料 [*Бянь Янь. Архивные материалы о восстановлении дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом в 1932 году*]//民国档案. 2006,(02):7-10.
185. 曹伯韩.从苏联谈到联苏[*Цао Бохань. Из Советского Союза в Советский Союз*].长沙：中苏文化协会湖南分会，1938. 36 页.
186. 曹艺. 苏日中立条约与二战时期的中国及远东[*Цао И, Советско-японский договор о нейтралитете и Китай и Дальний Восток во время Второй мировой войны*]. 北京：社科文献出版社, 2012, 355 页.
187. 蔡维藩.苏俄如何防日[*Цай Вэйфан. Как Советская Россия защищалась от Японии*]//外交评论. 1936 年第 7 卷第 6 期.
188. 蔡梓. 变局中的坚守:《苏德互不侵犯条约》与国民政府的抗日外交战略[*Цай Цзы. Стоять твердо в эпоху перемен: советско-германский пакт о ненападении и антияпонская дипломатическая стратегия националистического правительства*]//民国研究,2017,(01):125-136.
189. 陈开科. Z 行动：苏联空军志愿队研究[*Операция Z: Исследование о советских лётчиках-добровольцах в Китае*].北京：社科文献出版社, 2025, 953 页.

190. 陈开科. 中苏外交战略协调背景下的苏联援华航空志愿队[Чэнь Кайкэ. Советский авиационный добровольческий корпус для Китая в контексте китайско-советской дипломатической стратегической координации]//抗日战争研究, 2015 年第 4 期.59-72.
191. 陈开科. 档案里的历史真相—苏联航空志愿队的几个问题[Чэнь Кайкэ. Исторические истины из архивов - несколько вопросов о советском добровольческом авиационном корпусе]//俄罗斯东欧中亚研究.2018 年第 3 期.112-125.
192. 陈开科.抗战前期中苏交通线与苏联军事物资输华[Чэнь Кайкэ: «Китайско-советские линии связи и советские военные поставки в Китай в предвоенный период».]//俄罗斯学刊, 2021 年第 4 期.19-38.
193. 陈廷湘.1928—1937 年《大公报》等报刊对中苏关系认识的演变[Чэнь Тинсян. Эволюция восприятия китайско-советских отношений в газете «Да Гун Бао» и других газетах с 1928 по 1937 год]//近代史研究,2006,(03):23-40.
194. 陈晖.试析 1937-1941 年的中苏关系[Чэнь Хуэй. Анализ китайско-советских отношений в 1937—1941 годах]//南京师大学报(社会科学版),2003,(06):113-118.
195. 程舒伟. 关于抗日战争开端问题的几点认识[Чэн Шувэй. Несколько моментов понимания вопроса о начале войны сопротивления против японской агрессии]//社会科学战线,2010,(04):111-116.
196. 党史研究资料[Исследовательские материалы по истории партии]//1988 年第 7 期, 第 23-24 页.
197. 邓野. 蒋介石的战略布局: 1939-1941 [Дэн Е. Стратегический план Чан Кайши: 1939-1941]北京: 社会科学文献出版社, 2019 年, 420 页.

198. 邓野.日苏中立条约在中国的争议及其政治延伸[Дэн Е. Споры вокруг советско-японского пакта о нейтралитете в Китае и их политические последствия]//近代史研究,2009,(06):4-19.
199. 戈尔巴乔夫·鲍里斯·尼古拉耶维奇. 第二次世界大战中的中国战场: 不同时期俄罗斯历史著作的评价 //抗日战争研究. 2025 年第 3 期, 4-14 页[Горбачев Борис Николаевич. Китайский фронт Второй мировой войны в оценках российской историографии разных лет // китайский журнал «Канжи чжаньчжэн яньцзю» (Вопросы изучения Антияпонской войны).С. 4-14.
200. 高华. 孙科与国民政府对苏外交 1932-1945[Гао Хуа. Сунь Фо и дипломатия национального правительства с Советским Союзом 1932-1945]// 南京大学学报.1998 年.第 2 期.77-84.
201. 高立伟. 抗日战争时期中苏关系发展模式分析—基于苏联高层决策角度[Гао Ливэй. Анализ модели развития китайско-советских отношений в период войны сопротивления Японии: на основе перспективы принятия решений на высоком уровне в Советском Союзе]//学术探索,2021,(01):106-114.
202. 顾维钧回忆录(第四册)[Мемуары Гу Вэйцзюня. Т.4]. 北京: 中华书局, 1986 年. 592 页.
203. 国际条约集(1934-1944)[Сборник международных договоров (1934-1944)].北京: 世界知识出版社.
204. 何飞彪. 皖南事变后蒋介石的对苏策略[Хэ Фэйбао. Стратегия Чан Кайши в отношении Советского Союза после инцидента в Ваньнане]// 中共党史研究,2020,(03):77-87.

205. 胡海燕. 他担任过苏联军事顾问的编译——记抗战时期的孔柯嘉[Ху Хайянь. Он работал переводчиком советских военных советников – воспоминания о Кун Кэцзя во время войны сопротивления] //江淮文史. 1993 年第 3 期.
206. 胡愈之. 抗战与外交[Ху Ючжи. Война сопротивления и дипломатия].上海: 生活书店. 1937. 104 页.
207. 胡愈之. 苏联革命与中国抗战[Ху Ючжи. Советская революция и китайская война сопротивления Японии].上海:生活书店, 1937. 165 页.
208. 胡愈之. 苏联与中日战争[Ху Ючжи. Советский Союз и китайско-японская война].上海: 战时出版社, 1938. 80 页.
209. 胡适来往书信选(全二册)[Избранная переписка Ху Ши.Т.1.2.].北京:中国社会科学文献出版社.2013 年. 1214 页.
210. 黄世相. 略评二战期间的苏联对华政策[Хуан Шисян. Краткий обзор советской политики в отношении Китая во время Второй мировой войны]//江西师范大学学报,1993,(01):84-89.
211. 黄希陶. 张淮南先生二三事[Хуан Ситао.Немного о господине Чжан Хуайнэне]//乐清文史资料,2000 年第 4 辑.
212. 蒋清宏. 二战时期苏日“中立”状态的形成、维持及破裂——以相关条约为中心的考察[Цзян Цинхун. Формирование, поддержание и разрушение «нейтралитета» между Советским Союзом и Японией во время Второй мировой войны: исследование с акцентом на соответствующие договоры.]//军事历史研究.2023,37(01):97-107.
213. 蒋廷黻. 蒋廷黻回忆录[Цзян Тинфэй.Мемуары Цзян Тинфэя].北京: 中华书局, 2014 年.

214. 蒋中正. 苏俄在中国—中国与俄共三十年经历纪要[*Цзхан Чжунчжэн. Советская Россия в Китае - хроника тридцатилетнего опыта взаимодействия Китая и Коммунистической партии России*],台北: 中央文物, 440 页.
215. 金东吉. 《苏日中立条约》的缔结与影响[*Цзинь Дунцзи. Выводы и последствия китайско-японского договора о нейтралитете*].中共党史研究,2008,(01):82-89.
216. 李恩涵. 北伐期间收回汉口、九江英国租界的交涉—国民政府「革命外交」的研究之一[*Ли Энхань. Переговоры о возвращении британских концессий в Ханькоу и Цзюцзяне во время Северного похода: исследование «революционной дипломатии» националистического правительства.*]//历史学报 1982 年第 10 期.405-439.
217. 李恩涵. 九一八事变前(1931)中英撤废领事裁判权的交涉—国民政府「革命外交」的研究之四[*Ли Энхань. Переговоры между Китаем и Великобританией об отмене консульской юрисдикции до инцидента 18 сентября (1931 г.): Часть IV исследования «Революционная дипломатия» национального правительства*]//中央研究院近代史所研究集刊 1988 年第 17 期上册.C.147-191.
218. 李嘉谷. 合作与冲突—1931-1945 年的中苏关系[*Ли Цзягу. Сотрудничество и конфликт - китайско-советские отношения 1931-1945*]//广西师范大学, 1996 年, 365 页.
219. 李嘉谷. 抗战时期苏联援华飞机等军火物资数量问题的探讨[*Ли Цзягу. обсуждение вопроса о количестве советских самолетов и других вооружений, поставленных в Китай в период войны*]//近代史研究.1993 年第 6 期, 第 141-142 页.
220. 李嘉谷. 《苏日中立条约》签订的国际背景及其对中苏关系的影响[*Ли Цзягу. Международный контекст подписания китайско-советского договора о*

нейтралитете и его влияние на китайско-советские отношения]// 世界历史,2002,(04):79-88.

221. 李嘉谷. 关于 1941 年苏日签订中立条约谈判的新揭密档案[Ли Цзягу. Международный контекст подписания китайско-советского договора о нейтралитете и его влияние на китайско-советские отношения]// 世界历史,1998,(05):83-98.
222. 李嘉谷. 论《苏日中立条约》的签订及其对中国抗战的实际影响[Ли Цзягу. О подписании китайско-японского договора о нейтралитете и его реальном влиянии на китайскую войну сопротивления Японии]// 抗日战争研究,1998,(01):56-75.
223. 李嘉谷. 九一八事变后中苏关系的调整[Ли Цзягу. Изменения в китайско-советских отношениях после инцидента 18 сентября]// 抗日战争研究,1992,(02):108-123.
224. 李嘉谷. 抗日战争时期苏联对中国的军事援助[Ли Цзягу. Советская военная помощь Китаю во время войны сопротивления Японии]// 历史教学,1990,(10):47-48.
225. 李嘉谷. 抗日战争时期苏联对华贷款与军火物资援助[Ли Цзягу. Советские займы и военная помощь Китаю во время войны сопротивления Японии]// 近代史研究,1988,(03):212-220.
226. 李嘉谷. 《苏日中立条约》签订的国际背景及其对中苏关系的影响[Ли Цзягу. Международный контекст подписания китайско-советского договора о нейтралитете и его влияние на китайско-советские отношения]// 世界历史,2002,(04):79-88.
227. 李君山. 蒋中正与中日开战（1935-1938）：国民政府之外交准备与策略运用[Ли Цзюньшань. Чан Кайши и начало китайско-японской войны (1935-1938):

дипломатическая подготовка и использование стратегий национального правительства]//台北：政大出版社，2017-5,236 页.

228. 李君山.对日备战与中苏谈判（1931-1937）[*Ли Цзюньшань*: подготовка к войне с Японией и китайско-советские переговоры (1931-1937 гг.)]//台大历史学报第 43 期，2009 年 6 月，88-149.
229. 李君山. 抗战前期国民政府军火采购之研究（1937-1939）：以杨杰在俄法之工作为主线 [*Ли Цзюньшань*. Исследование закупок оружия Национальным правительством в начале войны (1937-1939): с упором на работу Ян Цзе в России и Франции]//国立政治大学历史学报. 2014(42). 79-135.
230. 李玫娟. 日苏主张缔结互不侵犯条约的转换—1931—1941 年[*Ли Мэйцзюань*. Трансформация Японии и позиция Советского Союза по заключению пакта о ненападении: 1931—1941 гг.]//历史教学(高校版),2008,(02):93-95.
231. 李凡.三十年代日本侵华与中日苏三国关系变化[*Ли Фань*. Японское вторжение в Китай в 1930-х годах и изменения в отношениях между Китаем, Японией и Советским Союзом]//南开学报,2004,(04):15-23.
232. 李义彬. 南京国民政府的联苏制日方针[*Ли Ибинь*. Подход национального правительства Нанкина к союзу с Советским Союзом для контроля над Японией]//历史研究,1991(01):63-79.
233. 李玉贞.中苏外交文件选译（上）[*Ли Южэнь*. Избранные переводы китайско-советских дипломатических документов]//近代史资料，第 79 期.
234. 李玉贞. 中苏外交文件选译（下）[*Ли Южэнь*. Избранные переводы китайско-советских дипломатических документов]//近代史资料，第 80 期,.

235. 李玉贞. 抗战时期的蒋介石与斯大林[*Ли Юйчжэнь. Чан Кайши и Сталин во время войны сопротивления Японии*]/社会科学研究,2010,(05):130-138.
236. 林威杰. 俄械东来:张冲与全面抗战初期苏联对华军事援助[*Линь Вэйцззе. Российское оружие приходит на Восток: Чжан Чун и советская военная помощь Китаю на ранних этапах тотальной войны*]/民国研究,2020,(01):63-82.
237. 刘唐领.赴苏采购抗日武器的回忆[*Лю Танлин. Воспоминания о поездке в СССР с целью закупки вооружения для нужд антияпонской войны*] // 房山文史资料, 第 1 辑.
238. 栾景河. 抗战期间苏联对华政策再研究[*Луань Цзинхэ. Пересмотр советской политики в отношении Китая во время войны сопротивления*]/中国社会科学院近代史研究所中外关系史学科,《历史研究》编辑部.“近代中国、东亚与世界”国际学术讨论会论文集(下册).中国社会科学院近代史研究所;,2006:453-475.
239. 罗瑞卿.吕正操.王炳南. 西安事变与周恩来同志[*Ло Жэйцин, Лю Чжэнцао, Ван Биннань. Сианьский инцидент и товарищ Чжоу Эньлай*].北京: 人民出版社. 1978. 101 页.
240. 罗志刚. 中苏外交关系研究(1931-1945)[*Ло Чжиган. Исследование китайско-советских дипломатических отношений (1931-1945)*]. 武汉:武汉大学出版社. 1999. 331 页.
241. 罗志刚. 略论抗日战争时期苏联参加对日作战问题[*Луо Чжиган. Краткое обсуждение участия Советского Союза в войне против Японии во время войны сопротивления Японии*]/武汉大学学报(哲学社会科学版),1998,(01):24-29.

242. 鹿锡俊. 蒋介石的对苏纠结与抗日决断(1936-1937)[*Лу Сицзюнь. Взаимодействие Чан Кайши с Советским Союзом и антияпонское решение (1936-1937)*]///抗日战争研究,2015(03):4-19.
243. 鹿锡俊. 1932 年中国对苏复交的决策过程[*Лу Сицзюнь. Процесс принятия решения о восстановлении дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом в 1932 году*]///近代史研究,2001,(01):27-61.
244. 鹿锡俊. 蒋介石的中日苏关系与“制俄攘日”构想—兼论蒋汪分歧的一个重要侧面（1933-1934）[*Лу Сицзюнь. Китайско-японско-советские отношения Чан Кайши и идея "контролировать России и преследования Японии" - эссе о важной стороне разногласий между Чан Кайши и Ван Цзинвэем (1933-1934)*]///近代史研究, 2003 年第 4 期. 50-86.
245. 鹿锡俊. 蒋介石的“制俄攘日”构想(一)[*Лу Сицзюнь. Стратегия Чан Кайши «Сдерживать Россию и отразить Японию» (Часть I)*].历史教学,2003,(11):78-79.
鹿锡俊. 蒋介石的“制俄攘日”构想(二)[*Лу Сицзюнь. Стратегия Чан Кайши «Сдерживать Россию и отразить Японию» (Часть II)*]///历史教学,2004,(01)
246. 马雨农. 张冲传[*Ма Юйнун. Биография Чжан Чуна*].北京:团结出版社, 2012. 496 页.
247. 蒲瑶. 刍议二战期间苏联对日政策之演变[*Пу Яо. Предварительное обсуждение эволюции советской политики в отношении Японии во время Второй мировой войны*]///延安大学学报(社会科学版),2001,(02):90-92.
248. 齐锡生. 分崩离析的阵营：抗战中的国民政府 1937-1945[*Ци Сишэн. Распадающийся лагерь: националистическое правительство в войне сопротивления, 1937–1945 гг.*].台北：联经出版社.2023. 836 页.

249. 齐锡生.从舞台边缘走向中心：美国在中国抗战初期外交视野中的转变(1937-1941) [Ци Сихэн. От края сцены к центру: сдвиг американской дипломатической перспективы в первые годы войны сопротивления в Китае (1937-1941)], 北京：社会科学文献出版社，536 页.
250. 屈武回忆录 （下） [Цюй У. Воспоминания. Т. 2]. 北京：团结出版社.1998.
251. 曲晓范. 1938 年日苏张鼓峰事件新论”[Цюй Сяофань. Новое обсуждение японо-советского инцидента 1938 года с Чжан Гу Фэном]//东北师大学报.2012 年第 5 期.
252. 秦世强.贺耀组访苏与蒋介石谋求中苏互助条约的努力[Цинь Шицян. Визит Хэ Яо в Советский Союз и попытки Чан Кайши заключить советско-китайский договор о взаимной помощи].民国档案,2018,(02):123-130.
253. 任骏.蒋廷黻与七七事变前后的中苏关系[Рен Цзюнь. Цзян Тинфу и китайско-советские отношения до и после инцидента на мосту Марко Поло]//近代史研究,1990,(04):181-200.
254. 石源华.中华民国外交史[Ши Юаньхуа. Дипломатическая история Китайской Республики.Шанхай: Шанхайское народное издательство]//上海人民出版社，1984 年版. 1568 页.
255. 孙才顺.如何评价抗战期间中苏关系中的是与非——论抗战期间中苏关系恶化的原因 [Сунь Цайшунь. Как оценивать права и неправа в китайско-советских отношениях во время войны сопротивления - О причинах ухудшения китайско-советских отношений во время войны сопротивления]//抗日战争研究. 2001 年第 3 期. 110-127 页.
256. 孙艳玲.抗战前期中国争取同苏联订立互助条约始末——兼析《中苏互不侵犯条约》的签订[Сунь Яньлин. Начальные этапы усилий Китая по подписанию договора о

взаимной помощи с Советским Союзом во время войны сопротивления Японии: анализ подписания китайско-советского пакта о ненападении]// 抗日战争研究,2006,(01):138-167.

257. 孙科.中苏关系与我国抗战前途[*Сунь Фо. Китайско-советские отношения и будущее китайской войны сопротивления Японии*].重庆: 中山文化教育馆, 1939. 21 页.
258. 沈志华.中苏关系史纲 (1917–1991) [*Шэнь Чжихуа. Исторический очерк китайско-советских отношений (1917-1991)*].北京:社会科学文献出版社. 2016. 840 页.
259. 陶文钊.中美关系史 (1911-1949) 上卷[*Тао Вэньчжао. История китайско-американских отношений (1911-1949) (том 1)*].上海: 上海人民出版社. 2004. 394 页.
260. 陶文钊.抗日战争时期中国对外关系[*Тао Вэньчжао .Внешние отношения Китая во время войны сопротивления Японии*].北京: 中共党史出版社, 1995. 536 页.
261. 王栋.“中苏关系研究的理论与现实”[*Ван Дун.Теория и реальность в изучении китайско-советских отношений*]//国际政治科学. 2009(04):63-91.
262. 王桧林.中国现代史”[*Ван Хуэйлин.Современная история Китая*]. 北京师范大学出版社. 2016. 570 页.
263. 王建朗.欧洲变局与国民政府的因应—试析二战爆发前后的中国外交[*Ван Цзяньлан. Европейские потрясения и реакция националистического правительства: анализ китайской дипломатии до и после начала Второй мировой войны*] //历史研究,2004,(04):116-131.
264. 王建朗. 二战爆发前后的中国外交—侧重于苏联因素的考察[*Ван Цзяньлан. Китайская дипломатия до и после начала Второй мировой войны: исследование с*

акцентом на советские факторы]//中俄关系的历史与现实.中国社会科学院近代史研究所,2003:349-371.

265. 王真.动荡中的同盟：抗战时期的中苏关系[Ван Чжэнь. Союз в смятении: китайско-советские отношения во время войны сопротивления]广西师范大学出版社, 1993 年,373 页.
266. 王真.抗日战争时期中苏关系中的意识形态问题研究”[Ван Чжэнь. исследование идеологических вопросов в китайско-советских отношениях в период войны сопротивления японской агрессии]//См:徐曰彪主编:“中苏历史悬案的终结[Конец исторических загадок в отношениях между Китаем и Советским Союзом].北京：中共党史出版社,2010,第 190-237 页.
267. 王真.抗战初期中苏在苏联参战问题上的分歧[Ван Чжэнь. Китайско-советские разногласия по вопросу участия СССР в войне в начальный период войны Сопротивления]//历史研究.1994 年第 6 期.112-125.
268. 王真.抗战时期中苏关系恶化初探[Ван Чжэнь. Исследование ухудшения китайско-советских отношений во время войны]//历史研究.1990 年第 4 期.51-63.
269. 王真：“实事求是，尊重历史—怎样以科学的态度研究抗战时期中苏关系的是与非”[Ван Чжэнь. Искать правду в фактах, уважать историю - как с научной точки зрения изучать правильные и неправильные стороны китайско-советских отношений во время войны]//抗日战争研究. 2001 年第 4 期. 91-117 页.
270. 王真.九一八事变后苏联对中日冲突的不干涉政策[Ван Чжэнь. Политика Советского Союза невмешательства в китайско-японский конфликт после инцидента 18 сентября]//抗日战争研究,1994,(02):26-37.

271. 王真. 孙科与战时国民政府的对苏关系 [Ван Чжэнь. Сунь Кэ и отношения националистического правительства с Советским Союзом во время войны] // 近代史研究, 1993, (05): 102-123.
272. 王真. 论抗战初期苏联援华政策的性质 [Ван Чжэнь. О характере советской политики помощи Китаю на ранних этапах войны сопротивления Японии] // 中共党史研究, 1993, (05): 48-54.
273. 王真. 抗战时期苏联与中共关系研究中的几个问题 [Ван Чжэнь. Несколько вопросов в исследовании отношений между Советским Союзом и Коммунистической партией Китая во время войны сопротивления Японии] // 近代史研究, 1992, (06): 196-210.
274. 王真. 抗战时期的在华苏联军事顾问 [Ван Чжэнь. Советские военные советники в Китае во время войны сопротивления Японии] // 抗日战争研究, 1992, (03): 176-189.
275. 王真. 抗战时期中苏关系文件选译 (上) (下) [Ван Чжэнь. Избранные переводы документов о китайско-советских отношениях во время войны сопротивления Японии (части I и II)] // 历史档案. 1995(3). 79-80. 1995(4). 69-77.
276. 王正华. 抗战时期外国对华军事援助 [Ван Чжэнхуа. Военная помощь иностранных государств Китаю в период антияпонской войны]. 台北: 环球书局. 1987. 245 页.
277. 吴启睿. 《苏蒙互助议定书》与中日苏外交博弈 [У Цируй. Советско-китайский договор о взаимной помощи и дипломатическая игра между Китаем, Японией и Советским Союзом] // 抗日战争研究, 2022, (01): 113-127.

278. 吴伟.重新审视《苏日中立条约》下的苏日关系[*Ву Вэй. Переосмысление советско-японских отношений в контексте советско-японского пакта о нейтралитете*] // 俄罗斯东欧中亚研究,2015,(03):33-44.
279. 夏仲高.张冲与军委会顾问处[*Ся Чжунгао. Чжан Чун и Бюро по делам советников Военной комиссии*] // 乐清文史资料,2000 年第 4 期.
280. 萧李居.蒋中正总统档案·事略稿本(第 42 册)[*Сяо Ли Цзю. Президентские архивы Чан Кайши: краткая расшифровка, том 42*]. 台北:“国史馆”,2010 年.
281. 肖自力,蔡梓.多边关系框架下国民政府外交重心的转移(1937–1940)[*Сяо Цзили, Цай Цзи. Сдвиг в дипломатическом фокусе националистического правительства в рамках многосторонних отношений (1937–1940)*] // 历史研究,2019,(06):117-135.
282. 薛衔天、金东吉.民国时期中苏关系(中)[*юэ Цзиньтянь, Цзинь Дунци. китайско-советские отношения в период Китайской Республики.*]//北京: 中共党史出版社, 2009 年. 278 页.
283. 徐万民. 战时中苏关系史研究的新收获—读《合作与冲突—1931–1945 年的中苏关系》[*Сюй Ваньминь. Новые открытия в исследовании китайско-советских отношений в военное время: обзор сотрудничества и конфликтов: китайско-советские отношения, 1931–1945 гг.*] // 抗日战争研究,1998,(02):247-252.
284. 颜惠庆.颜惠庆日记第二卷[*Янь Хуэйцин. Дневник Янь Хуэйцина. Т.2.*].北京: 中国档案出版社, 1996 年. 1017 页.
285. 严继光. 中苏合作抗日论[*Ян Цзигуан. О китайско-советском сотрудничестве в войне против Японии*]. 南京: 中山文化教育馆, 1937. 30 页.

286. 杨天石.找寻真实的蒋介石：蒋介石及其日记解读（三）抗战外交[*Ян Тяньши. В поисках настоящего Чан Кайши: Чан Кайши и анализ его дневников (Часть 3) – Дипломатия в период войны с Японией*].香港：三联书店出版社,2022,464 页.
287. 杨恕 郭黎鹏.民国时期中苏关系的三个层次（1917–1949）[*Ян Цзю, Го Липэн. «Три уровня китайско-советских отношений в республиканский период (1917-1949)»*]/俄罗斯学刊. 2018 年第 3 期. 5-18.
288. 杨德慧.杨杰将军传[*Ян Дехуэй. Биография генерала Яна Цзе*]. 云南人民出版社:1993.485 页.
289. 姚海.抗战时期中苏关系对反法西斯战争的影响[*Яо Хай. Влияние китайско-советских отношений во время войны сопротивления Японии на антифашистскую войну*] //探索与争鸣,2015,(04):13-15.
290. 叶健青.蒋中正总统档案·事略稿本（第 41 册）[*Йе Цзяньцин. Президентские архивы Чан Кайши: краткая расшифровка, том 41*]. 台北：“国史馆”2010 年.
291. 于铁军.国际政治中的同盟理论:进展与争论[*Юй Тецзюнь. Теория альянсов в международной политике: достижения и дискуссии*] // 欧洲,1999,(05):14-25.
292. 张冲.中苏复交后的几个问题[*Чжан Чун. Несколько вопросов после возобновления дипломатических отношений между Китаем и СССР*]/时事月刊第 8 卷第 2 期,1933 年 2 月号.
293. 张毅.中苏互不侵犯条约谈判与 1932–1937 年的中苏关系[*Чжан И. Переговоры по китайско-советскому договору о ненападении и китайско-советские отношения в 1932-1937 гг*]/近代史研究,2016 年第 2 期. 27-38.
294. 张皓.是“联俄抗日”还是“共同防共”:1933–1937 年蒋介石关于选边站的纠结[*Чжан Хао. «Союз с Россией для противостояния Японии» или «совместная*

оборона против коммунизма»: дилемма Чан Кайши в выборе стороны с 1933 по 1937 г.] // 安徽史学, 2019, (05): 78-93.

295. 张建华. 再造苏联形象: 抗战初期苏联空军援华及其影响 [Чжан Цзяньхуа. Переосмысление образа Советского Союза: помощь советских ВВС Китаю на ранних этапах войны сопротивления Японии и ее влияние] // 史学月刊, 2017, (01): 109-121.
 296. 张青松. 中国上空的鹰—苏联援华志愿队战史 (1937-1941) [Чжан Цинсун. Орлы над Китаем - военная история советского добровольческого корпуса для Китая (1937-1941)]. 北京: 中国致公出版社. 421 页.
 297. 章百家. 蒋介石请求苏联出兵参战—为抗日寻求外国军事援助之二 [Чжан Байцзя. Чан Кайши просит Советский Союз вмешаться в войну — Поиск иностранной военной помощи для войны против Японии, часть II] // 百年潮, 2004, (10): 27-32.
 298. 中共中央党史研究室. 中国共产党历史 (第一卷) 1921-1949 [История Коммунистической партии Китая (Том 1) 1921-1949], 北京: 中共党史出版社, 832 页.
 299. 中国抗日战争大事记 / 中国抗日战争史学会, 中国人民抗日战争纪念馆编 [Хронология китайской войны сопротивления против Японии. Сост.: Научное общество истории Войны сопротивления Японии, Мемориальный музей Войны сопротивления Японии]. 北京: 北京出版社, 1997 年. 727 页.
 300. 周黎扬. 抗日战争期间苏联军事顾问在中国 [Чжоу Лиян. Советские военные советники в Китае во время антияпонской войны] // 百年潮. 2005 年第 8 期. 26-34.
- 左双文, 曾荣. 联苏、和共、抗日: 1937 年宋美龄的政治选择 [Цзоу Шуанвэнь, Цзэн Жун. Союз с Советским Союзом, объединение с Коммунистической партией и

сопротивление Японии: политический выбор Сун Мэйлин в 1937 году].广东社会科学,2009,(02):92-99.

301. 左双文.《苏日中立条约》与国民政府的内外肆应[Цзоу Шуанвэнь. Китайско-японский договор о нейтралитете и внутренние и внешние реакции националистического правительства].中山大学学报(社会科学版),2010,50(02):92-99.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Послы Китая в СССР (1933–1945)

Имя (рус.)	Имя (кит.)	Дата назначения	Дата освобождения / окончания
Янь Хуэйцин	顏惠庆	6 января 1933 г.	26 августа 1936 г.
Цзян Тинби	蒋廷黻	26 августа 1936 г.	12 мая 1938 г.
Ян Цзе	杨杰	12 мая 1938 г.	19 апреля 1940 г.
Шао Лицзы	邵力子	19 апреля 1940 г.	15 января 1943 г.
Фу Бинчан	傅秉常	15 января 1943 г.	до 1949 г.

Составлено автором.

Таблица 2

Послы СССР в Китае (1933–1945)

Фамилия И.О.	Дата начала	Дата окончания
Д. В. Богомолов	май 1933 г.	декабрь 1937 г.
И. Т. Бовкун-Луганец	декабрь 1937 г.	июль 1939 г.
А. С. Панюшкин	сентябрь 1939 г.	май 1945 г.

Составлено автором.